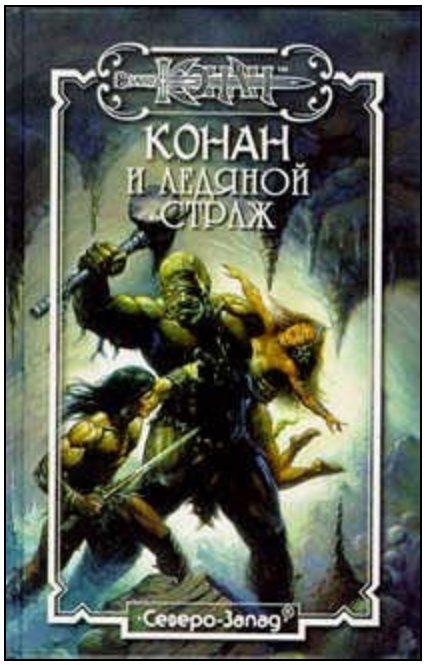
Крис Уэнрайт

Ледяной страж

(Северо-Запад, 1997 г., том 36 «Конан и Ледяной страж»)



Часть первая

ПРОИСШЕСТВИЯ В АГРАПУРЕ

Глава первая

Свирепый северный ветер насквозь продувал кривые и грязные улочки Аграпура, сбегавшие к порту. Саудан поплотнее запахнул плащ, пытаясь защититься от резких, обжигающих холодом ударов влажного морского воздуха. С возвышения, на котором раскинулась небольшая овальная площадь, в надвигающихся сумерках он видел стоявшие на якоре в открытом пространстве большие корабли и строй мелких баркасов и рыбацких лодок, прилепившихся ближе к изрезанному заливчиками и бухтами каменистому берегу.

Налетавшие шквальные порывы немилосердно раскачивали и галеры, и шхуны, и только тяжело груженные песком и камнем баржи, словно нехотя, медленно наклоняли свои корпуса, отзываясь на напор ветра.

Саудан хорошо различал среди прочих посудин свою «Утреннюю звезду» по искусно вырезанной на носу фигуре зубастого дракона. Выбеленная ветрами и соленой водой, она ярким светлым пятном мелькала в быстро темнеющем пространстве, словно танцуя среди вздымающихся волн. Саудан несколько лет ходил по морю Вилайет на этом корабле, который, как и несколько других, принадлежал богатому туранскому купцу Джемаху. Еще в юности он поступил матросом на один баркас, думая немного подзаработать для того, чтобы открыть трактирчик в порту Аграпура, но море так и не отпустило его — он остался моряком, набираясь опыта и постепенно переходя с одного судна на другое, более крупное.

Теперь, после многих лет морской службы, он был уже капитаном большого корабля, совершавшего далекие плавания по морю, вплоть до самой тундры, где и летом можно было напороться на льды или проснуться утром от жуткого треска мачт, склоняющихся под весом обледеневших снастей. Только что он вернулся в Аграпур с ценным грузом — табуном гирканских боевых скакунов и еле отбился от ксапурских пиратов, грабивших проплывающие мимо острова корабли. Помог попутный северный ветер, который теперь трепал мачты сгрудившихся у берега кораблей. Если бы не этот норд, то десяток пиратских баркасов догнал бы «Утреннюю звезду», и вряд ли сейчас Саудан шел бы по городу. Скорее всего, он кормил бы рыб на дне моря, либо, в лучшем случае, тащился под плеткой надсмотрщика в цепях невольничьего каравана куда-нибудь в Кхитай или в Гулистан. Житья не стало от этих пиратов!

Нельзя сказать, чтобы раньше никто здесь не слышал о пиратах — нет, они, конечно, всегда грабили суда на Вилайете, но гирканский уши-каган, как было договорено с Тураном,

обеспечивал относительную безопасность купцам, плавающим у восточного берега. Постепенно, однако, в Гиркании стали смотреть сквозь пальцы на «шалости» Красного Братства, как называли себя эти бандиты. А после того, как в Шеме, Кофе и Офире прекратились войны, целые полчища оставшихся не у дел лихих людей хлынули к гостеприимным берегам моря Вилайет, и теперь даже туранскому правителю не удавалось навести здесь хотя бы подобие порядка. Каждый должен был полагаться на себя, на свои силы, удачу да на милость богов. Саудан обсуждал эти дела с хозяином после своего возвращения.

— Житья не стало от этих пиратов! — выслушав рассказ своего капитана, воскликнул Джемах. — Думаю, нам надо набрать на корабль с десяток крепких и умелых ребят, которые могут хорошо работать с мечом и луком. Ты бы походил по кабачкам да тавернам, поискал кого-нибудь из бывших солдат или… — Он слегка замялся, оглаживая окладистую черную бороду, но, махнув рукой, продолжил: — Да вообще любые темные личности подойдут. Чем скрываться от стражников, им куда выгоднее будет служить у нас. Надо усилить охрану, а то не сносить вам головы, а мне одни убытки, клянусь богами.

Вот теперь Саудан после разговора с хозяином и направлялся к порту, надеясь подобрать к себе на корабль людей, искушенных в солдатском ремесле, а не то действительно можно пойти на корм рыбам. Он поглубже натянул на голову свою видавшую виды войлочную шапку и направился по узкой улочке вниз, где призывно горели фонари веселых домов и портовых таверн, где уже собирались скоротать вечер матросы с торговых кораблей, рыбаки и мелкие торговцы, портовые грузчики — да мало ли какой народ забредал сюда выпить кувшинчик вина и подкрепиться, а, то и просто поболтать со знакомыми или завести новых друзей.

— Рад видеть тебя, морская крыса! — приветствовал его хозяин харчевни «Соленый лещ», когда Саудан появился на пороге его заведения, с трудом справляясь с напором ветра, мешающим ему закрыть дверь.

— Привет, обглоданная клешня! — в тон ему ответил Саудан, направляясь к длинной стойке, за которой, в окружении бочонков с вином и глиняных кувшинов, возвышался, гордо выпятив под замызганным кожаным фартуком огромное выступающее брюхо, Келиб, хозяин харчевни.

Они обменялись крепким рукопожатием, как старые друзья. Действительно, знали они друг друга уже лет тридцать, а может быть, и более — в общем, с того времени, когда оба — ныне представительные, всеми уважаемые мужчины — были еще неоперившимися юнцами.

— Как дела? — спросил Келиб. — Что-то давненько о тебе не было ничего слышно.

— Далеко ходили, — беря протянутую кружку, ответил капитан, — на северо-восток, к гирканским степнякам.

— Ну и как, удачно?

— Хозяин доволен, — прихлебывая вино, ответил Саудан, — но около Ксапура нас чуть было не достали пираты.

— Да, — подхватил Келиб, — житья от них нет никакого. У почтеннейшего Ахматуллы два корабля так и не вернулись. Наверное, им, в отличие от тебя, не повезло.

— В море всякое бывает, может быть, и буря застигла.

— Сам знаешь, летом на море почти всегда спокойно, — возразил хозяин харчевни. — Они должны были еще осенью вернуться, а сейчас уже вон сколько времени прошло.

Мнению Келиба можно было доверять: он сам еще несколько лет назад ходил в море, да, кроме того, в его таверну стекались все новости — так что, если он что говорил, то зря не

свистел и слов на ветер не бросал.

— Пожалуй, ты прав, — усмехнулся Саудан, — тогда тем более стоит поскорее заняться делом. Хозяин посоветовал подобрать десяток крепких бойцов на «Утреннюю звезду».

— Я могу свести тебя кое с кем, только немного позже, — понизив голос, сказал Келиб. — Садись за столик, поешь пока. Сегодня очень хорошие крабы. Свежие, крупные.

— Сам знаешь, если полгода был в море… Вот они где у меня, эти крабы! — Капитан выразительно провел ребром ладони по шее. — Давай лучше какого-нибудь мяса — конины или барашка.

— Ладно уж, привереда! — раскатисто засмеялся хозяин. — Садись, что-нибудь сообразим.

Саудан отошел от стойки и сел за маленький столик в углу большого зала. Подавальщик по знаку хозяина расторопно поставил на стол кувшин вина, кружку, блюдо со свежими лепешками. Капитан задумчиво отломил румяный поджаристый ломтик и медленно жевал аппетитный хлеб, оглядываясь по сторонам.

Народу в харчевне было еще немного: через несколько столов от Саудана десяток матросов с торгового корабля шумно рассаживались по скамьям, предвкушая выпивку и сытный ужин, да еще один человек, лица которого не было видно из-за надвинутого капюшона, сидел в дальнем от капитана углу. Взгляд Саудана на мгновение задержался на могучей фигуре незнакомца, потом заскользил дальше по пустынному залу. Больше в таверне никого не было. Вечер еще только начинался.

«Знакомые что-то рожи! — подумал про матросов Саудан. — Уж не с «Северной стрелы», часом? Потом спрошу, — решил он, поскольку перед ним как раз поставили блюдо с аппетитно дымящейся бараниной, и грешно было не отдать дань искусству повара из харчевни Келиба, — никуда они не денутся».

Баранина была превосходной. Саудан отломил косточку с розоватым сочным мясом и обернулся к стойке. Келиб заговорщицки подмигнул ему: знай, мол, наших! Он оказался прав: кушанье было приготовлено особенно мастерски — для хорошего знатока или для хорошего друга, каким и был капитан хозяину харчевни. Саудан знаком выразил свое восхищение и принялся за еду.

Наслаждаясь покоем, сытной и вкусной едой, превосходным вином, Саудан, тем не менее, не забывал о цели своего прихода и оглядывал оценивающим взглядом каждого, входящего в таверну. Несколько стражников, бряцая амуницией, ввалились в зал и направились к стойке.

— Эй, Келиб! — заорали они от самого входа, — плесни-ка по кружечке, что-то в горле пересохло от этого ветра!

«Вот таких бы десяток, — подумал Саудан, уважительно оглядывая их доспехи и внушительные фигуры, — тогда и плавать можно было бы спокойно. Но с такого хлебного места их разве сманишь?»

Да, служить в городской страже было почетно и доходно, хотя и небезопасно: редкий месяц проходил без того, чтобы кто-нибудь из этих молодцов не пополнял унылый строй отправившихся на Серые Равнины, — если есть стража, то есть и те, кому эта стража очень мешает. Саудан еще раз глянул на стражников, их блестящие кирасы были сделаны отличным мастером и ладно сидели на крепких торсах солдат. Капитан мрачно вздохнул и вновь принялся обгладывать баранью ногу.

Стражники выпили по кружке и, звеня кольчугами и стуча подкованными сапогами,

вышли на улицу. Но в таверне не стало тише: народ прибывал, и зал вскоре зашумел стуком ножей, смехом, возгласами посетителей, собиравшихся провести здесь приятный вечерок. Мальчишки-подавальщики вихрем носились по залу, разнося блюда с пищей и пузатые кувшины с вином — харчевня зажила своей полнокровной вечерней жизнью. Кое-кто из приходящих узнавал капитана и подходил к нему поприветствовать и перекинуться парой слов, узнать последние новости морского путешествия, рассказать про свое. Много знакомых было у Саудана, да и то сказать, если всю жизнь прожил в этом городе, то половину Аграпура будешь знать, хотя бы в лицо.

— Кого я вижу! — К столу Саудана протиснулся крепкий, широкоплечий человек с обветренным, загорелым лицом. — Ты, похоже, недавно вернулся, приятель?

— Привет, Бахтар! — Капитан жестом пригласил его присесть. — Вчера, — коротко ответил он на вопрос и поманил пальцем мальчишку: — Еще вина, баранины и кружку для моего друга.

Бахтар присел на скамью, положив на столешницу жилистые волосатые руки. Несколько шрамов на запястьях и предплечьях свидетельствовали о бурных событиях, которые не прошли в свое время стороной мимо обладателя этих могучих рук.

— Как твои дела? — спросил, в свою очередь, Саудан, наливая собеседнику вина из кувшина. — Мы ведь не виделись года два, а то и все три, не так ли?

— А, — уныло махнул рукой Бахтар, — по-всякому. Сейчас вообще никак.

Он одним махом осушил кружку, и Саудан вновь наклонил кувшин. Пенистое вино забулькало, вырываясь из узкого горла расписного сосуда.

— Похвастать особо нечем. — Бахтар вытер рот тыльной стороной ладони. — Два года служил в офирской кавалерии, да, видно, не у того командира. Нас разбили в одном из боев, еле ноги унес. Там было не до жиру, лишь бы голову на плечах оставить. Вернулся голый, как эта ладонь. Нанялся к Ахматулле на «Эфес», сделали две ходки в Хоарезм, но у него сейчас дела пошли туго, и он нас всех рассчитал. При расчете дал, сам понимаешь, совсем немного — монеты уже кончаются. Правда, он обещал, если дела поправятся, вновь снарядить корабль в плавание, но одни боги знают, когда это может случиться.

— Я тебя давно знаю, — начал не спеша Саудан, прихлебывая вино из кружки, — и знаю с хорошей стороны. Ты, пожалуй, мне подойдешь.

— Зачем это я тебе понадобился? — В глазах Бахтара промелькнуло любопытство.

— Мне нужно усилить охрану корабля, — ответил Саудан. — У меня есть пятнадцать бойцов, но пираты настолько обнаглели, что этого стало мало. Надо бы еще найти с десяток таких крепких ребят, как ты. У тебя, случаем, нет кого-нибудь на примете?

— Лихих ребят хватает, — усмехнулся Бахтар, — но ведь тебе нужны те, кто знаком с морем. Непривычные к качке заблюют тебе всю посудину, — оскалил он желтые зубы, — а толку от них не будет никакого!

— Да уж, — засмеялся капитан, — как-то вез я два десятка стигийских рабов, и случился шторм — слабенький, между прочим, так себе штормишко. Так еле потом трюм отмыли. Ну, я вижу, ты понял, чего мне не надо. Поищи подходящих молодцов, сделай доброе дело.

— Договорились, — протянул руку Бахтар. — Ты здесь будешь?

— Да, посижу еще, пожалуй.

— Я сгоняю в «Петух», может быть, уже сегодня трех-четырех рубак тебе найду. Я ведь не один был в Офире, там немало наших сражалось.

— Спасибо, — капитан налил еще кружку вина, — выпей на ход ноги.

Когда приятель ушел, Саудан заказал еще кувшин вина и решил, что удачно начал набор охранников с Бахтара.

Теперь он может спокойно, ни о чем особенном не думая, посидеть в уютной, пропахшей пряностями таверне, отрешившись под мерный рокот людских голосов от гнетущих забот.

Глава вторая

Конан выбрал таверну «Соленый лещ», потому что она показалась ему более безопасной, чем другие подобные заведения. Паутина кривых улочек, невысокие изгороди, близость порта — все это давало возможность в случае опасности улизнуть незамеченным. Он сел за дальний стол в углу, заказал кувшин вина и блюдо вареных крабов и, не торопясь, принялся за трапезу.

Времени у него было много, спешить было некуда. Он не раз в молодости бывал в различных городах Турана, и хотя это было уже давно, но, наверное, осталось немало людей, кто мог бы узнать его в лицо. А поскольку далеко не все, чем он тогда занимался, согласовывалось с местными правилами и законами, то варвар из Киммерии старался не особенно афишировать свое появление в Аграпуре.

Несколько лет назад ему пришлось срочно покинуть столицу Турана: он убил старшего капитана туранской армии; мало того, этот офицер был сыном верховного жреца бога Эрлика. Хотя Конан тогда уже дослужился до звания капитана, и убил он Оркана в честном поединке, но законы Турана были суровы: поднявшего оружие на выходца из гирканской знати ожидает смерть, тем более что варвар был чужеземцем. Повод их ссоры, в общем-то, казался киммерийцу не таким уж значительным. Подумаешь, застал его Оркан в постели своей любовницы!

«Эта Наркия, помнится, была на редкость хороша! — Отзвуки былого нахлынули на киммерийца. — Хороша, но уж такая стерва!..»

Так или иначе, но ему не стоило появляться открыто в Аграпуре. Конан даже в таверне не откинул со лба капюшон плаща и, потягивая молодое пенистое вино, сидел вполоборота к входу, чтобы видеть всех, кто входил в зал. Настроение у него было довольно паршивое, как и всегда, когда он оказывался не у дел. Когда впереди не было цели действия, приключений и чего-то нового, живая и деятельная натура киммерийца чувствовала себя подобно лягушке, брошенной на раскаленный песок пустыни, — надо срочно делать прыжок, а прыгать-то и некуда.

Несколько последних месяцев его дела сложились далеко не блестяще: очутившись — не по своей воле, а в силу обстоятельств — на берегах Стикса, он не захотел оставаться среди крокодилов и болот. Правда, там было тепло, очень тепло, а точнее говоря, совсем жарко. Киммериец вспомнил и пустыню, где, казалось, песок плавился под лучами солнца, и загадочных брата с сестрой, близнецов, передвигающихся верхом на необычных, очень светлых и очень длинноногих верблюдах, и заколдованный город Опаловых ворот Джанагар,

и огромного идола, и чудесный вкус родниковой воды после многодневной жажды, и последнюю битву… Но главное, что он не мог забыть, — Акила! Независимая красавица, могучая воительница, королева племени женщин, которые были известны на западе как амазонки. Королева в изгнании.

«Что Наркия, — усмехнулся он про себя, — ее я вспомнил только потому, что она жила здесь, в Аграпуре. А вот Акилу я вряд ли смогу когда-нибудь забыть!»

Как они плыли на плоту по подземной реке! А три последние ночи, проведенные с этой великолепной женщиной! Конан тяжело вздохнул. Воспоминания были болезненны, потому что им пришлось расстаться — такова жизнь.

Акила была права — они оба были героями, а два героя не смогут ужиться под одной крышей. Так что прекрасная амазонка отправилась бороться с вероломно захватившей ее трон сестрой Бризейс, а он тоже недолго задержался в тихих стигийских болотах — подвернулся караван, идущий в Аграпур, и киммериец посчитал, что для него это будет достаточно хорошим выходом из положения.

Сначала он подумывал отправиться в Шем, рассчитывая, что если там, как он слышал, идет война, наняться наемником в одну из армий. Но сведения о ведущейся в Шеме войне оказались неверными. Направляться в Офир или Замору особого смысла не было, поскольку киммериец натворил в этих странах достаточно для того, чтобы все караулы имели его описание и приказ тотчас арестовать. Надо подождать, пока пройдет время, тогда многое забудется, а может быть, власть переменится, что бывало в этих землях даже чаще, чем хотелось бы самим жителям. Так варвар нанялся в охрану каравана и благополучно пересек с торговцами Стигию и юг Турана, перевалил через горы Ильбарс, и прибыл в Аграпур.

В пути особых передряг не было, правда, пару раз на караван совершали набеги полудикие пустынные племена, но киммериец вместе с отрядом опытных старых вояк без труда обращали их в бегство, сохраняя хозяйский товар, да и свои жизни.

В Аграпуре караванщик щедро рассчитался с ними, так что заработанных денег, если их расходовать умело, вполне хватило бы до самого лета, но Конана это всерьез не занимало. Он всегда тратил монеты, не думая, сколько их у него осталось, ибо, как он считал, деньги — это вода: как уплыли, так и приплывут вновь. Варвар договорился о постое в одном из ближайших домов, оставил там свои пожитки — кожаный мешок, пару козьих шкурок для обмотки ног да одеяло — и направился в таверну, чтобы подумать о дальнейших делах да, может быть, — кто знает? — повстречать какого-нибудь нужного для себя человека.

Конан поудобнее устроился на деревянной скамье, отполированной до зеркального блеска задами тысяч посетителей этой таверны, и, неспешно потягивая вино, оглядывал закопченные стены, длинную стойку, за которой, как монумент, возвышался хозяин, крупный, широкоплечий и пузатый туранец, скаливший в улыбке ослепительно белые зубы, встречая новых посетителей. Приход группы вооруженных людей заставил киммерийца насторожиться, но он их, похоже, не интересовал: ветреная, промозглая погода загнала стражей порядка погреться и пропустить по кружечке винца. Варвар отпустил рукоятку меча и снова расслабился. Вино здесь подавали неплохое, в таверне было тепло и спокойно, и ничто не мешало киммерийцу сосредоточиться на своих мыслях.

«Пожалуй, лучше всего было бы пристроиться на какое-нибудь торговое судно, — думал про себя Конан. — Времена сейчас спокойные, и вряд ли кому-нибудь могут понадобиться такие наемники, как я. Пару-другую лун проплаваю с торговцами, а там, глядишь, и лето наступит. Тогда можно будет подумать и о том, что делать дальше, да и время само что-

нибудь приподнесет, клянусь Кромом! Так было не раз, — прихлебывая вино, размышлял он, — так будет и дальше».

Активная натура киммерийца требовала действия, но не искать же себе приключений на пустом месте! Иногда надо и передохнуть. Похоже, придется несколько дней провести в Аграпуре, пока для него подвернется что-нибудь подходящее.

«Может быть, поискать старых приятелей и подельников по прежним туранским приключениями — задал себе вопрос варвар. — Нет, лучше уж подожду. Деньги пока есть, — он с удовольствием ощупал туго набитый кошель, — а высовываться лишний раз не стоит. Кто знает, что за мной до сих пор числится, не исключено, что городской палач уже давно наточил свой топор специально для меня. Все-таки этот Аграпур всегда был на редкость мерзким городишком».

Он подозвал мальчишку и заказал еще вина и баранью ногу с овощами. Тот стремглав бросился выполнять приказание. Между тем таверна постепенно наполнялась народом. Стало шумно, входящие приветствовали посетителей, перекидывались шуточками и поддевали знакомых. Чувствуя запах тугих кошельков возвратившихся из плавания матросов, в зале появились женщины, чей наряд только подчеркивал, но отнюдь не скрывал их пышные прелести.

Крики и смех, визг женщин, сочные шлепки по тугому телу — знакомая киммерийцу до мелочей обстановка вечерней таверны, казалось, даже сгустила воздух и заполнила все уголки большого, обшитого потемневшими от времени кедровыми досками зала.

— Подано, господин! — Мальчишка поставил перед ним кувшин и большое глиняное блюдо с мясом и мелко нарезанными и слегка отваренными, согласно местной традиции, морковью, капустой и сельдереем. Над кушаньем подымался аппетитный и пряный пар. Запах специй и знакомый гул вечерней таверны слегка исправили меланхолическое настроение киммерийца, и он, вытащив нож и предвкушая удовольствие, аккуратно отрезал первый кусок розоватой, сочной баранины.

В этот момент дверь таверны едва не слетела с петель, открытая ударом мощного кулака, и в харчевню с шумом и смехом ввалилась новая группа посетителей. Это была пятерка рослых, мускулистых туранцев, одетых, как близнецы, в куртки из козлиной кожи, отороченной мехом. На поясе у каждого из них болтались ножны с кривыми саблями.

— Рахманкул! — пронесся по таверне глухой шепот.

На мгновение все стихло, но потом гомон десятков людей снова заполнил пространство.

— Эй, Келиб! — крикнул предводитель вошедших, мужчина со шрамом на подбородке и без двух пальцев на левой руке. — Зажарь нам целого барашка да подай бочонок вина.

— А ты, — он кивнул одному из своих спутников, — освободи вон тот стол, мы сядем там.

Двое из вошедших направились к столу, за которым сидели киммериец и еще два человека напротив него.

— Здесь любим сидеть мы! — гаркнул туранец. — Выметайтесь, живо!

Двое матросов, которые расположились за столом напротив Конана, подхватили свои миски и в мгновение ока метнулись в сторону. Варвар, однако, даже бровью не повел. Он продолжал тщательно обгладывать баранью косточку, не обращая внимания на вопли туранца. Киммериец понимал, что сейчас ему лишняя драка, пожалуй, ни к чему, но его гордый нрав никак не мог смириться с подобной наглостью.

— Ты что, глухой? — подходя ближе, спросил спутник Рахманкула.

— Нет, — подняв на него взгляд, ответил варвар, продолжая заниматься своим делом.

— Тогда что же ты сидишь? — слегка растерялся забияка. — Ты ведь слышал, что тебе сказали.

Киммериец отложил кость на блюдо и внимательно посмотрел на говорившего. Взгляд холодных синих глаз заставил того невольно поежиться. Полыхавший в них ледяной огонь не сулил ему ничего хорошего.

— Ты, ты… — Туранец, отступив на шаг, обернулся назад, как бы приглашая своих на помощь. — Рахманкул! — наконец завопил он.

Варвар нащупал под плащом рукоятки меча и кинжала и приготовился к тяжелой схватке. Он видел, что перед ним не просто портовая шваль, а ребята, закаленные в лихих делах и, как он понял по шепоту вокруг, наводившие страх на местных жителей. Он уселся поудобнее, готовясь, если потребуется, мгновенно выпрямиться и ударить.

Рахманкул, занятый беседой с хозяином таверны, недовольно отозвался на зов своего подручного, даже не повернув головы:

— Что тебе, шакалья башка?

— Тут один не хочет уходить, — отозвался второй туранец, вставая рядом с первым.

Варвар с удивлением обнаружил, что оба похожи друг на друга, как две капли воды.

«Близнецы! — машинально отметил киммериец. — Если второй так же глуп, как и первый, — подумал он, — с ними справиться будет, пожалуй, не так уж и трудно».

Рахманкул только теперь повернул голову в их сторону и, сообразив, в чем дело, даже разинул рот от удивления.

— Ну, так выкиньте его оттуда к собакам! — рявкнул он.

Двойняшки двинулись на Конана. Тот внезапно поднялся во весь рост, сбросив плащ. Таиться дальше не было смысла. Разглядев своего противника, близнецы застыли как вкопанные, не зная, что делать дальше. Вид киммерийца, его рост, превосходивший любого в этом зале, могучая вязь мускулов и свирепый взгляд, а также то, как уверенно он держал оружие, пригвоздили бы к полу и не таких вояк, как эти двое.

Их предводитель, не разглядев из-за спин, в чем дело, повернулся к столу, за которым сидел варвар.

— Что вы там застыли, ублюдки? Не можете справиться с каким-то матросом?

Двое других его спутников рванулись за ним. Расталкивая посетителей, поднимавшихся посмотреть, что происходит, Рахманкул подлетел к киммерийцу, выхватив свой кривой меч. Саудан, которому с его места было плохо видно, что происходит, протискиваясь вперед, вдруг услышал обрывок разговора двух посетителей.

— Слушай, этот парень очень похож на того киммерийца, помнишь, что был капитаном гвардии?

— Не может быть! — возразил ему второй собеседник. — Это было давно, лет десять назад, он тогда исчез без следа.

— Очень похож, — продолжал размышлять первый, — если это, в самом деле, он, то Рахманкулу — конец, как пить дать…

Если бы этот разговор дошел до ушей предводителя шайки, Рахманкул, возможно, успел бы спасти свою жизнь. Но он уже не мог остановиться, тем более что под угрозой был его авторитет. Он взмахнул саблей, клинок варвара блеснул, отбивая удар. У Конана не было и мгновения на раздумья, тем более что он видел, как сотоварищи предводителя схватились за рукоятки своего оружия. Кривая сабля, вращаясь в воздухе, полетела в стену, а Рахманкул,

продолжая движение вперед, получил от варвара встречный жестокий удар кулаком между глаз. Шея несчастного запрокинулась назад, раздался хруст позвонков, и то, что мгновение назад было полным жизни и сил мужчиной, безжизненно растянулось на полу, конвульсивно дергая руками, словно взбираясь на невидимую стену.

— Я же говорил! — воскликнул узнавший киммерийца человек, обращаясь к своему приятелю. — Теперь видишь?

— Пожалуй, ты прав, — протянул собеседник.

Двое близнецов, которым тоже не помешало бы услышать, что говорят в толпе, с двух сторон бросились на варвара.

«Вот чучела!» — удивился Конан, отбивая удар первой и уклоняясь от просвистевшего на палец от его виска лезвия второй сабли.

В ограниченном пространстве таверны короткие кривые клинки нападавших были, наверное, более удобными для схватки, но не против киммерийца! Человек, который за свою жизнь провел в схватках едва ли не больше времени, чем во сне, видел и не таких. Его длинный широкий клинок мелькал с быстротой молнии. Ударом ноги он опрокинул стол под ноги нападавшим на него троим спутникам Рахманкула. Четвертый из них, постарше возрастом, видимо, как и те двое посетителей, тоже узнал Конана — он, вложив клинок в ножны, пытался криками заставить своих товарищей отступить. Но было слишком поздно: те, разъяренные гибелью своего предводителя, вновь бросились на киммерийца.

Варвар, выбив меч у первого близнеца, обернулся ко второму и взмахом меча снес ему голову. Подпрыгивая по неровным доскам, голова покатилась под ноги столпившихся зрителей, заливая кровью их сапоги.

— Архат! Стой! — тщетно взывал узнавший Конана бандит к голосу разума своего товарища.

Тот попытался обмануть киммерийца ложным выпадом, но поплатился мгновенным ответом: свист меча, и рука, еще продолжавшая сжимать рукоятку, с глухим стуком шлепнулась на пол. С воем бедняга схватился здоровой рукой за обрубок, из которого, как из фонтана, била струя крови.

Оставшийся в живых близнец бросился было за своим мечом, но опомнился и сел на пол, глядя на происшедшее совершенно очумевшими глазами. Все случилось так быстро, что не все успели даже вскочить со своих мест. Близнец повел глазами в стороны, увидел рядом, в двух локтях от себя, голову брата, глаза которого застыли в выражении непередаваемого ужаса и уже начинали тускнеть. Тело бедняги скорчилось, и потоки рвоты изверглись на то, что осталось от его родственника. Близнеца трясло, как тряпичную куклу, и подбежавший к нему последний из компании не мог даже удержать его за плечи.

Конан вытер клинок о куртку Рахманкула и вложил меч обратно в ножны.

— Подонки, только ужин испортили! Видят боги, я не хотел этого, — развел варвар руками, обращаясь к толпе, — вы свидетели.

Глава третья

Саудан, который видел все до мелочей с самого начала, потому что обратил внимание на происшествие с того момента, как Рахманкул со своими людьми вошел в таверну, застыл с открытым ртом. Такого он еще не видел, хотя крепких ребят встречал на своем веку немало. Два трупа за несколько мгновений, да при таком преимуществе нападавших! Собственно, и оставшиеся в живых уцелели только потому, что этот гигант не стал с ними связываться, попросту пощадил их! Вот такого рубаку ему и нужно на корабль.

По-видимому, и большинство посетителей таверны тоже видели такое впервые. Толпа словно оцепенела, внезапно наступила тишина, прерываемая лишь стонами туранца, все еще прижимавшего к себе культю отрубленной руки.

Киммериец, в отличие от других, не раздумывал. Надо было по-быстрому сматываться отсюда, пока не нагрянула стража. Конан решительно двинулся к дверям. В это время дверь распахнулась, и, на беду варвара, в таверне появились трое стражников.

— В чем дело, Келиб? — спросил один из них, указывая на толпу, окружившую место схватки.

Конан не стал дожидаться ответа хозяина таверны. Путь к дверям пролегал через толпящихся посетителей таверны, а киммерийцу сейчас не хотелось проливать лишнюю кровь. Он обернулся, прикидывая, можно ли скрыться через двери кухни, и рванулся в ту сторону. Люди слегка расступились, чтобы дать ему пройти, боковым зрением варвар уловил какое-то движение слева, но повернуться уже не успел и словно провалился куда-то в темноту…

Это оставшийся в живых близнец очухался и хватил Конана по затылку кувшином с вином. Варвар упал, потеряв сознание. Стражники, разобравшись, в чем дело, кинули его вместе с останками бывших противников в подвернувшуюся на улице повозку, отвезли в сторожевую башню и бросили в подвал, даже не дожидаясь, пока он придет в себя.

Любопытные разошлись по своим местам, мальчишки живо замыли следы крови, и таверна снова зажила своей обычной жизнью. Только теперь основной темой всех разговоров, конечно, было происшествие, только что разыгравшееся у всех на глазах.

Саудан приметил, кто из посетителей назвал имя этого синеглазого гиганта и пригласил его к себе за стол выпить кружку-другую вина. Тот оказался словоохотливым малым и без особых наводящих вопросов рассказал капитану все, что знал о киммерийце. Саудан и сам не раз слышал о подвигах гигантского роста варвара, который лет десять назад служил наемником в туранской армии. Он успел натворить в Аграпуре — да и не только здесь! — столько, что до сих пор находился в розыске.

Тогда Саудан думал, что, скорее всего, рассказчики просто преувеличивают, однако увиденное им сегодня повергло в изумление даже такого видавшего виды морского волка. Капитану страсть как захотелось заполучить такого молодца себе в охрану корабля, и, выведав как можно больше сведений о нем у разговорчивого малого, он отправился к Джемаху. Надо было побыстрее вытащить этого воина из темницы, пока стража не разобралась, кого именно они схватили сегодня вечером.

* * *

Когда Конан пришел в себя, он долго не мог понять, где он и что произошло. Тупая боль в затылке постепенно проходила, он поднял руку, нащупал на голове огромную шишку и сел на солому, куча которой валялась на полу помещения, где он находился. Когда глаза привыкли к полумраку, варвар различил маленькое оконце где-то очень высоко под потолком и круглые стены, сложенные из грубо отесанного камня.

И тут он вспомнил все события прошедшего вечера. В страшной досаде киммериец стукнул себя кулаком по ладони. Ну, надо же оказаться таким идиотом! Проворонить, как кто-то шарахнул его по голове! Непростительная ошибка даже для зеленого юнца…

Осмотревшись в полумраке, Конан понял, что сидит в сторожевой башне, из которой очень мало вероятности выбраться самому. Киммериец ощупал стены, решетку, которая выполняла роль двери и была сделана из прутьев толщиной чуть не два пальца, прикинул высоту до маленького отверстия в стене, пропускавшего неяркий лунный свет. На полу, кроме охапки жухлой соломы, на утрамбованной земле ничего не было. Положение было не из веселых. Повезло ему лишь в одном: стражники не надели на него цепей и не удосужились хорошенько обыскать — кинжал остался при нем. Все-таки какая-то надежда.

«Ладно, — решил про себя Конан, — отложим все до утра. Раньше они все равно разбираться с арестованными не будут. Хорошо хоть я перекусить в этой таверне успел…

Так что пока буду отдыхать, а там посмотрим, может быть, боги и на этот раз окажутся ко мне милостивы».

Он собрал солому в охапку потолще, завернулся в плащ и растянулся на подстилке. Через мгновение богатырский храп, казалось, сотрясал не только башню, но и всю городскую стену. Киммериец отдыхал.

Глава четвертая

Зеленоватое призрачное пламя тревожно билось на дне широкой, с зазубренными краями старой медной плошки. Гермия бросила в нее еще щепотку темного порошка, и пламя рванулось вверх с новой силой, сполохи огня заплясали на потемневшем каменном своде, причудливые удлиненные тени заметались по стенам.

— О, Этан, помоги мне! — Колдунья бросилась на колени перед маленьким алтарем, на поверхности которого был зажжен магический огонь.

Позади изъеденной временем неровной каменной плиты была расположена фигура уродливого божка с огромной круглой головой, оттопыренными ушами и маленьким тщедушным тельцем. Части тела, указывающие на принадлежность статуэтки к мужскому полу, были преувеличенно огромными — такими мог гордиться великан, а не тот карлик, в виде которого был изваяно божество. Как и все в этом подземелье, статуя была очень древней. Время нанесло ей существенный ущерб: на руках не хватало нескольких пальцев, мочка уха была отколота, лицо и колени сидящего на корточках уродца также были покрыты многочисленными сколами.

Зеленое колеблющееся пламя освещало уродца снизу, и поэтому его лицо с толстыми, растянутыми в усмешке губами и широкими, как у кхитайца, скулами выглядело особенно

зловещим. Тени набегали на узкие глаза и вспыхивали в нефритах, вставленных в глазницы так, что казалось, божество сумрачно и недобро оглядывает и это подземелье, и склоненную спину Гермии, и ее руки, протянутые к нему в тщетной мольбе.

— Ты по-прежнему молчишь? Но почему? О, бог, о кладезь мудрости, о отец наш и повелитель, почему ты не откроешь мне эту тайну? — Колдунья вновь склонилась к алтарю так, что ее тонкие губы коснулись плит каменного пола.

Ответом ей было молчание, только легкий, почти неуловимый для слуха шелест догорающего огня да мрачная и бессловесная усмешка каменного изваяния. Колдунья бросилась ничком на пол, вытянувшись как струна, сжала тонкие руки в кулаки и застучала ими по неровным плитам.

— Я выполнила все, что предписано! Почему же ты молчишь, почему?

Она перевернулась на спину, слезы текли по ее смуглым впалым щекам, оставляя блестевшие в красноватом свете влажные дорожки. Но камень оставался таким же бессловесным и холодным, как и раньше, и причитания колдуньи, ее слезы и мольбы не могли поколебать его вековое безмолвие. Гермия внезапно перестала стенать и поднялась на ноги, короткий просторный хитон едва прикрывал грудь и бедра колдуньи, длинные черные волосы разметались по спине.

Она с тоской смотрела, как последние сполохи зеленоватого пламени, умирая, бросили прощальный свет на выщербленное тело божества. Огонь на алтаре погас, и теперь только слабый свет небольших бронзовых светильников, расположенных у противоположной стены подземелья, вырывал из мрака и колдунью, и продолжавшую загадочно усмехаться статую, и древние плиты святилища.

Женщина бросила последний взгляд на статую и, резко повернувшись, пошла прочь от алтаря, ступая босыми ногами так легко и плавно, что казалось, будто она не идет, а плывет над полом. Дойдя до противоположной стены, Гермия начертила в воздухе магический знак, и ноздреватый камень свода изменил свой цвет с сероватого сначала на желтый, потом покраснел, затем, словно все цвета радуги один за другим пробежали по неровности стены, и, наконец, остановились, приняв вид темно-фиолетовой двери. Колдунья отворила дверь и прошла наружу, светильники по углам подземелья сами собой погасли, издав на прощание шипящий змеиный звук. Святилище окутала тьма.

Гермия, поднимаясь по выщербленным ступеням старой лестницы, в ярости колотила кулаком правой руки по ладони левой — опять, в который уже раз, ее преследовала неудача! Она прочла все старинные свитки, которые оставались у нее от матери, но ей никак не удавалось вызвать голос Этана, а это был единственный способ узнать, где спрятана волшебная чаша Гуйюка. Ее хитон развевался, словно крылья неведомой птицы, под взмахами мечущихся в ярости рук.

— Где вы, ленивые шлюхи? — закричала она, не обнаружив в большом зале своих служанок.

На крик вбежали две девушки и склонились в поклоне перед своей госпожой.

— Ты сама отправила нас прибирать твою спальню, госпожа, — защебетали они, исподлобья пытаясь взглянуть на колдунью, чтобы определить степень ее гнева.

— Тише! — прикрикнула на них Гермия, немного приходя в себя. — Где этот ублюдок Саятбек?

— Я здесь, госпожа. — В комнату ввалился, тяжело отдуваясь от быстрой ходьбы, невысокий, невероятной толщины человек в белом, вышитом разноцветными нитями

тюрбане. На пальцах толстяка, казалось, не оставалось ни одного свободного места, все они были унизаны перстнями и кольцами с множеством блестящих камней.

— Мне нужно еще свежей крови. — В глазах колдуньи сверкнул огонь.

— Госпожа, — взмолился толстяк, падая на колени, — где я тебе сейчас найду то, что ты просишь? Посмотри, уже глубокая ночь!

— Придется превратить тебя в дерьмо верблюда. — Колдунья погрозила ему согнутым пальцем. — Забыл, мерзавец, как я тебя вытащила из-под топора палача?

— Как не помнить, госпожа! — завыл толстяк и подполз поближе к хозяйке, норовя чмокнуть ее в руку своими жирными губами.

— Пшел вон, мразь! — Гермия ткнула босой ножкой его прямо в лицо. — Хорошо, я подожду до завтра, но если ты не приведешь мне новую кровь… пеняй на себя! Кстати, ты точно знаешь, что эта рабыня была девственницей? — грозно спросила она. — Я уверена, что у меня ничего не получается именно из-за тебя, толстый ублюдок!

Саятбек в испуге закивал головой, не решаясь произнести ни звука.

— Если еще раз промахнешься, тебя не спасет ничто. Завтра, в полдень!

Гермия кивнула служанкам и в их сопровождении отправилась в спальню, бросив последний грозный взгляд на распростертого на полу нерадивого слугу.

Глава пятая

— Это было бы неплохо! — усмехнулся Джемах. — Я бы даже сказал — очень хорошо, если это действительно он! Ты знаешь, кто такой этот Конан?

— Слышать приходилось немало, но вот увидел впервые — похоже, его долгое время не было в Аграпуре, — ответил Саудан, который, бросив свой ужин, отправился к хозяину, чтобы рассказать о происшедшем в таверне и попытаться склонить Джемаха к тому, чтобы тот помог ему вытащить гиганта-варвара из темницы.

— С таким рубакой, как он, не пропадешь нигде. — Джемах огладил свою курчавую бороду. Видно было, что ему доставляет удовольствие чувствовать под своими пальцами ее тугие завитки. — Лет шесть-семь, а может быть, и больше, точно уже не помню, он служил в армии правителя Илдиза. До капитана, между прочим, дослужился. А потом что-то у него произошло с сыном верховного жреца Тугрила. Говорили, что вроде бы бабу не поделили или что-то в этом роде. В общем, Конан убил Оркана, а после этого исчез — никто его здесь больше не видел.

— Надо что-то предпринять, хозяин. — Капитан «Утренней Звезды» даже ногами перебирал от нетерпения, словно конь, готовый сорваться с места.

— Ты прав, надо действовать! — Джемах хлопнул в ладоши.

Вошедшему слуге он приказал запрячь повозку, а сам направился в угол своего кабинета, к большому, окованному толстыми железными полосами сундуку. Вытащив из-за пояса ключ, купец отомкнул замок, поднял крышку, пошарил в глубине сундука и вытащил кожаный мешочек.

— Лови! — бросил он его Саудану.

Капитан поймал предмет, но чуть не выпустил из рук, настолько мешочек был тяжелым.

— А ты что думал? — засмеялся Джемах. — Задешево такого бойца не отдадут, да и поторопиться следует, пока все это не дошло до городских чиновников. За этим киммерийцем тянется такой хвост преступлений, что если мы не будем действовать расторопно, даже моих связей может не хватить, чтобы вызволить парня.

Они вышли во двор, где слуга уже поджидал их, держа под уздцы пару туранских жеребцов, запряженных в изящную повозку с крытым верхом.

— Давай к начальнику городской стражи! — приказал Джемах, когда они уселись с капитаном на мягкие кожаные подушки.

Двое охранников, вооруженных кривыми туранскими саблями, вскочили на запятки повозки, ворота открылись, и экипаж выкатился на улицу, которая в колеблющемся свете фонарей, раскачиваемых ветром, была похожа на уходящий куда-то вдаль разлом темной скалы — такой вид ей придавали выстроившиеся по обеим сторонам высокие заборы.

Проехав улицу, они завернули налево, к центральной площади, миновали несколько храмов и богатых домов, где у ворот дежурили стражники с алебардами, и подъехали к высокому светлому дому, над воротами которого был прикреплен старинный щит с прибитыми над ним двумя кривыми кинжалами.

Стражники перед входом узнали почтенного купца и бросились открывать массивные ворота, закрывавшие от непрошеных гостей покои их хозяина. Повозка въехала во двор, и капитан с Джемахом направились к входу в здание. Саудан первый раз был в доме такого большого вельможи и с интересом озирался по сторонам, любуясь красотой тонкой каменной вязи, покрывавшей карниз здания и портал дверей. В уходящем в темноту господском саду виднелось несколько роскошных мраморных статуй. У Джемаха дом тоже был не из бедных, но здесь, похоже, денег водилось куда больше.

Сопровождаемые черным слугой в белых шароварах и расшитой золотом безрукавке, они прошли через прихожую и по мраморной лестнице поднялись наверх. Двери раскрылись, и до них донесся шум голосов, смех, звон посуды — в общем, все признаки бурного и многолюдного веселья.

— Вечноживой Тарим, заступись хоть ты! — вполголоса посетовал Джемах. — Боюсь, что сегодня нам вряд ли удастся решить наше дело…

Они вошли в просторный зал, ярко освещенный множеством светильников, свет которых многократно отражался в зеркальных поверхностях боковых стен. В противоположной от входа стороне на огромном полукруглом ложе, перед которым стояло несколько заваленных яствами столиков, среди мягких подушек полулежали несколько человек в дорогих одеждах и о чем-то оживленно беседовали, перебивая друг друга и размахивая руками. Они были настолько заняты своим делом, что даже не заметили вошедших в зал.

Слуга подошел к сидящему в середине группы толстому человеку с раскрасневшимся от возлияний лицом и большими, навыкате глазами. Он склонился перед ним в почтительном поклоне. В это время помещение потряс взрыв хохота, толстяк хохотал громче всех, отирая выступившие на глаза слезы и хлопая себя по жирным бокам. Отсмеявшись, он заметил склоненного перед ним слугу.

— Ну, чего там?

Слуга что-то зашептал ему в ухо. Толстяк поднял взгляд и радостно завопил:

— Джемах, приятель! Что-то давненько мы не пропускали с тобой по кувшинчику!

Давай скорее сюда! До чего я рад тебя видеть, клянусь пресветлым Эрликом!

Видно было, что гулянка шла уже довольно долго, поскольку язык начальника стражи вовсю заплетался.

— А это кто с тобой? — Толстяк попытался подняться на ноги, но это ему не удалось, и он скатился с дивана куда-то под столик.

Его собутыльники встретили падение хозяина радостными воплями и взрывами смеха. Вся компания уже была в таком состоянии, что незначительный для трезвого человека повод вызывал бурное и продолжительное веселье. Джемах и Саудан подошли к столу. Толстяк снова взобрался на подушки и усадил новых гостей рядом с собой.

— У меня к тебе небольшое дело. — Купец все-таки попытался начать разговор в шуме и гаме, вновь заполонившем помещение.

— Какие могут быть дела? — заплетающимся языком протянул один из пирующих. — Никаких дел, правда, Рахум? — обратился он к сидящему справа от него тощему высокому человеку с лицом свекольного цвета.

Тот, судя по бессмысленному и радостному выражению глаз, был совершенно согласен с говорившим, но ответить не смог и только икнул, кивая головой, как кхитайский болванчик.

— Вот видишь, Джемах? — Довольный, что нашел поддержку товарища, его сотрапезник налил капитану и купцу по большой чаше красного вина. — Надо отдыхать, что это такое — все дела да дела…

— Придется с ними посидеть, — скрипнув зубами, шепнул Саудану Джемах, — все равно не отвяжутся.

— Ну вот, другое дело! — обрадовался начальник стражи. Он наполнил свой кубок и возопил так, что сидящий рядом с ним тощий Рахум даже затрясся от неожиданности: — Выпьем за почтенного Джемаха и… как там тебя? — вспомнил он о капитане. Получив ответ, добавил, расплескивая вино на Рахума: — И за тебя, уважаемый Саудан! Ты друг Джемаха, а значит, и мой друг тоже! Все пьем за моего друга Саудана!

Компания осушила кубки, и вновь загремело веселье. Один из гостей принялся рассказывать историю о вендийском купце и кхитайской наложнице, который все уже слышали не по одному разу. Рассказчик путался, все время что-то забывал, начинал все сначала. С помощью слушателей эту историю удалось довести до конца, и довольные собой сотрапезники опять долго ржали. Саудан мрачно наблюдал эту картину и уже начинал терять надежду на то, что удастся вызволить из тюрьмы так приглянувшегося ему варвара.

— Что ты говорил там о каком-то деле? — вспомнил вдруг начальник стражи.

Он набил себе рот халвой, и поскольку был уже совсем пьян, то Джемах с трудом разобрал, что тот говорит.

— Да уж ладно, потом поговорим, может быть, завтра… — махнул рукой купец.

— Вот! Я же говори… — Тут начальник стражи, поперхнувшись сластями, застыл на мгновение с выпученными глазами и открытым ртом, безуспешно пытаясь вздохнуть.

И неизвестно, чем бы это закончилось, если бы не звучный удар Саудана по спине толстяка. Взвыв от неожиданности, тот долго прокашливался, размахивал короткими пухлыми ручками и, отдышавшись, наконец, вновь потребовал выпивки.

— Нет, нет! — икая и расплескивая вино из серебряного кувшина, кричал он. — Я хочу выпить за моего друга Саудана, он спас мне жизнь!

— Спас жизнь! Спас жизнь! — подхватила пьяная компания.

Все хлопали капитана по плечу, каждый норовил обнять и облобызать героя дня. Саудан

с трудом вырвался из жарких объятий, весь измятый и обслюнявленный.

«Вот не повезло-то, — мрачно думал он, — и дела не сделали, и время напрасно теряем».

Гулянка продолжалась еще некоторое время. Джемах и Саудан, которые уже почти смирились с тем, что их предприятие окончательно провалилось, обменивались мрачными взглядами. Наконец большинство сотрапезников захрапели, откинувшись на мягкие подушки, и только несчастный Рахум продолжал сидеть прямо, как жердь, время от времени мотая головой из стороны в сторону, словно осел у кормушки с овсом, отгоняющий мух. Слуги, привыкшие к подобным окончаниям пирушек, продолжали тупо размахивать опахалами, навевая свежий воздух на своих спящих господ.

— Пошли! — скомандовал Джемах, и они с капитаном, наконец, смогли выбраться из этого чересчур гостеприимного дома.

— Гони к башне! — приказал купец своему кучеру. — Ничего не остается, попробуем разобраться сами, без начальников.

* * *

Конан безмятежно спал, пока его не разбудил какой-то доносившийся снаружи шум. Прислушавшись, он понял, что это ссорятся стражники, видимо что-то не поделившие или же ругающиеся во время игры в кости.

Киммериец приподнялся на локте и, подобрав под себя ноги, сел на подстилку. Спать больше не хотелось, да и положение, в котором он очутился, все-таки обязывало его что-то делать.

«Экие дурни! — еще раз с удовлетворением обругал он про себя стражников, любовно поглаживая рукоятку кинжала. — Всякий раз это Нергалово племя где-то ошибается. Лентяи! Ну, да мне это, ясное дело, на руку».

Варвар полез в потайной карман своего плаща и обнаружил там несколько монет, которые стражники пропустили, когда обшаривали его перед тем, как бросить в подземелье. Решение вспыхнуло в мозгу неожиданно. Конан подошел к решетчатой двери, отделяющей его камеру от коридора, и принялся трясти ее обеими руками.

— Эй, вы, сыновья шакала! — крикнул он во всю силу своих могучих легких. — Что вы там, заснули? Давайте сыграем в кости!

Шум снаружи стих, а затем киммериец услышал звон доспехов и шаги спускавшихся вниз людей. Наконец отблески света на каменном своде показали, что стражники уже рядом.

— Чего орешь, ослиное дерьмо? — Первый из стражников показался в проеме, ведущем наверх, держа в руках масляный светильник. Второй шел за ним следом.

— Слышал, что вы играете в кости, — миролюбиво сказал Конан. — Я бы тоже с удовольствием сыграл пару конов.

— На что ты будешь играть, придурок? — захохотал второй стражник. — На свои сапоги? Так они нам и так завтра достанутся, когда тебя отправят на галеры!

— А может быть, и вообще пустят гулять по Серым Равнинам, — весело подхватил стражник с фонарем, — это уж как судья решит. А будешь еще шуметь, так мы тебе

всыплем, — потряс он плетью.

Не оставляло сомнений, что стражники были не прочь снять напряжение, вызванное ссорой, отыгравшись на арестанте.

— А вот это видел? — Варвар протянул ладонь вперед.

Блеск металла заставил первого-стражника подойти ближе к решетке. Алчность сделала свое дело, усыпив его бдительность. Он приподнял лампу повыше, чтобы разглядеть монеты, и на мгновение замешкался. С киммерийцем этого делать было нельзя ни в коем случае. Пущенный могучей и меткой рукой кинжал почти по самую рукоять засел в глазнице второго стражника, а стальные пальцы варвара, как капкан, сомкнулись на запястье первого. Тот не успел охнуть, как оказался накрепко припечатанным к решетке двери, вторая рука киммерийца цепко держала его за горло.

— Ключи у тебя? — ласково спросил варвар.

— А… а, да-а-а… — прохрипел стражник.

Конан освободил запястье, но продолжал сжимать горло начинавшего уже терять сознание стражника. Он отцепил ножны с мечом от его пояса и, найдя ключи, вложил их бедняге в правую руку.

— Открывай, не то тебе крышка, — чуть ослабив хватку, предложил ему киммериец и в подтверждение своих слов снова сжал пальцы.

У стражника едва хватило сил кивнуть головой. Было темно. Единственная лампа погасла — стражник выронил ее, когда летел к двери. Поэтому он довольно-таки долго прилаживал ключи, но вот, наконец, замок щелкнул, и дверь распахнулась. Конан отпустил своего противника, выскользнул из камеры, и мощным ударом кулака в лицо чуть было не размазал стражника об стену. Стук упавшего тела послужил доказательством того, что киммериец приложился от души. Прислушавшись, не слышно ли чего наверху, варвар осторожно поднялся из подвала. В караульном помещении было тихо, одиноко горела масляная лампа, отбрасывая неровный свет на расстеленный на полу потертый коврик, где валялась пара костей.

На старой деревянной лавке у стены стояли кувшин и две глиняные кружки. Киммериец потряс кувшин — там что-то булькнуло, Он налил себе полкружки вина и осушил одним духом, потом взял лампу и снова спустился вниз.

Картина, которую он увидел при свете лампы, была безрадостной — разумеется, для стражей порядка. У противоположных стен небольшого коридорчика, скорчившись, лежали два трупа: последнего удара киммериец, похоже, не рассчитал. Конан вытащил свой любимый кинжал из черепа стражника, вытер его о безрукавку несчастного, выбрал из двух мечей тот, который ему показался более достойным, и, не забыв обшарить кошельки своих бывших тюремщиков, поднялся наверх. Больше его ничего здесь не удерживало. Он приоткрыл дверь и выглянул наружу. Все было тихо. Запахнув поплотнее плащ, он вышел на улицу и, стараясь прижиматься к стенам домов и каменным изгородям, чтобы быть менее заметным, направился в сторону порта. В тот дом, где он оставил свои пожитки, варвар решил не возвращаться: береженого боги берегут.

В порту он надеялся найти какое-нибудь судно, которое отплывает в ближайшее время. Может быть, удастся там спрятаться на время, а потом имело смысл покинуть этот треклятый город. Действительно, всегда ему не везло в этом Аграпуре. Не стоило, пожалуй, сюда возвращаться!

Глава шестая

Островерхая крыша сторожевой башни четко вырисовывалась на фоне освещенного луной неба, очистившегося от облаков. Яркие звезды весело перемигивались, лишь иногда исчезая в тени последних клочков рассеянных ветром туч. Ветер стих, и Саудан с удовлетворением воспринял эту перемену погоды: можно было не опасаться за сохранность его бесценной «Утренней звезды», которую несколько часов назад нещадно били поднятые ненастьем морские волны. Он постучал в дверь сторожевой башни. Ответа не было. Капитан постучал еще раз.

— Джемах! — Он заглянул в повозку. — Там вроде никого нет.

— Не может быть! — Купец спрыгнул на мостовую и направился к башне. — Здесь всегда сидят два или три стражника да еще арестованные.

Он сам стукнул в дверь — уже посильнее. Неожиданно она подалась и открылась, скрипя на старых петлях. Капитан и Джемах заглянули внутрь — там было темно и пусто.

— Здесь что-то не так! — воскликнул купец. — Дай-ка мне фонарь! — крикнул он слуге.

Саудан и Джемах поднялись в караульное помещение и, не найдя там никого, спустились вниз.

— Вот это да! — только и могли они вымолвить, увидев ту самую безрадостную картину, которую некоторое время назад наблюдал киммериец.

— Не повезло нам, — усмехнулся Джемах, — похоже, твой варвар сам позаботился о себе — и гораздо лучше, чем могли бы это сделать мы. Теперь его ищи-свищи!

— Делать нечего, — развел руками Саудан, — пойду опять в «Соленый лещ». Там один приятель обещал мне подобрать пару-тройку крепких парней. Конечно, такого, как этот киммериец, больше не найдешь. А, чтоб Нергал побрал этих пьяниц! — с досадой бросил он, вспомнив пирушку у начальника стражи.

— Да ладно уж, не кипятись, — усмехнулся Джемах, усаживаясь в повозку. — Неужели самому никогда не приходилось перебирать лишку?

— Всякое бывало, — угрюмо буркнул Саудан и направился вниз по узенькой улочке, туда, где призывно светился фонарь над входом в таверну.

В таверне, казалось, уже позабыли о недавнем происшествии: мальчишки сновали с подносами, матросы, успевшие изрядно нагрузиться, орали, обняв за плечи друг друга, какую-то залихватскую песню, а сидящие за соседними столами прихлопывали в ладоши.

Кое-кто из посетителей развлекался с местными красотками, усадив их к себе на колени, несколько человек, собравшись у одного из столов, играли в кости, криками приветствуя удачный ход, — словом, все происходило как всегда.

Саудан огляделся и, увидев у стойки Бахтара, оживленно беседующего с хозяином, двинулся туда сквозь сутолоку разгоряченных тел. Запахи пота, просоленных морем одежд, женских румян и мускуса, пряностей и свежего хлеба смешивались в невообразимом сочетании, которое ни с чем не спутаешь в любом городе у моря, — это был аромат портовой таверны.

— Ну, как наши дела? — подойдя к стойке, спросил капитан.

— Нашел тебе пятерку лучших рубак из этих кварталов — звери, а не ребята! — несколько хвастливо ответил Бахтар и, понизив голос, добавил: — Тут еще один хотел бы поговорить с тобой.

— Давай его сюда! — оглядывая зал, согласился Саудан.

— Выйдем, он ждет нас за углом, — предложил Бахтар.

— Что еще за тайны ослиной задницы? — выругался капитан.

— Пойдем, сам увидишь и решишь, — потянул его за рукав приятель.

Выйдя на улицу, Бахтар прошел несколько шагов вдоль стены таверны и тихонько свистнул.

— Я здесь. — Прямо перед Сауданом, отделившись от стены, выросла огромная фигура.

Капитан вздрогнул: он мог поклясться, что только что в неясном свете фонаря видел перед собой лишь неровные каменные плиты. Подошедший был громадного роста, а широкий развевавшийся плащ придавал его фигуре вообще необъятные размеры.

— Это ты ищешь людей к себе на корабль? — слегка откинув капюшон, спросил гигант, и Саудан узнал его голос.

— Конан? — изумленно выдохнул капитан.

— Да, меня зовут Конан. Ты что, знаешь меня?

— Я тебя ищу целый вечер, хотел вытащить из кутузки…

— Сами отпустили, — со смешком сказал киммериец. — Ты когда отплываешь?

— Послезавтра, — ответил Саудан, — но если тебе подойдет мое предложение, то можно переправить тебя на судно прямо сейчас.

— Твой приятель рассказал мне, чего ты хочешь, — перебил его варвар, — а мне сейчас больше всего подойдет побыстрей убраться отсюда. Да и вообще, давненько я не плавал на больших кораблях. Так что в цене сойдемся, не сомневайся.

— Тогда пошли, — скомандовал Саудан. — А ты, — он обратился к Бахтару, — держи язык за зубами и завтра приходи со своими головорезами. Я пришлю за вами лодку.

* * *

Корабль был большой, повидавший виды и всласть потрепанный морскими волнами. Однако мачты были надежными, как показалось Конану на первый взгляд, и такелаж выглядел совсем новеньким и крепким.

— Перед последней ходкой хозяин раскошелился на новые паруса, — словно прочтя его мысли, сказал Саудан.

— Я не поинтересовался даже, а куда ты, собственно, направляешься? — спросил киммериец. — Мне, вообще-то, нет до этого большого дела, лишь бы ноги отсюда унести.

— Я тебе скажу, когда мы отплывем, — понизив голос, сказал капитан. — Но скажу только тебе, а остальным этого знать не надо. Поскольку я решил сделать тебя командиром наемников на нашем корабле, путь наш будет тебе известен, но только после того, как мы выйдем в море, — еще раз повторил он.

«Вечно они устраивают какие-нибудь тайны, — с неудовольствием отметил про себя

Конан, однако решил особо об этом не задумываться. — Что случится, то и случится — значит, так боги задумали, а мое дело — не зевать», — решил он.

Они прошли по палубе к заднему мостику и, открыв потемневшую дубовую дверь, начали спускаться по крутой лесенке вниз. Свет фонаря, который держал перед собой матрос, едва освещал узкий, уходящий к самой корме коридорчик, в котором с обеих сторон было несколько узких дверей. Киммериец, пригнув голову, чтобы не удариться о низкий потолок, шел следом за Сауданом.

— Вот здесь ты и разместишься, — открыв одну из дверей, сказал Саудан, приглашая варвара войти внутрь. — Рядом моя каюта, а напротив — каюта, в которой располагается наш хозяин, если он идет в плавание вместе с нами.

Помещение, куда они вошли с капитаном, было крохотным — в нем с трудом могли разместиться два человека.

В небольшом квадратном оконце то появлялась, то исчезала в такт ударам волн ночная звезда. Из мебели в каюте был только сундук, занимающий всю стену вдоль борта корабля, — он служил постелью хозяину каюты.

— Мы уходим послезавтра утром, и я думаю, что тебе лучше не показываться на палубе, чтобы не вызывать лишнего любопытства, — заметил капитан.

— Ты прав, — согласился варвар, вешая фонарь на крюк. — Но мне нужно оружие, и не только мне, кстати, — ты же сказал, что нас будет человек двадцать — двадцать пять. Конечно, — продолжал киммериец, присаживаясь на сундук, и жестом приглашая капитана присесть рядом, — я не думаю, что ты новичок в этом деле, но все же, поскольку ты хочешь поручить защиту судна мне, я должен этим делом заняться всерьез. Таким клинком, — он показал свой меч, — только в заду у кабана ковырять, — выругался он. — Сам понимаешь, с таким оружием я не смогу быть полностью уверен в своих силах. Да и голову свою мне жалко. — Конан, недобро усмехаясь, пощупал шишку на голове, которой его наградил один из близнецов в таверне.

— Сучий потрох! — выругался он еще раз, и было непонятно, к кому это относилось — к близнецу или ему самому.

Киммериец всегда сильно злился на себя, когда допускал небрежность, которая могла стоить ему жизни. Хотя до сей поры боги хранили его от последствий таких — весьма, надо сказать, немногочисленных — ошибок.

— Не беспокойся, — заверил его Саудан, — я подберу тебе все, что необходимо. Сейчас мы составим список всего, что тебе может понадобиться, и завтра все это будет на борту. Атабах! — крикнул он матроса. — Доску и грифель, живо!

Под диктовку киммерийца Саудан записал на доске длинный перечень различного снаряжения и оружия, которое, по мнению Конана, могло им пригодиться в борьбе против желающих попотрошить трюмы корабля.

— А мне просто необходим хороший меч, вот такой, — киммериец развел руки чуть ли не на всю ширину каюты, — обоюдоострый и широкий. Такие делают в Зингаре. Мой отобрали стражники, эти потомки шелудивых ослов!

— Такие мечи здесь большая редкость, — с сомнением в голосе сказал Саудан. На мгновение он нахмурил брови, задумавшись, потом вдруг повеселел и уверенно закончил — Будет тебе меч, клянусь Таримом!

На том и расстались. Капитан, хотя была уже глубокая ночь, собрался на берег, а Конан, растянувшись на сундуке, укрылся плащом и впервые за последние несколько суток заснул в

спокойной обстановке. По правде говоря, он не жаловался на сон в любых условиях, но все же сладко выспаться иногда не мешало даже такому авантюристу и бродяге, каким был варвар.

Глава седьмая

Безжизненное, бледное, как полотно, тело молодой девушки обвисло на цепях, которыми оно было приковано к стене. Длинные светлые волосы свешивались с откинутой вбок головы, прикрывая левое плечо и грудь, но оставляя на виду страшный разрез на шее, идущий наискось вверх от правой ключицы. Кровь еще продолжала пульсирующими толчками выплескиваться из располосованного горла и из такого же длинного разреза на внутренней поверхности правого бедра, чуть повыше подколенной ямки. Сама жертва уже перестала биться, ее глаза подернулись мутноватой пленкой, утратив живой блеск.

Все помещение от стены до стены было забрызгано человеческой кровью, собравшейся в углублениях холодного каменного пола в небольшие лужицы, от которых поднимался еле заметный пар. Багровые потеки залили и все тело несчастной, подчеркивая изгибами своих струй выпуклость ее живота и стройных бедер.

— Вот госпожа, как видишь, самая свежая. — Держа на вытянутых руках чашу, только что наполненную кровью молодой девственницы, Саятбек подошел к появившейся на пороге подвала Гермии.

— Ты что, ублюдок, не можешь сделать это так, чтобы не запачкать хотя бы потолок? — вместо благодарности отчитала его колдунья, брезгливо оглядывая помещение.

— Прости меня, госпожа, — зашлепал губами толстяк, — девка очень сильно билась…

— Ну, будет, — оборвала его речь колдунья, подходя ближе и взглянув на чашу, полную темно-красной жидкости. — Теперь можешь быть свободен, ступай наверх. Когда позову, уберешь здесь. Чашу поставь на скамью.

Саятбек, кланяясь, задом выкатился из подвала. Гермия расстелила перед скамьей потертый коврик, на котором еще сохранились следы каких-то знаков, вышитых, видимо, очень-очень давно.

Потом она сбросила обувь и, встав на коврик, расстегнула застежки хитона. Одеяние медленно сползло на пол, оставив женщину совершенно обнаженной. Колдунья откинула назад черные волосы и наклонилась над чашей, почти касаясь поверхности крови кончиками своих грудей с удлиненными коричневыми сосками. Ее тело было почти совершенным и похожим на тело несчастной девушки, свисавшее в оковах в пяти шагах от колдуньи, только Гермия была смуглой, как стигийка, а жертва — белокожей от природы, а после того, как у нее выпустили кровь, ее кожа обрела цвет мрамора.

Колдунья зачерпнула маленьким ковшиком багровую жидкость из чаши и залпом выпила до дна. Глаза ее заблестели, она глубоко вздохнула и некоторое время стояла, выпрямившись, с остановившимся взглядом и разведенными в стороны руками. Потом Гермия взяла со стоявшей рядом скамьи один из серебряных сосудов и вылила несколько капель в еще дымящуюся кровь. Соприкоснувшись с жидкостью, кровь зашипела, над ней поднялось

легкое голубоватое облако, которое постепенно распространилось над поверхностью чаши и, словно туман, начало стекать вниз с краев.

Через несколько мгновений облачко рассеялось, и вместо красной жидкости чашу наполовину заполнило густое желтоватое вещество, напоминающее темный цветочный мед.

Колдунья обмакнула в чашу мизинец и помазала этим веществом, издававшим запах одновременно жгучий и свежий, у себя над бровями и на переносице. Голова у женщины закружилась, по телу прошел легкий озноб. Она вынула из чаши еще немного мази и начертила крестообразные знаки между грудей и под ними, обвела соски. Потом Гермия провела черту по животу — от пупка вниз, две длинные полосы по внутренней поверхности бедра до самых коленей и напоследок — несколько вертикальных черточек на плечах. Озноб усилился, все тело колдуньи покрылось крупными мурашками, голова закружилась еще сильнее, ей пришлось даже слегка расставить ноги, чтобы удержать равновесие и не пошатнуться.

Некоторое время она стояла, не двигаясь, прижав руки к груди и тяжело дыша. Потом Гермия взяла со скамьи следующий кувшинчик и капнула в чашу еще несколько капель. Мазь побурела, стала уменьшаться в объеме, как бы усыхая на глазах, и через несколько мгновений на дне чаши лежала небольшая кучка зеленоватого порошка.

«На этот раз обязательно получится!» — с восторгом подумала колдунья.

Она вновь накинула на себя хитон и, взяв в руки чашу, подошла к стене напротив. Начертив в воздухе магический знак, она подождала, пока часть стены превратится в голубую дверь, и вошла сквозь нее в подземелье, где тотчас сами по себе вспыхнули два светильника. Дверь исчезла, и никто не смог бы сказать, глядя на ноздреватый камень стены, что только что здесь был проход.

Колдунья бросила на медную зазубренную плошку на алтаре зеленый порошок, и он вспыхнул, освещая своим светом оскалившегося в вечной усмешке идола.

— Скажи мне, Этан! Ты видишь, я выполнила все предписания! — Гермия склонилась перед статуей в низком поклоне.

На некоторое время в подвале воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием горящего порошка. Колдунья подняла глаза на изваяние — оно продолжало оставаться неподвижным.

— Не получается! — прошептала колдунья, в отчаянии прижимая руки к груди.

В этот момент она почувствовала, что плиты под ее ступнями вроде бы пришли в движение, как будто она находилась не на каменном полу, а на зыбкой палубе плывущего по бурному морю судна. Гермия подняла глаза: стены задвигались, они вытягивались в стороны, изменяя свой серовато-желтый цвет на белый. Потолок уходил куда-то ввысь все дальше и дальше, пока его свод не засверкал мраморным блеском высоко над головой. Алтарь и статуя божества росли вместе со стенами, и скоро каменная доска, на которой стояла плошка с зеленым пламенем, была уже на высоте крыши высокого дома.

Статуя бога превратилась в изваяние величиной с вендийского слона. Губы божка дрогнули, растянулись в подобии зловещей улыбки. Он открыл рот, и колдунья почувствовала, что воздух вокруг нее сгущается, подобно горячему движению песчаной бури.

— Кто ты, мерзкая, пробудившая меня ото сна? — пророкотал сверху голос, похожий на далекие раскаты грома.

— Я Гермия, — ответила колдунья.

— Не знаю никакой Гермий, — наклоняясь вперед, громыхнула статуя. — Мою

повелительницу зовут Баэлина.

— Баэлины нет в живых, я ее дочь.

— Ха, ха, ха! — словно горный камнепад скатился вниз смех чудовища. — Разве у такой шлюхи может быть дочь? Сними хитон, я должен посмотреть на тебя!

Женщина расстегнула застежки хитона. Сейчас она была полностью во власти этого каменного колосса. Баэлина, ее мать, не научила ее, как снять заклятие, приходилось повиноваться божеству — до тех пор, пока горит на алтаре зеленоватое пламя. Одежда соскользнула наземь, и нефритовые глаза бога впились в совершенное тело женщины. Зрачки долго скользили по фигуре колдуньи, а губы в это время удовлетворенно причмокивали с таким звуком, будто целое стадо бегемотов шло по болотистой местности.

— Похожа на мать, — пророкотал идол. — Ну-ка, повернись и убери волосы со спины.

Гермия, дрожа одновременно от страха и озноба, вызванного колдовской мазью, повиновалась.

— Не врешь, родинка у тебя на том же месте, под левой лопаткой, — удовлетворенный осмотром, хмыкнул каменный бог. — Так чего же ты хочешь от меня, женщина?

— Я хочу узнать, где находится чаша Гуйюка, — бросилась на колени колдунья.

— Чаша Гуйюка? — переспросил ее идол. — Разве твоя мать не нашла ее?

— Она отправилась за ней и погибла. Я не знаю, где и при каких обстоятельствах.

— Тогда слушай меня внимательно, — громыхнуло вверху.

Бог закрыл глаза, некоторое время было тихо. Наконец, он начал вещать:

— Берег моря… горы, дальше степь, скудная степь… холодно, маленькие деревца на горизонте, каменная гряда… женщины с оружием, могучие женщины, одни женщины… снег, много снега и льда, солнце низко-низко над горизонтом целый день… больше не вижу ничего.

Идол вздохнул своей каменной грудью, провел рукой по лбу, словно смахивая пот после тяжелой работы.

— Остальное определи сама, в твоих книгах ты можешь узнать про это место, а я не могу сказать ничего больше. Я устал. Я очень устал и хочу спать. Спать мне пора, понятно, маленькая сучка?

Огонь в плошке догорал, и, словно умирая вместе с ним, стены подземелья начали стремительно съеживаться, теряя свой блеск. Каменный бог тоже уменьшился до прежних размеров, только рука его не успела вернуться на место, как раньше, и так и застыла, прислоненная ко лбу. Через несколько мгновений все стихло, огонь блеснул последний раз и погас…

* * *

— Пока меня не будет, ты должен присматривать, чтобы все здесь было в порядке. — Колдунья, сидя за столиком, отщипывала одну за другой крупные зеленые виноградины и диктовала склонившемуся перед ней Саятбеку, что надо будет сделать в ее отсутствие.

— Я буду следить за тобой издалека, — припугнула она своего подручного, — и, если прогневаешь меня… сам знаешь, что с тобой будет.

Толстяк закивал головой, молитвенно сложив руки на груди.

— Не сомневайся, госпожа, все будет исполнено, клянусь Вечноживым Таримом, пророком нашим.

— Иди, — махнула рукой Гермия, — мне надо собираться в путь.

Глава восьмая

— А ты где служил? — спросил Саудан высокого худощавого мужчину со шрамом на левой щеке.

— Проще сказать, где я не был, — усмехнулся тот. — Не сомневайся, хозяин, я опытный боец.

В доказательство своих слов он вытащил длинный кривой клинок и ловко завертел им, изображая выпады фехтовальщика.

— Я с ним участвовал не в одной схватке, — подтвердил Бахтар, сидевший рядом с Сауданом на заднем дворе дома Джемаха.

Капитан отбирал из приведенных к нему Бахтаром людей наиболее искусных воинов для своего корабля. Двоих он забраковал сразу, потому что они никогда не выходили в море, а остальные, пожалуй, могли подойти — приятель не обманул его и привел с собой действительно опытных бойцов.

— Ну, а ты что можешь? — спросил он у высокого стройного юноши с черными, как уголь, глазами.

— Все, что угодно, хозяин, — ответил тот. — Смотри.

Он вытащил кинжал и, слегка размахнувшись, бросил его в направлении чинары, стоявшей в дальнем углу двора.

До дерева было шагов двадцать, но клинок, блеснув словно молния, под одобрительные крики зрителей, столпившихся возле капитана, воткнулся точно по центру ствола. Юноша подошел к чинаре, вырвал кинжал и, отойдя на прежнее место, снова бросил. Просвистев в воздухе, клинок снова вонзился в ствол — причем в то же самое место. Толпа, ахнув, застыла в восхищении — собравшиеся здесь люди понимали толк в этом деле.

— Да, — почесал в затылке Бахтар. — Такого я, пожалуй, еще не видел.

— Плавал ли ты на кораблях в открытом море? — спросил Саудан, на которого искусство юноши тоже произвело сильное впечатление.

— Не один раз, — с поклоном произнес юноша. — Я из Зингары, зовут меня Герард.

По манерам юноши было видно, что он не из простой семьи, но Саудана, в общем-то, это не трогало — он ведь нанимал солдата, а в этом ремесле парень, похоже, был весьма искусен.

— Тебя возьму тоже, — сказал капитан. — Плата, как и всем, двадцать золотых за ходку, прибавь сюда кормежку, так что не прогадаете, — обращаясь уже ко всем, добавил Саудан.

— А чьих золотых, туранских? — спросил кто-то.

— Подымай выше, — усмехнулся капитан, — хозяин за хорошую службу заплатит аквилонскими.

Толпа нанятых воинов одобрительно загудела. Двадцать аквилонских монет — это действительно большие деньги, за них не жалко и головой своей рискнуть.

— Завтра к утру, чтобы были у причала, где пришвартуется «Утренняя звезда», — наказал им Саудан, а сам отправился по оружейным лавкам, добывать то, что указал в своем списке киммериец.

Оружейных лавок в Аграпуре было достаточно. Саудан взял с собой Бахтара, поскольку справедливо считал, что закаленный в боях воин лучше него разбирается в оружии.

Немало серебра они оставили в сундуках местных купцов, пока тележка, которую тащил меланхолично жующий свою жвачку пегий мул, не наполнилась доверху. Длинные копья и запасные наконечники к ним, абордажные крючья и мотки крепкой веревки, несколько новеньких, прямо из-под молота кузнеца круглых железных щитов, трехзубые кошки, два десятка колчанов из Стигии с прекрасно оперенными стрелами — тамошние мастера делали лучшие, из известных Бахтару, стрелы и луки. Были там и крепкие обоюдоострые мечи, и кривые ятаганы, и метательные ножи, и хорошо просмоленные факелы, и крепкие топоры из аргосской стали — в общем, к концу закупок несчастное животное еле тащило сильно потяжелевшую повозку.

Оставалось найти только меч, который был бы по руке такому гиганту, как Конан. Это, как и предполагал капитан, оказалось очень простым делом. Они подъехали к сторожевой башне, у которой были вчера ночью, потолковали со стражниками, посочувствовали преждевременной гибели их товарищей, выпили по кувшинчику винца, которое Саудан предусмотрительно взял с собой. К концу беседы старший из стражников гостеприимно распахнул перед капитаном дверь кладовки, куда они сваливали оружие арестованных:

— Выбирай приятель, что тебе понравится, видишь, сколько тут накопилось, — пригласил он Саудана. — Скоро свезем все это добро к торговцам оружием, глядишь, и добавка будет к нашему скудному жалованью, — хихикнул он.

«Да уж, скудному, — подумал про себя капитан, — а кошельки арестованных, интересно, куда деваются?»

Меч киммерийца сразу бросился ему в глаза — его нельзя было не заметить, так он выделялся среди прочего оружия. Капитан для отвода глаз выбрал парочку приличных кинжалов, легкий щит из слоновьей кожи и, уже выходя, как бы невзначай, бросил взгляд на огромный меч.

— А это у вас откуда? — спросил он.

— Да вот, мы же тебе говорили, был у нас тут вчера один парень, разрази его Деркэто, — процедил со злостью охранник. — Вот его меч.

— Ничего себе, — притворно удивился капитан. — Кому может понадобиться такой длинный меч? Может взять себе — мясо рубить, пожалуй, сгодится, лезвие больно широкое.

— Да возьми в придачу, — сплюнул стражник, — его и не продать. Действительно, кто такой возьмет?

Оружие свалили на тележку, и Саудан, радуясь, что все дела успешно завершены, заспешил в порт, где с причала вереница грузчиков носила на его «Утреннюю звезду» тюки и ящики с товаром, предназначенным на продажу в далеких землях.

* * *

Корабль, как и было, намечено, отплыл ранним утром. Чтобы плавание было удачным, принесли жертву богам, и «Утренняя звезда», приводимая в движение мерными ударами сорока длинных весел, отчалила от причала, провожаемая родственниками моряков, зеваками да несколькими жрицами любви, которые усиленно махали платками, отыскивая глазами среди столпившихся по борту матросов и воинов своего недавнего щедрого кавалера.

Утро было удивительно тихим и солнечным, на море был полный штиль, и поэтому «Утренняя звезда» долго шла на веслах. Берег и дома Аграпура, а потом неровная линия городской стены и верхушки храмов еще много времени, до самого полдня, были видны с корабля.

Капитан передал руль своему помощнику и спустился с мостика на палубу, где расположилось воинство, от нечего делать рассказывающее анекдоты и байки из своей жизни.

— Капитан, — напомнил ему кто-то из солдат, — ты не назначил старшего среди нас, или ты будешь командовать сам?

— На корабле нет человека главнее меня, — ответил Саудан, — но сейчас вы увидите своего командира.

Конан все это время провел в своей каюте и, как советовал ему капитан, не выходил на палубу. Он появился только тогда, когда его позвал посланный Сауданом матрос. Увидев киммерийца, все находящиеся на палубе невольно внутренне подтянулись. Когда их командир подошел к ним, они вскочили на ноги, отряхивая одежду.

— Привет, ребята! — просто сказал Конан. — Я не особый любитель разговоров. Клянусь бородой Крома, мне более привычно работать мечом, да и вообще тем, что колет, рубит и режет. Поскольку сейчас наша жизнь и жизнь остальных, — он кивнул на корабль, — в наших собственных руках, то мы должны быть готовы всегда, и не только готовыми, но и умелыми воинами. Поэтому я посмотрю, на что каждый из вас способен, проверю, какое у каждого оружие, а потом назначу всем занятия и распределю караулы на ночь.

— А ты сам-то все умеешь? — спросил один из солдат, крепкий мускулистый туранец, которому не очень понравилась речь гиганта-варвара.

— А вот это совсем не твое дело, — отрезал Конан, даже не оборачиваясь к говорившему. — Я назначен командиром, и мне нужен боеспособный отряд, а не просто сборище солдат. Не потерплю никаких пререканий со мной или обсуждения моих действий.

Он уже был достаточно опытным воином, не один раз командовал отрядами — и даже войсками! — во многих странах и знал, что дисциплину необходимо наладить с первых же мгновений, иначе в решительную минуту на своих подчиненных положиться будет нельзя.

— Если кто-то думает, что он попал сюда отдыхать и играть в кости, то у него еще есть возможность попытаться вплавь вернуться в Аграпур. По-моему, тебе лучше сделать именно это. — Киммериец резко повернулся и взглянул прямо в глаза недовольному солдату.

— Да ты что, — отшатнулся тот, — я ведь просто спросил…

— Ну и хорошо, — миролюбиво ответил варвар, — будем считать, что ответ на свой вопрос ты получил, не так ли?

Солдат угрюмо кивнул головой в знак согласия. Конан еще раз осмотрел строй своих бойцов. По виду это были опытные, закаленные в боях вояки, о чем свидетельствовали шрамы на их обветренных лицах и руках. Ребята все были как на подбор высокими, мускулистыми и крепкими.

«Молодец капитан, — подумал про себя Конан, — редко когда удается собрать такой отряд. Все удальцы, как на подбор. Вот разве что…»

Среди остальных воинов несколько выделялся один человек, высокий юноша с темными волосами и тонким смуглым лицом. Глаза смотрели на киммерийца смело и с явным интересом, как будто юноша видел его не в первый раз. Варвар не страдал отсутствием памяти и, немного подумав, пришел к выводу, что он-то этого паренька не видел никогда.

«Ладно, — решил он про себя, — времени впереди много, там разберемся».

— Значит так, друзья мои, — сказал он солдатам, — с завтрашнего дня займусь каждым из вас в отдельности. Проверим амуницию и что у каждого за душой. Всем понятно, воронье? — гаркнул он.

— Понятно, командир, — дружно прозвучало в ответ.

— Вот так-то лучше, — удовлетворенно буркнул киммериец, — отдыхайте.

Проведя, таким образом, первый смотр своего войска, Конан подошел к капитану, который, стоя несколько поодаль, наблюдал, тем не менее, всю сцену от начала до конца.

— Хороших солдат подобрал, — похвалил он капитана.

— Сам понимаешь, — усмехнулся тот, хлопая киммерийца по плечу, — посмотри, у меня на плечах чья голова?

— Твоя, — засмеялся варвар, — а чья же еще?

— Вот ее я и берегу, — усмехнулся Саудан. — Думаю, что ты получил ответ на свой вопрос, — слегка передразнивая беседу киммерийца с солдатами, засмеялся капитан.

— Но есть еще один, — понизив голос, сказал Конан. — Ты обещал сказать, куда мы плывем.

— Отойдем подальше, — взял его за локоть Саудан.

Когда они прошли на верхнюю палубу, он спросил:

— Ты что-нибудь слышал о женщинах-воительницах?

Киммериец от неожиданности вздрогнул. Женщины-воительницы? На Конана налетел буйный вихрь воспоминаний. Его незабываемые подруги, сражавшиеся с ним бок о бок… Карела Рыжий Ястреб, заносчивая, строптивая, но умеющая быть такой самоотверженной, предводительница отряда разбойников… Смуглая красавица Белит, с которой он славно пиратствовал в южных морях. После ее трагической смерти ему долго казалось, что он не способен более полюбить другую женщину… Гордая Испарана из Замбулы… Отважная Раина… Он любил всех этих женщин, и в свое время каждая из них казалась ему лучшей на свете. Но была еще одна, самая дорогая для него — ведь он расстался с ней всего несколько месяцев назад!

«Акила! — вспыхнуло в мозгу у киммерийца. Воспоминания об этой прекраснейшей из женщин были еще слишком свежи в его памяти. — Акилла!»

— Что-то не припоминаю, — с трудом совладав, чтобы не выдать себя, равнодушно ответил варвар.

— Это племя обитает к северу от моря Вилайет, чаще всего их называют у нас амазонками. О них можно рассказывать долго, это мы сделаем в другой раз, — зашептал капитан, — но дело в том, что там сейчас, похоже, то ли идет, то ли намечается война между двумя родственными кланами, говорят даже, что между двумя родными сестрами. — Саудан огляделся вокруг, не слышит ли их кто, и, убедившись, что все в порядке, продолжил: — Так вот, мы везем оружие одному из этих кланов. К хозяину приходил какой-то человек, и они обо всем договорились. Я бывал на севере Вилайета, но до самого берега мне доходить не

пришлось.

— Значит, плавание будет долгим?

— Конечно, — ответил капитан, — а главное, никто не знает, что там может нас ждать. Поэтому я и взял отряд побольше, и людей постарался подобрать соответствующих. Не исключено, что нам не только от пиратов придется отбиваться. Вот такие дела.

«Да уж, действительно, дела, хвост и копыта Нергала!»— возликовал киммериец. — Неужели я еще раз увижу свою Акилу?»

Радость переполняла его душу, но внешне он остался совершенно невозмутимым:

— Я тоже никогда не бывал в тех местах. Интересно будет поглядеть, что там за люди.

Часть вторая

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА МОРЕ ВИЛАЙЕТ

Глава первая

Первые дни плавания проходили спокойно. В открытом море поймали легкий попутный ветер, и «Утренняя звезда», разрезая форштевнем волны, заскользила по бесконечной водной равнине к цели, которую знали на этом судне только двое: капитан и командир военного отряда. Остальные понимали, что корабль идет на северо-восток, а куда именно, их особо не интересовало. Солдаты были довольны, что служба идет, а значит, идут и деньги.

Рабы на весельной палубе радовались тому, что корабль плывет под парусами и им не приходится налегать на тяжелые весла под ударами плетей надсмотрщиков. Матросам хватало для веселого настроения хорошей ровной погоды, когда не надо беспрестанно, то ставить, то убирать паруса, карабкаясь по высоким мачтам. В общем, такой ход событий устраивал всех.

Конан осмотрел весь корабль — от трюма до бочки на фок-мачте, чтобы выяснить, насколько он надежен. Каждую ночь шесть из двадцати членов команды, сменяясь, несли караул на палубе. Конан строго-настрого приказал следить за морем, не смыкая глаз. Днем, как и обещал, он учил воинским премудростям своих солдат, и многим приходилось попотеть, чтобы выполнить требования командира.

Даже закаленные во многих боях вояки не казались варвару достаточно подготовленными к бою. Впрочем, он понимал, что не всем дано владеть оружием так, как умел он сам. Лишь одним солдатом, зингарским юношей Герардом, Конан был абсолютно доволен. Несмотря на довольно хрупкое телосложение, этот ловкий серьезный паренек метал ножи, стрелял из лука и фехтовал на мечах и саблях, пожалуй, не хуже самого киммерийца. Конечно, он не обладал такой недюжинной силой, как у варвара, — таких

могучих людей природа порождает редко — но во всем остальном ничем не уступал своему командиру.

Герард очень привязался к Конану и как бы невзначай все время крутился возле него, молниеносно выполняя все распоряжения киммерийца. Солдаты добродушно прозвали Герарда ординарцем. Конану нравился этот толковый исполнительный юноша, но он старался особо не выделять его среди других.

«Что-то неладное творится с парнем», — подумал как-то варвар, в который раз почувствовав на себе преданный, но удивительно печальный взгляд Герарда.

Вот уже полчаса молодой воин упражнялся с мечом, и киммерийцу показалось, что это не человек раз за разом повторяет одно и то же движение, а нечто подобное водяной мельнице вращает свое колесо, бесстрастно подчиняясь потоку. Ни тени улыбки или неудовольствия — никаких признаков плохого или хорошего настроения не было на красивом смуглом лице юноши, устремившем свой взор куда-то далеко за горизонт. На мгновение варвара охватило легкое безотчетное беспокойство. Увидев, что за ним наблюдают, Герард улыбнулся слегка виноватой улыбкой и помахал Конану рукой.

На море вновь воцарился штиль, и корабль пошел дальше под мерный плеск весел. Невольники в такт взмахам весел тянули заунывный напев, и казалось, что от этой песни тоска охватила «Утреннюю звезду» от киля до верхушек мачт. Киммериец стоял у левого борта и глядел на летящих за кораблем чаек.

— Чаек видишь? — спросил подошедший к нему капитан.

— Вижу, — понимая, к чему клонит Саудан, ответил Конан. — Ты хочешь сказать, что близко берег.

— Верно, — согласился капитан и, указав рукой на восток, добавил: — Там несколько больших островов, всего полдня хода на веслах.

— А пираты на тех островах есть?

— А почему бы и нет? — Капитан послюнил палец и поднял его вверх. — Поднимается восточный ветерок, так что на парусах им до нас добраться — раз плюнуть.

— Может, нам уйти немного на запад с попутным ветром?

— Даже не думай! — Саудан сплюнул за борт. — Там Остров Железных Идолов, местечко на редкость мерзкое — куча мелких подводных скал. Все капитаны стараются обходить этот остров стороной.

— Ну, что ж, тогда нынешней ночью удвоим караулы, — решил Конан.

Однако, вопреки ожиданиям, ночь прошла спокойно, никто не потревожил сон экипажа. Чтобы дать отдохнуть гребцам, капитан приказал лечь в дрейф, и корабль мерно покачивался на небольших волнах, свидетельствующих о том, что где-то далеко от них было ветрено. Море отзывалось на движение воздуха легкой зыбью.

С утра задул слабый ветерок, матросы, не мешкая, поставили паруса, и «Утренняя звезда» вновь заскользила по морской глади в сопровождении полчища чаек, ждущих возможности поживиться остатками нехитрой корабельной пищи. Судно проходило места богатые рыбой, и чтобы скоротать время и пополнить запасы пищи, было решено устроить большую рыбную ловлю.

Конан с интересом наблюдал, как матросы под командованием крепкого рыжеволосого человека таскали мотки тонкой, но крепкой лесы, громадные, величиной чуть ли не с абордажную кошку, крючки и длинные гибкие шесты.

Перегнувшись через борт, Конан смотрел, как на глубине под косыми лучами солнца,

пробивающегося сквозь толщу воды, светятся водоросли.

— Здесь дно круто опускается локтей на пятьсот, — сообщил подошедший к нему Саудан. — Из-за того, что морское течение натыкается на откос и образует водоворот, тут тьма рыбы. Мы называем это место «Морским колодцем».

— Похоже, ты давно плаваешь по Вилайету? — спросил киммериец.

— Да уж давненько, — с гордостью ответил капитан. — Всего навидался. Вот, смотри, — он указал на воду, — видишь?

Конан заметил расплывчатые неясные контуры, каждый миг меняющие свои очертания.

— Это стаи креветок и мелкой рыбешки, — пояснил Саудан. — Ночью они поднимаются повыше и служат кормом для крупной рыбы.

Матросы забросили мелкую сеть с правого борта, и через некоторое время человек пять с трудом вытащили ее на палубу — она была до краев полна рыбой. Чайки кружили над сетью, норовя выхватить рыбу, а наиболее смелые садились на палубу и, с опаской поглядывая на людей, расхаживали по ней, ожидая момента, когда и им что-нибудь перепадет.

Ловцы выбрали рыбу покрупнее, прошили ее в нескольких местах тонкой козлиной жилой, насадили эту приманку на крючок и закинули в море. Остальной улов матросы сгребли за борт, несказанно обрадован этим стаю пернатых.

— А большая рыба попадается? — спросил киммериец.

Ему приходилось ходить почти по всем морям, но обычно он был занят либо борьбой со стихией, либо сражениями с врагом, и потому теперь с интересом осваивал новое для себя дело.

— Увидишь, — коротко бросил капитан. — Рыжий свое дело знает.

И, правда, через несколько минут один из матросов, следивших за лесой, крикнул:

— Есть!

Варвар подошел поближе и увидел, что леса на кончике удилища туго натянулась, а само удилище прогнулось, напоминая сжатый лук. Рыбаки отпустили немного лесы, и она тут же ушла в воду. Тогда шестеро человек взялись за лесу, и по команде рыжего начали медленно выбирать ее из воды. Леса подалась, они вытащили несколько локтей, но тут рыба рванула с такой силой, что ловцы с трудом удержались на ногах.

— Большая! — возбужденно закричал один из них.

Все, кто не был занят делом, включая капитана и солдат Конана, сбежались на этот крик и столпились поодаль, наблюдая за схваткой с громадной рыбиной. Матросы медленно выбирали лесу, не давая ей ослабнуть. Постепенно рыба начала уставать, и вот раздался громкий всплеск, и рыба вышла из воды.

— Эй! Ты только посмотри! Вот это чудище! — неслись со всех сторон изумленные крики.

Невероятных размеров рыбина, переливаясь на солнце, медленно поднималась из воды. Вдоль ее спины шел ряд темных треугольных шипов.

— Осетр! Королевский осетр! — радостно закричали собравшиеся на палубе.

Рыба уже почти целиком показалась на поверхности, как вдруг ударила мощным хвостом, развернулась и вновь устремилась в глубину. Матросы изо всех сил удерживали лесу, не позволяя добыче уйти обратно в морскую пучину.

Рыбина билась, поднимая вокруг себя фонтан брызг. Конан подбежал к уже готовым сдаться матросам и намотал лесу на руку.

— Давай! Давай! — раскатился над морем могучий рык, и, повинуясь Конану, они стали рывками подтягивать осетра все ближе и ближе к борту.

— Не сорвите! — кричал рыжий. — Осторожно, не ослабляй! Гарпун мне!

Когда рыбину почти вытянули на поверхность, в воздухе просвистел гарпун. Оружие вонзилось рыбе в бок, и тотчас вода вокруг нее окрасилось кровью. Почуяв добычу, над водой с криками носились чайки.

Наконец рыбу удалось подтащить так близко, что рыжий смог накинуть ей на хвост петлю.

— Давай, тяни! — рявкнул он.

Осетра с трудом перевалили через борт, но он продолжал извиваться и бить хвостом до тех пор, пока киммериец не изловчился и не припечатал его голову к палубе ударом могучего кулака. Разинув пасть, усеянную частоколом мелких зубов, рыбина затихла.

Разгоряченные и возбужденные борьбой матросы обливали себя водой, чтобы охладиться и смыть рыбью кровь.

Почти все обитатели «Утренней звезды» собрались вокруг добычи — в длину она превышала два человеческих роста.

Киммериец с интересом разглядывал рыбину. Он слышал о королевских осетрах, но видеть их, а тем более участвовать в ловле, ему не доводилось никогда.

— Таких даже я не видел, — сказал Саудан. — Честно говоря, мне даже и слышать не приходилось, чтобы кто-то поймал такого большого осетра.

Пока несколько человек с топорами и большими широкими ножами распарывали и разрубали рыбу на куски, рыжий со своими товарищами поймал еще несколько, но уже гораздо более мелких. Внезапно варвар почувствовал какое-то беспокойство. Он оглянулся и увидел, что Герард горящими глазами неотрывно следит за тем, как матросы по локоть в крови вытаскивают рыбьи внутренности.

— Эй, парень! — окликнул его киммериец.

Юноша с трудом оторвался от зрелища и, натянуто улыбнувшись, помахал варвару рукой.

«Какой-то он странный, — подумал киммериец. — Ладно, придет время — разберемся».

Глава вторая

К вечеру дувший с востока свежий ветерок усилился, и ночью начался шторм. Рассветное небо затянули багровые тучи. «Утреннюю звезду» неумолимо относило на запад, к Острову Железных Идолов. Все попытки противостоять стихии ни к чему не привели. Под хруст ломающихся весел, крики надсмотрщиков и удары бичей корабль, как щепку, несло к подводным скалам.

Конан стоял на капитанском мостике, готовясь к худшему. Если уж судну суждено разбиться о подводные камни, надо, хотя бы попытаться спастись на лодках или плотах.

— Еще немного, и нам всем придется спасаться вплавь, — прокричал Саудан на ухо

киммерийцу. Шторм ревел так неистово, что в двух шагах ничего не было слышно.

— На всех лодок не хватит! — заорал в ответ варвар.

Несколько лодок сорвало с правого борта и разнесло в щепы.

К полудню боги смилостивились — ветер переменился. Теперь можно было не опасаться, что корабль наскочит на подводные скалы. Однако часа через два налетел шквальный северный ветер. К вечеру он набрал невиданную силу.

Над морем Вилайет бушевал ураган. Временами сквозь разрывы свинцовых туч пробивался призрачный свет луны. «Утреннюю звезду» бросало из стороны в сторону, грозные волны накатывали на нее с кормы и швыряли с гребня на гребень, как пробку от бутылки.

Цепляясь руками за переборки, которые скрипели и стонали на разные голоса, Конан добрался до трюма, где обитали его солдаты. Похоже, им никогда в жизни не приходилось попадать в такие переделки — одни лежали пластом, безучастно глядя в потолок, другие тихонько молились.

— Как дела, молодцы? — пытаясь подбодрить их, крикнул Конан.

Ответом ему была гнетущая тишина, которую нарушали лишь ужасные удары волн о корпус корабля. Киммериец огляделся. Тускло светила раскачивающаяся лампада. Со всех сторон на него смотрели угрюмые лица, лишь Герард, казалось, не проявлял никакого беспокойства. Юноша был настолько погружен в свои мысли, что, против обыкновения, даже не обратил внимания на приход командира. Он словно готовился к чему-то очень важному. Варвар махнул рукой и вышел из трюма.

Конан с трудом приоткрыл дверь, ведущую на палубу, и тут же потоки воды, ударившие с силой бегущего стада быков, чуть не расплющили его в дверном проеме. Но он удержался на ногах и, дождавшись, когда вода откатится к фок-мачте, в два прыжка преодолел расстояние до сходней, ведущих на мостик. Ухватившись за перила, варвар ловко вскарабкался наверх, где вымокший до нитки Саудан с упрямством мула держался за совершенно бесполезный сейчас штурвал.

— Иди вниз! — закричал киммериец. — Смоет волной, что мы будем делать без капитана?

— Не смоет, клянусь Эрликом! — заверил Саудан.

Только сейчас варвар заметил, что капитан крепко привязан веревкой к основанию рулевого колеса. Внезапно фок-мачта затрещала и угрожающе наклонилась, сопротивляясь буре. Через секунду новый порыв ветра оторвал ее верхнюю часть и, как щепку, унес в море. К шторму прибавилась гроза. Грохотал гром, из темных, нависающих над водой клочковатых туч, с треском разрывая тьму, зазмеились молнии.

— Долго мы еще так продержимся?

— Одним богам известно! — крикнул капитан, и вдруг, указывая вперед рукой, отчаянно закричал: — Смотри!

Киммериец посмотрел вдаль, но ничего не увидел.

— Смотри! Женщина! — повторил Саудан.

«Наверное, спятил, — подумал варвар, — какая может быть в море женщина?»

— Да вот туда смотри, справа на палубе!

Конан перевел взгляд направо и — о боги! — почти у самого бушприта увидел женщину в белом платье с черными, развевающимися на ветру волосами. Она спокойно стояла, облокотившись о борт, и глядела куда-то вдаль. Казалось, она вышла прогуляться в тихий сад

— таким умиротворением веяло от ее фигуры. Что-то в ее облике показалось киммерийцу знакомым, но он не мог понять, что именно.

— Эй! — окликнул он женщину, но та не услышала.

Она стояла, склонившись вниз, и что-то рассматривала в волнах.

— Попробую до нее добраться! — Киммериец рванулся было вниз, но веревочная петля на поясе не дала ему сдвинуться с места. Пока Конан, открыв рот, наблюдал за невесть откуда взявшейся женщиной, капитан привязал к основанию рулевого колеса и его.

— Ослиная задница! — прорычал варвар. — Зачем ты это сделал?

— Дурень! — крикнул Саудан. — Что мы будем делать без командира, когда ураган стихнет?

Киммериец рванулся еще раз, но веревка оказалась крепкой.

— Нергал ее раздери! — ругнулся Конан и вновь бросил взгляд на то место, где стояла женщина.

Там никого не было.

— Куда она делась? Ты что-нибудь видишь? — спросил капитан.

— Наверное, нам померещилось со страху! — ответил варвар.

— Двоим сразу? — недоумевал Саудан. — Не иначе — магия! Только колдунов нам здесь не хватало, клянусь Вечноживым Таримом!

«Где же я мог ее видеть? — размышлял Конан. — А ведь видел — точно видел!»

— Смотри, просветы! — крикнул варвар капитану, заметив, как среди мечущихся по небу низких туч мелькнул луч солнца.

— Похоже, буря скоро утихнет, — согласился капитан.

Все закончилось гораздо быстрее, чем можно было предположить. Разрывы в облаках стремительно увеличивались, яркий Глаз Митры уже заливал своим животворящим светом море, и под его лучами оно успокаивалось прямо на глазах, даже цвет его изменился — из грязно-стального превратился в серовато-зеленый, а потом в голубой. Конан невольно оглянулся назад — совсем близко от них еще бушевала буря.

— Что-то я ничего не понимаю! — крикнул он Саудану.

— Чего орешь? — ответил капитан, зажимая уши. — Видишь, буря ушла.

И, правда, все вокруг стихло. Буря уходила все дальше и дальше на юг.

— Слава богам, пронесло! — склонил голову капитан. — Я уж думал, что живыми не выберемся.

Они отвязали себя от руля, и капитан зычным голосом, как будто ничего за последнее время и не произошло, закричал:

— Команда! Все наверх!

— Пойду, проверю, как там внизу, — сказал варвар, спускаясь на палубу. — От такой бури и спятить недолго!

— Нергал бы побрал эту бурю! — рявкнул капитан, взглянув на свой корабль — вернее на то, что осталось от него после урагана. — Теперь придется вставать на починку…

— Все не так уж и плохо, — возразил Конан. — Ничего непоправимого не случилось… Ну ладно, я все-таки спущусь вниз, — добавил он, открывая дверь.

Оттуда уже доносился топот ног. Матросы, услышавшие призыв своего капитана, спешили наверх. Сейчас, когда море стихло, киммериец проделал путь от входа до трюма в считанные мгновения, в бурю это заняло у него куда больше времени.

— Ну что, вояки, как дела? — гаркнул он, входя к своим солдатам.

— Нормально… в порядке… — нестройно и не очень уверенно прозвучало в ответ.

Варвар окинул помещение взглядом — что-то его насторожило. На мгновение он задумался, но тут же сообразил, в чем дело.

— Где Герард?

— Тут был, да куда ему деться… — ответил кто-то из солдат.

Конан вышел на палубу.

— Я вам покажу, помойные плошки, где вы были все это время? — распекал выстроившихся перед мостиком матросов Саудан, но чувствовалось, что делал это он не по злобе, а просто, чтобы снять с себя напряжение последних суток.

Немного поодаль киммериец заметил Герарда: зингарец стоял, прислонясь спиной к борту, и разглядывал разрушительную картину, которую оставила после себя буря.

— Вот ты где! — удивился Конан. — А я и не заметил, как ты вышел.

— Странно, — ответил юноша, преданно глядя на своего командира, — я здесь уже давно.

— Наверное, ты вышел в тот момент, когда я спускался вниз, — задумчиво проговорил варвар, хотя он мог поклясться самим Солнцеликим, что, когда открывал дверь, намереваясь спуститься в трюм, на палубе не было никого, кроме него и Саудана.

«Какие-то чудеса творятся вокруг последнее время», — с неудовольствием подумал киммериец.

Он любил ясность во всем, а все непонятное, а тем более таинственное, на дух не переносил.

Глава третья

К вечеру погода совсем разгулялась: солнце светило ярко и весело, присмиревшее море ласково плескалось о борта лежавшей в дрейфе «Утренней звезды».

Матросам и солдатам было над чем поработать — ураган хорошенько потрепал судно. Разбирали спутанный такелаж, заново крепили кое-где оторванные ветром фальшборта, разворачивали запасные паруса взамен унесенных или разодранных бурей.

— Где мы сейчас находимся? — спросил Конан у капитана. Тот наблюдал с мостика за работающими и время от времени зычно отдавал команды.

— Один Солнцеликий знает, — усмехнулся в ответ Саудан. — Подожди, покажутся звезды, тогда я смогу определить точно. Но сдается мне, что нас унесло куда-то на север от островов. Придется идти до берега на веслах, а там встанем на починку.

— Лес там есть?

— Кое-где, а в основном — степи, — ответил капитан. — Но придется поискать, новую мачту нам взять больше неоткуда.

На месте фок-мачты, напоминая о недавнем буйстве стихии, торчал какой-то жалкий огрызок. Варвар опять задумался о странном появлении на корабле женщины в белом платье. Вновь и вновь перебирал он в памяти события последних лет, но никак не мог припомнить, где же он ее видел. Эти мысли не давали Конану покоя весь вечер. Он ходил по судну, отдавал

приказания, помогал там, где требовалась его гигантская сила, но таинственная женщина так и не выходила из головы.

Ночью в чистом, словно умытом дождем небе ярко засияли звезды. Они были крупными как бусины или казались такими людям, которые радовались ясному небу после стольких дней бури и мрака.

Наконец капитан смог определить местонахождение корабля.

— День перехода на восток, — повернулся он к стоявшему рядом киммерийцу, — и мы достигнем земли чуть к северу от островов или придем прямо к ним.

— Кром! — Варвар коснулся рукояти меча. — Сейчас это нам не совсем подходит. Без фок-мачты особо не разгонишься, да и ветра почти нет. Если пираты, которые шныряют у островов, увидят нас, то на веслах нам далеко не уйти.

— Согласен, — подхватил Саудан, — поэтому возьмем немного северней. Я ни разу не подходил к тем берегам, так что придется действовать наугад. Скорее всего, мы не встретим пиратов, но на всякий случай надо быть настороже.

— Хорошо, — ответил Конан, — я удвою караулы.

К берегу решили отправиться утром, и корабль лег в дрейф. Саудан оставил на мостике рулевого и ушел спать — его прямо-таки шатало от усталости. Киммериец остался на палубе. Он смотрел на все ярче и ярче разгоравшиеся звезды и вспоминал свои скитания. Куда только не заносила его судьба? Холодные пустоши Халоги и зной пустынь Шема, леса Британии и Карпашских гор, заросли тростников у Стикса…

А Замора? Перед глазами киммерийца, словно живые, вставали друзья и враги его юности, лукавые жители Города Негодяев — Шадизара. Трудное и славное было время! А где теперь носят ветры судьбы Ловкача Ши Шелама? В какие только передряги не попадал Конан со своим верным другом! Жив ли он сейчас? А колдун Лиаренус? Даже сейчас, по прошествии многих лет, Конан с содроганием вспоминал полчища созданных Лиаренусом жутких зеленых монстров — мускулистых, как борцы, и подвижных, как тушканчики. До сих пор в ушах стоял хруст человеческих костей, перекусываемых этими тварями.

Колдовство! Киммериец всегда старался держаться от него подальше, но какая-то неведомая сила помимо воли все-таки влекла его к магии — возможно, пытливый разум варвара хотел разобраться, что же это такое? Мысли Конана вновь вернулись к загадочной женщине на корабле. Бред! Но двое не могут бредить одинаково! Значит, над этим судном витает что-то магическое. Конан задумчиво покусывал ремешок, скреплявший ворот его куртки. Горький вкус кожи вывел его из раздумья.

— Тьфу! — поморщившись, сплюнул варвар. — Совсем спятил! — и спустился на палубу, чтобы осмотреть корабль.

Все было тихо и спокойно. Караульные на носу и корме добросовестно обшаривали глазами едва освещенное призрачным звездным светом море, прислушивались к плеску волн: не скрипят ли уключины пиратских лодок. Варвар спустился к себе в каюту. Пожалуй, надо немного поспать — ведь несколько ночей подряд ему не удавалось сомкнуть глаз. Конан растянулся на сундуке и сразу же заснул, но сон его был тревожным. Ему снилось, что гигантская белая птица с лицом женщины кружит и кружит над «Утренней звездой», словно выискивает добычу.

* * *

Наутро выяснилось, что до берега придется добираться на веслах, потому что ветер дул в другую сторону. Ближе к полудню с верхушки мачты раздался крик матроса:

— Вижу землю!

Налегли на весла, и вскоре перед их глазами возник холмистый берег, подступы к которому охраняли рифы.

Спустили лодку, сделали замеры глубины, а потом осторожно завели корабль в небольшую уютную бухту.

— Здесь и встанем. Отдать якорь! — скомандовал капитан.

— Хорошее место! — одобрил Конан. — Вон и лес виднеется.

— Хорошо бы найти высокое крепкое дерево, — сказал Саудан.

Он всматривался в недалекий лес, выискивая среди деревьев сосну, подходящую для новой фок-мачты. Первым на берег высадился киммериец со своим отрядом. Он разделил солдат на три группы и отправил осмотреть окрестности. Все побережье было покрыто зарослями низкого, но очень густого кустарника. Впереди возвышался высокий холм, слева стеной стоял лес, который они заметили еще с корабля.

Спустя полчаса разведчики вернулись и сообщили, что вокруг все спокойно и, похоже, до них здесь никого не было. За лесом текла довольно широкая река, и это порадовало варвара: все-таки лишнее препятствие, если кому-нибудь вздумается подобраться к их стоянке.

Конан выбрал поляну, с которой хорошо просматривались окрестности, и на ней разбили лагерь. Оставив на корабле несколько человек, команда высадилась на берег.

Работа предстояла большая, дней на пять, не меньше. Нужно было найти подходящее дерево, срубить его, обтесать и переправить на «Утреннюю звезду». День клонился к вечеру, а потому решили взяться за дело на следующее утро.

Разожгли костры, потянуло дымком и аппетитным запахом жареного мяса. Матросы растянулись на траве, отдыхая после многодневной изматывающей болтанки в море.

Варвар назначил караульных на ночь и решил наутро подняться на холм, чтобы сверху еще раз хорошенько осмотреть все вокруг.

Глава четвертая

Ночь прошла спокойно, теплый ветерок, тянувший с юга, напоминал о разгоравшейся весне. Приумолкшие к ночи птицы с раннего утра вновь принялись за свои песни — свист, щелканье и щебетание разбудили путешественников перед самым восходом солнца.

«Уж слишком все хорошо, — подумалось вдруг Конану, когда он, приподнявшись на локте, оглядывал мирный ландшафт. — Не к добру все это…»

Оставив за главного Бахтара, Конан направился к холму. Он шагал вперед, распугивая

мелкую живность, которая прыгала в разные стороны прямо из-под ног. Трава приятно щекотала своими влажными стеблями щиколотки киммерийца. Перепрыгнув узкий ручеек, варвар уперся в стену густого тростника, которая тянулась направо и налево, насколько хватал глаз.

«Копыта Нергала! — выругался Конан. — Надо же, а до холма всего шагов пятьсот».

Тростник был крепким и упругим, словно стальные прутья. К великому огорчению киммерийца, оказалось, что эти непроходимые заросли тянутся до середины склона, на который ему предстояло взобраться.

Он остановился, озираясь по сторонам в поисках какого-нибудь прохода, но, как ни крути, ему не оставалось ничего иного, как пробиваться сквозь эту непролазную чащу.

«Может, вернуться в лагерь?» — на мгновение засомневался Конан.

Однако отступать перед препятствием варвар не привык. Сначала он попробовал продираться меж гигантскими, выше его роста, стеблями, раздвигая их в стороны, однако с таким же успехом лягушка могла бы пролезть сквозь зубья гребня.

Потом киммериец попытался навалиться на стену тростника всем телом, ломая проклятые стебли своей тяжестью, — но лишь на несколько десятков шагов углубился в чащу. К тому же острые края сломанных стеблей немилосердно ранили руки и ноги. Упругие стебли тростника тут же смыкались за его спиной, и, ни ветерка, ни легкого дыхания свежего воздуха не проникало к Конану сквозь высокую преграду. Вдобавок ко всему тростник был настолько высок, что из-за него не удавалось разглядеть даже вершину холма, и вполне могло статься, что, сам того не ведая, Конан идет в неверном направлении.

«Хоть бы солнце поднялось повыше, — промелькнуло в голове варвара, — а то буду ходить кругами, как вол, качающий воду из колодца. Дурень! — вдруг обругал он себя. — Мой меч».

Конан выхватил клинок и, размахивая им направо и налево, вскоре выкосил целую просеку. Теперь он уже мог различить впереди вершину холма. Но чем дальше он продвигался, тем гуще и выше становились тростниковые заросли, но киммериец знал — рано или поздно с ними будет покончено.

Спустя некоторое время он почувствовал, что поднимается в гору.

«Вот и склон холма» — удовлетворенно подумал Конан.

Сделав еще шагов тридцать, варвар оглянулся и увидел тянущийся за ним след — казалось, будто склон прорезан гигантским ножом. Еще немного усилий, и ему стал виден и дымок от лагерных костров. Он слегка передохнул и продолжил свой путь. Продвинувшись шагов на двадцать, варвар понял, что проклятая тростниковая стена кончилась — впереди виднелась сочная зеленая трава. Два-три взмаха, и, вытирая выступивший на лбу пот, он выбрался на поляну. Работенка, даже для такого могучего человека, как Конан, оказалась не из легких! Радуясь тому, что преграда осталась позади и, вдыхая чудесный бодрящий воздух полной грудью, киммериец весело зашагал к вершине холма.

Там, на самой возвышенной точке побережья, перед Конаном открылась прекрасная безмятежная картина — сверкающая под лучами утреннего солнца пустынная гладь моря, рифы, обступившие бухту, да притаившаяся среди них «Утренняя звезда».

На востоке простиралась зеленая долина с пологими холмами. Широкими покатыми террасами она спускалась к морю. Холм, на котором стоял варвар, казался островом в безбрежных зеленых просторах, перевитых серебристыми нитями ручьев и мелких речушек. На севере извивалась широкая лента реки, за ней выстроились высокие деревья.

Конан видел, как к лесу подплывают две лодки, снаряженные Сауданом.

Отсюда суденышки казались не больше скорлупки лесного ореха, а люди в них — величиной с муравьев — усердно гребли веслами, стремясь поскорее достичь устья реки.

Эта сцена дышала таким неземным покоем, что Конан боялся пошевелиться, чтобы не нарушить его. Варвару вдруг почудилось, что от малейшего шороха чары спадут, и эта волшебная красота растает, как в сказке. Заслонив глаза от солнца, киммериец внимательно оглядел всю равнину, но не обнаружил ничего подозрительного. Все вокруг было мирно, покойно и тихо.

«Надо будет сделать здесь наблюдательный пост, — сказал он себе. — И до лагеря недалеко, и видно всю округу».

Конан решил вернуться в лагерь другим путем. Он спустился по северному склону холма и пошел берегом реки, которая, петляя и оставляя широкие заводи, бежала к морю.

* * *

— Вот что я тебе скажу… — Тенгри отломил кусок лепешки и, обмакнув его в пиалу с цветочным медом, отправил в рот, с наслаждением прикрывая глаза. Юмжаг сидел на пропыленной кошме, не произнося ни звука и ожидая, когда хозяин прожует и сможет закончить свою речь.

— Так вот, — вытирая руки о халат, продолжил Тенгри, — наверняка, буря, что бушевала пять дней, сильно потрепала не один корабль. Может, какой-то из них выкинуло на берег. Смекаешь? — Он отломил очередной кусок лепешки, готовясь продолжить прерванное длинной речью занятие.

— Понял, господин! — не вставая, поклонился Юмжаг. — Ты хочешь, чтобы я прочесал весь берег до Фашаха.

— Вот именно, — икнув, подтвердил Тенгри. — Возьми несколько человек, и отправляйтесь, не медля. Двух дней тебе хватит. Реку не переходи. Мало ли что, я не хочу ссориться с тамошними вождями. Нам сейчас лишние схватки ни к чему. Понял?

Тенгри был хозяином земель на границе с Гирканией между морем Вилайет и плоскогорьем Арим. В этих местах издревле обитало множество разных племен и народов.

Временами они враждовали друг с другом, временами объединялись в борьбе — то против Гиркания, то против Селанды или Дамаста. У этих государств не хватало мощи полностью подчинить себе кочевые племена, вот они и существовали на зеленой равнине, то промышляя грабежами, то вступая в войны — сегодня на стороне одних, а завтра — против своих вчерашних союзников.

— Все понятно, господин, — еще раз склонился в поклоне Юмжаг, — разреши взять людей из сотни Цеденба.

— Возьми всю сотню, я разрешаю, — кивнул князь. — У Цеденба самые лихие воины. Да смотри, не напорись на военный корабль из Султанапура. Им ничего не стоит дойти до наших земель и даже высадиться на берег.

— Если напорюсь, — оскалив желтые зубы, сверкнул глазами Юмжаг, — вызову подмогу. Их лучше уничтожить, чтоб неповадно было. Помнишь, как два года назад? И пепел

по ветру развеяли. Пусть ищут, — захохотал он, откинув назад голову и тряся редкой бородкой, пучками торчащей на сморщенном лице.

— Ха-ха-ха, — подхватил Тенгри, дрожа животом, — вот была потеха! Эти сонные собаки даже не успели глаз протереть как следует, слава Солнцеликому Митре. А какое хорошее оружие у них было!

— Теперь меч их предводителя служит мне, — вытащив клинок из ножен, сотник показал его князю. — Ты сам одарил меня им, господин!

— Еще бы! — опять захохотал хозяин. — Ты же чуть ли не надвое разрубил его!

Они посмеялись, вспоминая минувшие схватки, потом Юмжаг, кланяясь, вышел из княжеского шатра и, щурясь на ярком солнце, посмотрел по сторонам. Вся лощина между двумя невысокими хребтами была заполнена повозками, кибитками, шатрами. Вдали под присмотром вооруженных всадников мирно щипали травку табуны лошадей. Свободные от службы мужчины чистили и чинили оружие и упряжь, некоторые подносили к шатрам бурдюки с водой, привезенной с реки, которая угадывалась вдали по зеленовато-желтым зарослям тростника, обступившего берег.

Юмжаг принял поводья своего каурого жеребца из рук стоявшего перед шатром стражника и, ловко вскочив в седло, потрусил к дальнему концу их бивака, где встал со своей сотней хитрый и лихой рубака Цеденб.

Глава пятая

Конан шел вдоль широкой полноводной реки, временами поглядывая на противоположный берег. Но там не было ничего интересного — такой же кустарник, как и здесь, да редкий лесок близ моря. Киммериец надеялся, что матросы уже нашли подходящее дерево для фок-мачты. Путь оказался длиннее, чем показалось варвару с вершины холма. Река петляла по равнине, временами разливаясь в небольшие озерца, поросшие по берегам тростником, таким же, сквозь который он не так давно продирался. Киммерийцу приходилось обходить эти места подальше: от берега, и он уже подумывал, не срезать ли ему путь и не направиться ли к лагерю прямиком через кустарник, как вдруг его чуткое ухо уловило плеск воды. Конан остановился и прислушался. Нет, этот звук не был похож на журчание воды на перекате или удар рыбьего хвоста.

Осторожно раздвинув стебли тростника, киммериец выглянул из зарослей. От увиденного у него перехватило дыхание: в зеркальной глади воды отражалась женская фигура. Нагая незнакомка стояла в реке спиной к Конану. Белые одежды, словно пятно нерастаявшего снега, лежали поодаль на траве. Женщина! Варвару довольно долгое время пришлось обходиться без женщины, и один вид стройного нагого тела с длинными ногами, узкой смуглой спиной и округлыми ягодицами вызвал у него такой приступ желания, что он с трудом удержался, чтобы не вскрикнуть,

«Откуда здесь женщина? — лихорадочно соображал Конан. — Поблизости ни намека на жилье! И опять в белом, рога Нергала!»

Между тем женщина повернулась к нему лицом, и киммериец сделал шаг назад, чтобы

она его не заметила. Ее тело, позолоченное солнцем, с переливающимися, словно алмазы, капельками воды на смуглой коже, было прекрасно.

Сердце Конана глухо забилось от неодолимого желания. Но тут женщина отвернулась, отошла подальше от берега и медленно поплыла на середину реки. Она плыла легко и бесшумно, без всплесков и брызг. Затаив дыхание, Конан следил за черной головкой, скользящей над гладью воды. Она доплыла до противоположного берега и повернула обратно.

В голове киммерийца мгновенно созрел план. Он обогнул заросли тростника, вышел на небольшую полянку и быстро сбросил с себя одежду. Глянув на реку, он увидел, что женщина уже приплыла обратно и сидит на камне, подставив тело ласковым лучам солнца. Конан осторожно вошел в воду и, глубоко вдохнув, тихо, без всплеска нырнул. Вода оказалась холоднее, чем он ожидал. Почти касаясь животом дна, он поплыл к камню, на котором нежилась красавица.

Варвар рассчитал точно — он вынырнул из воды прямо перед женщиной. Вопреки ожиданиям Конана, она не завизжала от испуга, а легко соскользнула с камня, приблизилась к нему и спокойно проговорила:

— Я ждала тебя.

От удивления у киммерийца язык прилип к небу. Женщина подошла к нему вплотную и, обвив его шею прохладными гибкими руками, прильнула к его губам. Кровь бросилась варвару в голову, и, не владея собой, он подхватил красавицу на руки и выбежал на берег.

— Как долго ты не шел, — на мгновение оторвавшись от его губ, прошептала незнакомка.

«Что она говорит? Почему я не шел?» — мелькнуло в голове киммерийца, но он тут же отбросил от себя все мысли, отдавшись нахлынувшему желанию. Конан бережно уложил искусительницу на траву и впился в ее пунцовые губы. Они слились в единое целое, здесь не было места нежности и ласке — в этот момент мужчина и женщина напоминали двух прекрасных сильных зверей: они яростно боролись друг с другом, стремясь получить наивысшее наслаждение.

Киммериец никогда в жизни не испытывал такого. Ему казалось, что все его существо стало податливым и безвольным, словно он провалился в какую-то пропасть из влажной мерцающей плоти…

Конан проснулся, когда уже начало смеркаться. Приподнявшись на локте, он огляделся вокруг. Незнакомки и след простыл, а его тело ныло, словно после долгой и тяжелой работы. Он чувствовал дикий, прямо-таки волчий голод. Небо, которое было голубым, когда он подошел к этому месту в полдень, стало серым от низко плывущих облаков.

«Что-то я не понимаю, — подумал Конан, поднимаясь на ноги, — никогда со мной такого не было, чудеса, да и только… Что-то погода портится, надо поторопиться в лагерь».

Он оделся, осмотрел весь берег заводи, но не обнаружил ничего, даже следов на влажном песке.

«Может, мне все почудилось? — спросил он себя. — Прямо-таки наваждение какое-то. Проклятый корабль, копыта Нергала мне в печень! Напрасно я сюда сунулся, здесь явно не обошлось без волшбы!»

Нацепив на себя перевязь с мечом, Конан поспешно направился к лагерю, чтоб успеть вернуться засветло.

— Командир?! — услышал он изумленный оклик солдата, охранявшего подходы к

лагерю.

— Да я это, я, — нетерпеливо ответил киммериец, продираясь сквозь кустарник.

— Мы уж и искать тебя перестали, думали, ты сквозь землю провалился…

— Чего меня искать? — раздраженно буркнул варвар. — Подумаешь, полдня не было. Я же сказал, что пойду на холм.

— Какие полдня? — возразил подошедший на голоса капитан. — Мы трое суток тебя искали, Конан! Нашли просеку, которую ты прорубил в тростнике, а дальше — никаких следов.

— Трое суток?! — вскричал киммериец. — Повтори! — Он схватил Саудана за рубаху. — Ты не шутишь?

— Не до шуток тут, клянусь Таримом, — усмехнулся капитан. — Через день отплываем, а командир отряда пропал.

Конан с недоверием глянул на Саудана, но его лицо лучше всяких слов говорило о том, что он не лжет.

— Вы никого не видели на реке? — спросил киммериец.

— Нет. Да и кто тут может быть? Вокруг ни души.

Варвар потянул носом. Запах жареного мяса приятно щекотал ноздри.

— Ребята трех оленей подстрелили, пока тебя искали, — пояснил капитан, не сводивший с Конана внимательного участливого взгляда. — Теперь жарят.

Они пошли к лагерю.

— Конан! Вернулся, наконец! Где тебя носило? — Солдаты и команда корабля искренне радовались появлению киммерийца. — Наверное, проголодался. Садись, поешь!

Конан присел к огню и впился крепкими зубами в ногу только что снятого с костра оленя. Он ел жадно, урча от удовольствия, как кот, которого гладят по спине. На время он отбросил думы и о женщине в белом, и о том, что он, то ли прозанимался любовью, то ли проспал, то ли пробыл в беспамятстве три дня.

Глава шестая

Утром, едва проснувшись, киммериец решил все-таки наведаться на берег реки и на свежую голову, не торопясь, осмотреть все вокруг.

«Не может быть, чтоб не осталось следов», — думал он.

Фок-мачта была уже почти готова. Оставалось немного подтесать ее и переправить на корабль.

— Наверное, сегодня поставим, — сказал капитан. — Тогда завтра можно отплывать.

— Хорошо бы, — ответил киммериец. Ему не терпелось поскорее покинуть это место.

Он взял из своего отряда двух крепких солдат и велел им отправиться на вершину холма — наблюдать за местностью.

— Возьмите вязанку хвороста, и если увидите что-то подозрительное — зажгите костер, а сами — скорей сюда, — напутствовал варвар. — Дым отсюда будет хорошо заметен.

Отдав необходимые указания, Конан направился к реке, туда, где с ним произошло не

показавшееся поначалу особо неприятным приключение. Знакомую излучину он нашел быстро, но, сколько ни ходил вокруг, ничего не обнаружил.

«Колдовство», — решил варвар.

Теперь он и сам не был уверен — случилось это с ним на самом деле или пригрезилось. Хотя, казалось, он и вправду ощущал на своих губах страстные поцелуи незнакомки.

Конан хотел было отправиться назад, как вдруг ему показалось, будто за рекой заржала лошадь. Киммериец прислушался: да, так оно и есть. Спрятавшись за кустами, он стал внимательно приглядываться к противоположному берегу. Его внимание привлекли птицы, внезапно вспорхнувшие в том месте, где кустарник переходил в лес. Он заметил, как шевельнулось несколько веток, и среди них мелькнуло что-то белое.

«Там кто-то есть, — подумал варвар, — наверное, это она. Ну, подожди, змея, дай только до тебя добраться!»

Киммериец прошел выше по течению реки и, выбрав место, с которого его не было видно с другого берега, нырнул в воду. Тяжелый меч и одежда сковывали его движения, но он лишь раз на миг показался на поверхности, чтобы глотнуть воздуха, и, уже больше не выныривая, добрался до цели.

Он вышел на берег, залег в тростнике и прислушался. Не заметив ничего подозрительного, Конан бесшумно, как кошка, пробрался кустарником почти до опушки леса, намереваясь сзади подойти к тому, кто прятался за зарослями.

Киммерийцу оставалось два шага до поляны, как вдруг совсем рядом послышалось фырканье лошади. Конан остановился, осторожно раздвинул ветки и увидел трех стреноженных лошадей, и сидящего прислонившись спиной к сосне человека, Обликом своим незнакомец напоминал гирканца. Ничего не подозревая, он мурлыкал себе под нос какую-то песенку, меч и отличный гирканский лук лежали рядом на траве.

«А вот это ты зря!» — подкрадываясь к бедолаге, со злорадством подумал варвар.

Когда до гирканца осталось шагов пять-шесть, Конан рванулся к нему в стремительном прыжке. Услышав шорох справа от себя, незнакомец попытался вскочить, но было поздно. Одной рукой варвар припечатал его голову к стволу дерева, а другой саданул в живот, прямо под ребра.

Тихо охнув, бедняга осел на землю. Спустя некоторое время, он очнулся и обнаружил, что сидит, прислонившись к стволу дерева, со связанными собственным поясом руками. В рот несчастного был воткнут кляп из лоскута его же собственной рубахи. Рядом, выжидательно поглядывая на свою жертву, стоял синеглазый человек гигантского роста с черными густыми волосами, волнами ниспадавшими на плечи.

— Ну что, очнулся, дурачок? — ласково спросил великан. — Я уж заждался, до того хотелось с тобой поболтать. Будешь говорить?

Пленник помотал головой из стороны в сторону.

— Как это не будешь? — удивился варвар. — Со мной всегда все говорят.

Конан вытащил кляп, но гирканец попался упорный. Вдохнув воздух, он попытался заорать, однако киммериец оказался проворнее. Резким ударом в челюсть он освободил пленника от лишних раздумий, и его голова, словно поникший цветок, свесилась набок.

— Экий дурень, — проговорил киммериец, вновь засовывая кляп в разинутый рот, — сам ведь нарвался, потомок шелудивого осла!

Он покрепче привязал гирканца к дереву и, подойдя к лошадям, перерезал им путы. Ткнув каждую в бок острием ножа, варвар полюбовался, как лошади бешеными прыжками,

перегоняя друг друга, умчались куда-то в степь, а потом осторожно двинулся вглубь леса на поиски товарищей беспечного стража.

Конан обнаружил их довольно быстро. Сначала он услышал тихий разговор, а подкравшись поближе, увидел двух гирканцев. Они сидели в кустарнике, наблюдали за противоположным берегом реки и были так заняты беседой друг с другом, что не услышали приближения варвара. Один из них опомнился, когда товарищ привалился к его плечу, обильно орошая его кровью, хлещущей из раны на шее. Пущенный сильной рукой нож киммерийца неумолимо сразил свою жертву.

Вскочив на ноги, гирканец попытался противостоять Конану, напавшему на него с мечом, но это было напрасной затеей: через несколько мгновений его оружие валялось на прибрежном песке, а сам он лежал рядом, придавленный коленом варвара.

— Ну, ты-то хоть будешь говорить? — поинтересовался киммериец.

Его новый пленник отрицательно помотал головой.

— Молодцы, уважаю таких, — протянул варвар, рывком подняв гирканца на ноги. — Ну, ладно, пошли.

Конан подвел пленника к невысокому деревцу и, сорвав с него рубаху, крепко прикрутил его руки к стволу. Потом киммериец собрал валяющийся вокруг хворост в большую кучу и подпихнул ее к ногам пленника.

— Поступай, как знаешь, но я бы посоветовал тебе развязать язык, — вытаскивая кресало, сказал Конан.

— Что ты собираешься делать? — хрипло спросил гирканец.

— А вот сейчас подожгу эту кучу и пойду себе восвояси, — усмехнулся варвар. — Будет жарко — кричи, не стесняйся, может быть, твои товарищи тебе помогут.

— Не делай этого! — сказал пленник, видя, что варвар не шутит.

— Тогда говори, а не то поджарю, — потребовал Конан. — Откуда вы?

— Мы подданные князя Тенгри. Он послал нас проверить, не появилось ли на побережье кораблей, прибитых к берегу бурей.

— Должно быть, для того, чтобы помочь потерпевшим крушение? — усмехнулся Конан. — Он только троих послал?

— Нет, нас было пятнадцать. Сотник оставил нас наблюдать за вами, а остальные вернулись в степь. Скоро придет подмога, и мы на вас нападем.

— Ну, ты уже не нападешь, — усмехнулся киммериец. — И давно вы здесь?

— Третий день.

— Вот как? Значит, подмога подойдет уже скоро? Сколько человек?

— Не знаю. Наверное, не меньше сотни.

«Кром, надо торопиться! — решил варвар. — Если, конечно, я уже не опоздал…».

— Вы все на конях?

— Мы пешком не ходим, — усмехнулся пленник.

— Ну, молодец, так бы сразу, — похвалил его варвар. — Хорошо, я сдержу свое обещание и подарю тебе жизнь — если, конечно, сумеешь выпутаться. А мне, ты уж извини, пора.

Забрав с собой оружие гирканцев, Конан переправился на свой берег и помчался к лагерю. Вынырнув из кустарника на открытое место, он увидел поднимавшуюся с вершины холма струйку белого дыма.

«Так я и знал, рога Нергала! — выругался киммериец, прибавив ходу. — Хорошо еще,

если успеем подготовиться, хоть самую малость».

С криком «Тревога» — он влетел на поляну, где расположился лагерь.

Но предупрежденные дозорными солдаты уже были готовы защищаться. Матросы под командой капитана и рыжего рыбака грузили лодки. Бревно, для фок-мачты уже переправили на корабль.

— Мы их задержим! — крикнул Конан капитану, сбрасывая на землю принесенные трофеи. — Ты смотри с корабля — если останемся в живых, пришлешь лодку. Заберешь с собой всех, кого сможешь.

— Что вы видели? — спросил Конан дозорных, которые, запыхавшись от быстрого бега, выскочили на поляну.

— Отряд человек в пятьдесят обходит нас с юга, а другой, поменьше, идет к лесу.

— Это хорошо, — заметил Конан. — Им надо время, чтобы переправиться через реку. Пешими они воевать не умеют, это кочевники, похожие на гирканцев. Значит, они пойдут по узкой полоске вдоль берега, с лошадьми им по кустам не пройти.

— Бахтар! — крикнул киммериец. — Возьми пятерых лучников, и идите к реке. Встретите их, когда они спустятся в воду. Постарайтесь задержать. Их человек тридцать, так что, думаю, справитесь. Остальные — со мной! — скомандовал варвар, устремляясь в противоположном направлении.

Оглянувшись назад, Конан увидел, что первая лодка уже отчаливает от берега. Теперь все зависело от него. Пробежав шагов двести, он остановил своих бойцов.

— Лучники — сюда, — указал киммериец на прибрежные кусты. — Когда услышите мою команду, стреляйте в коней и только потом — в людей. Остальные десятеро спрячьтесь поближе ко мне. И пусть боги помогут нам отбиться!

Глава седьмая

Все было сделано вовремя. Не успели солдаты спрятаться, как послышался топот коней. Еще несколько мгновений, и варвар увидел вытянувшуюся вдоль берега колонну всадников, впереди которой скакал чернобородый воин.

Киммериец специально выбрал самое узкое место на берегу, чтобы лишить конников их преимущества. Когда до засады осталось шагов тридцать, варвар вышел из-за кустов.

Не ожидавший его появления чернобородый резко остановил коня, и тот взвился на дыбы. Вид одинокого гиганта на пустынном берегу весьма озадачил всадника.

— Куда спешим, ребята? — крикнул Конан. — Не лучше ли вам повернуть назад?

— Ты кто такой? — спросил предводитель, выхватывая кривой обоюдоострый меч. — Прочь с дороги!

Отряд подъехал к своему командиру и ждал команды, чтобы убрать нахала, вставшего на их пути. Разгоряченные кони не могли устоять на месте, всадникам тоже не терпелось броситься в бой. Киммериец опытным глазом определил, что противник попался не из легких. Эти кочевники прекрасно владели оружием, были мужественными и закаленными бойцами.

— Ну, тогда, как прикажешь, Нергалово отродье! — рассмеялся варвар. — Стреляйте! — отдал он команду своим бойцам.

Пять стрел просвистели в воздухе, раненые кони взвились на дыбы, сбросив всадников под копыта, и рухнули на землю, корчась в последних судорогах и не давая стоявшим позади двинуться вперед. Чернобородый командир тщетно пытался выбраться из-под раненого жеребца, отчаянно крича своим воинам:

— Бейте по кустам! Засада!

Просвистели еще пять стрел, и еще пять лошадей рухнули наземь, придавив своих всадников и устроив на берегу свалку из бьющихся в агонии лошадей и раненых седоков.

Несколько воинов попытались обойти этот завал по морю, но лошадям мешали прибрежные камни. Их копыта разъезжались, животные спотыкались, не желали идти дальше, и всадники нещадно хлестали их по бокам, Истошные крики и конское ржание слились в оглушительную какофонию. Как только нескольким кочевникам вновь удалось выйти на берег, лучники киммерийца оставили из десятка прорвавшихся к Конану только одного. С копьем наперевес он мчался вперед, надеясь сразить стоявшего на пути противника.

«Не зря столько времени посвятили стрельбе», — успел подумать варвар, глядя прямо в глаза летевшему на него всаднику.

Казалось, копье насквозь пронзит варвара, но неуловимым движением он увернулся от смертоносного острия, между делом рубанув мечом по крупу лошади. Животное рухнуло наземь, а всадник, перелетев через его голову, упал, но быстро вскочил на ноги и выхватил меч.

Конан ждал противника. Вдобавок ко всему, он краем глаза увидел, что несколько всадников обошли завал по воде и через пару мгновений будут рядом. Спешившись, гирканец не представлял такой угрозы, как на коне. Двумя ложными выпадами варвар обманул его и, выбив оружие, следующим взмахом своего меча снес ему голову. Конан оглянулся, двое всадников были уже в десяти шагах от него. Только двое. Тела остальных, запутавшись в стременах, волочились за своими конями, в их спинах торчали рукоятки метательных ножей. Несколько солдат бежали к киммерийцу на подмогу. Конан увернулся от первого всадника и в два огромных прыжка достиг кустов.

Нападавшие развернули своих коней, намереваясь вновь броситься на варвара, но не успели. Киммериец оказался проворнее. Он метнул нож в грудь первому, а замешкавшегося второго просто-напросто сбросил с лошади, перехватив копье за древко. Конан вскочил в освободившееся седло и, успев полоснуть мечом по поднимавшемуся с земли противнику, поскакал вперед, чтобы встретить оставшихся. Их было немало: человек пятнадцать все же уцелели и готовились отразить удар. Теперь преимущество было на их стороне: пятнадцать всадников против пятнадцати пеших воинов. Правда, пять солдат Конана по примеру своего командира тоже оседлали вражеских лошадей, но даже в этом случае их было всего шесть против пятнадцати. Сомкнув строй, гирканцы лавиной понеслись навстречу киммерийцу и его товарищам.

Остальные солдаты Конана вступили в схватку с выбравшимися из под павших коней кочевниками. Варвар покрепче сжал рукоятку меча и бросился навстречу наступавшим. Пятнадцать всадников схватились с пятью. Киммерийцу пришлось отбиваться от троих гирканцев. Такого противника они еще не встречали. Меч Конана сверкал в воздухе, словно молния, звон стали смешался с воплями врагов, изведавших разящий удар варвара,

противники один за другим падали на землю.

Покончив с последним, Конан кинулся на помощь товарищам. Один солдат, раненный в бок копьем, с трудом отбивался от наседавших на него противников. Двое других, держа своих коней ближе к зарослям, чтобы предотвратить нападение сзади, прикрываясь щитами, с трудом сдерживали натиск кочевников.

Чуть подальше от общей схватки Герард в одиночку сражался с четверкой гирканцев. Конан хотел было направить своего коня на помощь юноше, но с изумлением увидел, что меч зингарца разит врагов не хуже его собственного. Герард с гибкостью и молниеносностью змеи успевал уворачиваться от ударов и в ответ колол, рубил, сек нападавших с таким мастерством, что Конан на миг даже открыл рот от удивления. Казалось, противник пребывает в полусне, так стремительны были движения юноши. Видя, какое побоище один молодой воин устроил четверым противникам, можно было подумать, что ему помогает какая-то сверхъестественная сила. Обычный человек вряд ли на такое способен. Поймав восхищенный взгляд киммерийца, Герард криво усмехнулся — что-то знакомое почудилось варвару в этой гримасе — и несколькими мощными ударами завершил битву.

Конан и Герард вихрем налетели на оставшихся в живых кочевников. Киммериец бросился на одного из них сзади и разрубил его от плеча до паха.

— Что, степные козлы, получили? — гаркнул киммериец. — И это еще не все! — пообещал он, сверкнув глазами и направляя своего коня в гущу сражения.

Он чуть-чуть опоздал — двое кочевников одолели раненого солдата и повернули своих лошадей навстречу варвару. Конан метнул в одного из них нож, и гирканец, захрипев, свалился с седла. Киммериец привстал на стременах и дотянулся лезвием своего длинного меча до второго кочевника. Тот выронил оружие и схватился за окровавленное лицо. Следующим ударом варвар прекратил его мучения — отрубленная голова гирканца покатилась по земле.

Конан развернул коня и огляделся. Трое бойцов во главе с Герардом успешно отражали атаку девятерых кочевников, окруживших их плотным кольцом.

— Нас так просто не возьмешь, клянусь Кромом! Сейчас все отправитесь гулять по Серым Равнинам, потомки шакалов! — вскричал варвар, бросая своего коня вперед.

Киммериец вломился в строй нападавших, разя мечом направо и налево. На помощь к ним уже скакали еще двое солдат — они разделались со своими противниками и добыли себе коней. Вшестером они быстро разобрались с последними гирканцами, хотя те держались мужественно и стойко. Но против Конана и Герарда с товарищами не могла выстоять даже целая сотня кочевников. На берегу лежали трупы пятидесяти кочевников и троих солдат Конана — его отряд тоже понес потери.

— Хорошо поработали! — Конан смахнул пот со лба. — Герард, где ты научился так биться?

— Наверное, природа наградила меня этим даром, — скромно ответил юноша.

— Сколько у нас теперь лошадей?

— Больше, чем всадников, — ответил один из солдат.

— Что ж, тогда вперед, на помощь Бахтару.

Глава восьмая

Помощь подоспела как раз вовремя. Пятеро лучников во главе с Бахтаром, укрываясь щитами от стрел, вжались в большой камень на берегу реки и готовились, если придется, дорого продать свои жизни. Поначалу дела у них шли успешно. Стоило первой шеренге кочевников войти в реку, как на них обрушился град стрел. Солдаты Конана не оставили в живых ни одного.

Увлекаемые течением, окровавленные трупы медленно поплыли к морю. Но гирканцы были не новички в ратных делах. Они на время рассыпались по берегу реки, а теперь, переждав, собрались все вместе и пытались пробиться к морскому берегу по песчаному откосу. Хорошо хоть кустарник был настолько густой, что на лошадях им никак не удавалось пробраться за спины защитников, а иначе солдатам киммерийца грозила бы верная гибель.

Появление отряда Конана было для кочевников полной неожиданностью. Теперь их оставалось всего пятнадцать против двадцати четырех стрелков киммерийца. Отступать гирканцам было некуда, да и выбор у них был небольшой: либо биться до последнего и погибнуть, либо сдаться на милость варвара.

— Если бросите оружие, — прокричал Конан, на всякий случай, прикрываясь щитом, — то отпущу живыми и отдам ваших коней! Помощи вам ждать неоткуда, с вашими товарищами уже покончено! Считаю до пяти, а потом вас уже ничто не спасет!

Вид взбудораженного недавней схваткой киммерийца с горящими холодным синим огнем глазами и двух десятков всадников, окруживших своего командира, заставил противника призадуматься. А весть о гибели сотника и товарищей окончательно сломила их. Сдаться сейчас — значит спасти свою жизнь. Они понимали, что князь вряд ли похвалит их за это, но выбора не было. Из строя кочевников выехал всадник на вороном коне.

— Кто поручится за то, что ты не перебьешь нас, если мы бросим оружием

— Я никогда не убиваю сдавшихся! — усмехнулся варвар. — Впрочем, — добавил он, — вы можете выбирать. Но клянусь богами, если не сдадитесь, я вас живыми отсюда не выпущу.

— Ладно, мы согласны! — прокричал предводитель, сбрасывая с себя перевязь с мечом и кладя рядом копье.

— Ну вот, так бы сразу! — удовлетворенно проговорил киммериец. — Оружие оставьте здесь, коней стреножьте, а сами идите сюда.

— Ты же обещал! — раздался сдавленный крик.

— Да не бойтесь, ублюдки! — захохотал варвар. — Я свое слово держу. Пойдете с нами к лагерю, посмотрите, как мы отплывем на лодках к кораблю, а потом делайте, что хотите.

Так и поступили. Окруженные воинами киммерийца, кочевники, опустив головы и не глядя на бывших противников, поплелись к лагерю. Варвар посигналил на корабль, и за ними прислали три лодки. Солдаты погрузились в них и отплыли в море. Конан сел в лодку последним.

— Прощайте, вояки! — махнул он понуро стоявшим на берегу кочевникам. — Теперь вы свободны!

Они еще некоторое время стояли, не в силах двинуться с места, и мрачно глядели вслед удалявшимся лодкам.

* * *

— Что, трусы, помесь шлюхи и козла?! — Тенгри исходил слюной, визжа и топая ногами на валявшихся перед ним на коленях кочевников. — Не смогли перебить каких-то двадцать туранцев? В назидание всем я вас подвешу за ребра и оставлю на съедение воронам! Сыновья шелудивых сук! Где этот жалкий червь Юмжаг?

— Он погиб, господин… мы все сражались… они оказались сильнее… и этот киммериец… там был еще один, сущий демон… пощади… — нестройно загнусавили дрожащие от страха воины.

— Козлы! Бараны! Позор на наши головы! — Он принялся охаживать своей девятихвостой плеткой склоненные перед ним спины. — Теперь по всей степи пойдет слух, что мы бессильный сброд! Джебей! — заорал он, распаляясь еще больше.

Из-за шатра выступил молодой стройный кочевник.

— Что прикажешь, хозяин?

— Собрать всех! А этим, — он кивнул на валявшихся в пыли воинов, — я дам возможность искупить вину. Большой у них корабль, сыны позора? Отвечайте, потомки псов!

— Большой… очень большой. — Воины заговорили все сразу, радуясь, что на этот раз дешево отделались.

— А ты, — Тенгри обернулся к Джебею, — отправляйся к моему брату Тенгизу и расскажи ему все про этот корабль. Люди из Красного Братства — крепкие и умелые, не то, что это ослиное дерьмо! — Он вновь принялся размахивать плетью. — Пусть постарается взять его. Нам не нужно лишних свидетелей и лишних разговоров по всему побережью. Пусть прикончит всех, пленных на сей раз брать не надо. Корабль сжечь, чтобы и щепки не осталось! Да скажи, чтобы не медлил, иначе эти ублюдки успеют далеко отплыть! Мы пошлем ему в помощь сотню Дагана, ну и этих вот мерзавцев, которые только и могут, что плестись за ослиными задницами.

Приказания Тенгри выполнялись мгновенно, и не успел князь отойти от гнева, как отряд конников уже скакал во весь опор на север. Там жил промышлявший пиратством хитрый и жестокий младший брат их хозяина — одноглазый Тенгиз. В его укромной бухте стояли два парусника, на которых он со своими людьми грабил торговые суда, по глупости отправлявшихся в море Вилайет без конвоя.

* * *

Мачту поставили уже к вечеру, и «Утренняя звезда» была готова к отплытию. По случаю победы над кочевниками Саудан выкатил две бочки вина, и пир на корабле продолжался до глубокой ночи. Однако варвар не забыл поставить караулы и предложил капитану на всякий случай отойти в открытое море, подальше от берега. Так и поступили, а утром, подгоняемая свежим ветерком, «Утренняя звезда» вновь устремилась к далеким северным берегам, куда еще не успела добраться весна. Ближе к полудню матрос с наблюдательной бочки прокричал:

— Вижу корабль сзади по ходу!

— Ну и пес с ним! — решил Саудан. — Наверное, какой-нибудь купец из Султанапура спешит добраться до гирканцев.

Вскоре расстояние между судами сократилось настолько, что можно было рассмотреть преследователей.

— Нет, капитан! — воскликнул киммериец.

Он то и дело поглядывал назад и, обладая очень острым зрением, увидел то, чего другие еще не могли заметить.

— Это какой-то странный корабль, на торговый не похож. Скорее, это чей-то военный парусник. Посмотри-ка на его паруса.

— Может быть, это морская охрана султанапурской гавани? — предположил капитан. — Но что ей здесь делать? До Султанапура два дня ходу, если не больше.

Конан вгляделся внимательней.

— Посмотри на вымпел! Разве это туранское знамя?

— Нет, — забеспокоился капитан, почуяв неладное. — Это не туранские цвета. Красное с черным… этого нам только не хватало!

Расстояние между судами стремительно сокращалось. Когда до «Утренней звезды» осталось триста-четыреста шагов, никто на корабле уже не сомневался в том, что их преследуют пираты. Над парусником развевался раздвоенный красный вымпел с черной полосой. Это знамя наводило страх на всех, кто плавал по морю Вилайет.

— Красное Братство! — пронеслось по кораблю.

Теперь уже стало видно, что корабль набит вооруженными людьми, как подсолнух семенами, и что, нагнав «Утреннюю звезду», пираты тут же ринутся на абордаж.

— Не вешать носа! Надо готовиться к бою! — закричал Конан.

По команде киммерийца солдаты заняли свои места, заранее закрепленные за каждым. Быстро наполнили водой бочки, стоявшие вдоль бортов, чтобы сразу потушить огонь, если пираты попытаются поджечь «Утреннюю звезду». Было сделано все, чтобы оттянуть время встречи: поставили все паруса, и это немного помогло — какое-то время расстояние почти не сокращалось. Но только почти, потому что тяжело груженый корабль не мог тягаться в скорости с легким парусником, на борту которого был лишь отряд вооруженных людей, да небольшой запас воды и пищи.

— Постарайся не дать им обойти нас и встать вдоль борта! — крикнул Конан капитану.

— Сам знаю, — ответил с мостика Саудан, — не впервой! Гребцы, приготовиться!

На каждом из сорока весел «Утренней звезды» сидело по два раба. При небольшом ветре судно могло легко маневрировать веслами, не давая кораблям встретиться бортами и подставляя то нос, то корму, чтобы нападающим не удалось пойти на абордаж. Иногда это помогало, а если ветер стихал, то позволяло и уйти от погони. Расстояние между кораблями медленно, но верно сокращалось. Конан и вся команда приготовились к большой схватке.

— Вижу корабль, поперек хода! — пронзительно закричал матрос из бочки на фок-мачте.

Перегнувшись через борт, Конан посмотрел вперед по ходу.

— Нергал мне в печень! — выругался он, увидев вдалеке парусник, как две капли воды похожий на тот, что шел сзади.

— Большой лук! — скомандовал варвар.

Бахтар передал ему гигантский лук, согнуть который мог только киммериец. Положив

на тетиву стрелу, больше похожую на копье, варвар крикнул:

— Зажигай!

К намотанным на конец копья просмоленным тряпкам поднесли факел, и огненная стрела полетела навстречу преследователю. Она вонзилась прямо под бушпритом. Люди на носу парусника засуетились, пытаясь загасить пламя, а в это время вторая стрела, промчавшись прямо над ними, подожгла большой парус на фок-мачте. Пираты метались по палубе, стараясь потушить пожар, когда киммериец послал вдогонку первым еще две огненные стрелы.

Стрелы пиратов не могли достать корабль Саудана, но преследователи тоже хорошо знали свое дело. Они сбросили паруса, немного замедлили ход, чтобы идти на расстоянии, которое не способны преодолеть стрелы киммерийца, и сумели погасить разгоравшееся пламя. «Утренняя звезда» ушла вперед, но все понимали, что это ненадолго.

Глава девятая

— Схватки не избежать, — сказал Саудан, наблюдая за тем, как оба пиратских корабля пытаются взять его судно в клещи.

— Что посоветуешь? — спросил Конан.

— Придется напасть первыми, другого выхода нет.

— Я тоже так думаю. Давай двинем на тот, что впереди. Слава Солнцеликому, этот корабль меньше нашего — бей прямо в борт.

Маневр удался. Направив свой корабль наперерез встречному, капитан застал пиратов, не ожидавших такой дерзости, врасплох. Нос «Утренней звезды» летел прямо в борт пиратского судна. Пираты засуетились, пытаясь уйти от столкновения, и бросились к борту, чтобы не дать отряду варвара взять судно на абордаж. Лучники Конана меткими выстрелами снимали всех, кто неосторожно высовывался из-за бортов. Когда до столкновения оставались считанные мгновения, киммериец метнул в корму вражеской посудины бочонок с горящей смолой. Сухие доски заднего мостика мгновенно полыхнули огнем, отвлекая внимание обороняющихся.

— Вот вам, ублюдки!

Как только форштевень «Утренней звезды» с ужасным треском врезался в борт парусника, варвар ринулся на палубу, размахивая своим длинным широким мечом направо и налево. Под треск ломающегося дерева вслед за Конаном на пиратский корабль перебрались и его солдаты.

— Отходи! — обернувшись, крикнул варвар Саудану.

Гребцы налегли на весла, и «Утренняя звезда» начала медленно вытаскивать свой форштевень из борта пиратского судна.

— Смотри-ка, старые знакомые! Вот сучьи дети! — свирепо зарычал киммериец, узнав среди своих противников тех, которым он только вчера утром подарил жизнь. — Бей их!

Бок о бок с Герардом, который, не отставая от варвара, ловко орудовал мечом, Конан расчищал дорогу к носовой части. В это время вода хлынула в пробоину, и судно

накренилось на левый борт.

— Тонем!

Началась паника, пираты стали прыгать в воду. Варвар оглянулся, чтобы посмотреть, как там «Утренняя звезда». Нос корабля пострадал не столь сильно, как можно было ожидать после такого сокрушительного удара.

Саудан уже обходил горящее пиратское судно, чтобы оставить его между собой и вторым преследователем, который подошел совсем близко.

— Конан! — пронзительно закричал Герард.

Краем глаза киммериец увидел пирата, с пятнадцати шагов бросающего в него дротик, и едва успел подставить щит, иначе острие неминуемо вонзилось бы ему в грудь.

— Спасибо, приятель! — Конан бросился вперед и раскроил кочевнику череп, прежде чем тот сумел переложить меч из левой руки в правую.

Когда отряд киммерийца расправлялся с последними врагами, корабль пылал уже вовсю. С мостика огонь перекинулся на мачты и алчно пожирал сухое дерево. Облака горящих искр с шипением падали в море.

Тем временем второй корабль уже приблизился на расстояние выстрела, и когда свист вражеской стрелы около уха напомнил об этом Конану, он скомандовал покинуть полузатопленный, но еще державшийся на плаву костер, в который превратилось пиратское судно.

Саудан был опытным и расторопным капитаном, не зря он столько лет ходил по морям: он послал лодки, чтобы переправить отряд киммерийца на «Утреннюю звезду».

— Прыгайте, — скомандовал Конан.

Солдаты повиновались, и командир увидел, что их осталось всего четырнадцать да двое раненых, которых бережно уложили на дно лодок.

«А ведь битва еще не кончена, — подумал Конан. — Скольким из них удастся уцелеть?»

Пираты не решались приблизиться к тонущему кораблю, опасаясь, что огонь перекинется на их судно. Им все время приходилось маневрировать парусами, потому что, в отличие от «Утренней звезды», весел у них не было. А Саудан все время вставал таким образом, чтобы горящий корабль преграждал дорогу преследователям.

— Ну, и сколько еще мы будем танцевать вокруг этого костра? — угрюмо спросил Конан.

— Могли бы и долго, но он скоро затонет, и тогда, по всей видимости, нам крышка, — обреченно проговорил капитан, не отрывая глаз от вражеского судна.

— Не снимай голову, пока приговор не вынесен, — подбодрил его киммериец. — Надо подумать, выход всегда есть. Сколько, по-твоему, у них людей? — перегнувшись через перила, спросил он Герарда, который, как и капитан, неотрывно смотрел на пиратское судно, то исчезавшее в клубах дыма, то вновь появлявшееся на горизонте.

— На палубе суетятся человек пятьдесят, — ответил юноша.

— Нас четырнадцать, — пошевелил губами варвар, подсчитывая в уме, — да матросов твоих можно взять человек пятнадцать. Хватит тебе остальных, чтобы управлять парусами? — спросил он капитана.

— Какие тут паруса, когда дело идет о жизни и смерти?!

— Нет, ты не совсем прав, — возразил киммериец. — Есть одна мысль, хоть и рискованная, но другая в мою голову что-то не заглянула. Давай еще разок попробуем их протаранить.

— Ты с ума сошел! — оторопел Саудан. — Мы как раз хотим избежать сближения, чтобы они не взяли нас на абордаж.

— Вот и они так думают, — усмехнулся Конан. — Давай сделаем так…

Не сводя глаз с вражеского судна, Саудан внимательно слушал киммерийца, горячо отстаивавшего свой план. Капитан не сразу согласился с Конаном, но другого выхода действительно не было.

— Хорошо, — твердо сказал он. — Но поторопись, а то мы можем встать по ветру. Мне хватит десятка людей на паруса, так что у тебя вместе с солдатами будет тридцать пять человек. Конечно, они не такие умелые в схватке, как остальные, — грустно прибавил он, — но, уверяю тебя, ребята отважные, и топор им держать не впервой.

Так и решили. Конан собрал всех, способных нести оружие и сражаться. Он оглядел своих бойцов и остался доволен их решительным видом. Никто не проронил ни слова, все ждали начала боя.

— Тарань корму! — еще раз крикнул варвар Саудану, напряженно ожидавшему удобного момента.

Тот помахал рукой в знак того, что помнит. Еще мгновение, и, кружась в танце вокруг догоравшей пиратской посудины, корабли расположились таким образом, что пираты встали боком по ходу «Утренней звезды», поймавшей попутный ветер.

— Вперед! Клянусь Эрликом, сейчас будет жарко! — проревел Саудан.

В два счета поставили паруса, и пираты, приготовившиеся долго ждать, когда исчезнет препятствие между ними и «Утренней звездой», с изумлением увидели, как из-за облака дыма вдруг показался нос корабля. Осыпая ругательствами свою команду, предводитель пиратов попытался развернуть свое судно, чтобы избежать столкновения. Поздно!

В воздухе тонко запели стрелы, и Конан еще раз похвалил себя за то, что в плавании они не тратили время даром — стрелки превосходно справлялись со своей задачей.

Неприятельское судно охватила паника, отовсюду слышались вопли, крики и ругань. Когда форштевень «Утренней звезды» с треском врезался в борт парусника, расплющив пару не успевших отскочить пиратов, Конан прыгнул на мостик. От мощного удара корма «Утренней звезды» слегка осела, но это было только на руку киммерийцу и его товарищам. Они попрыгали на капитанский мостик, и теперь все пиратское воинство оказалось внизу, на палубе, и им предстояло взобраться наверх, чтобы сразиться с солдатами варвара.

— Вперед! Удача с нами, клянусь Кромом! — Конан как бешеный вепрь налетел на пиратов, окруживших своего капитана.

Отбив щитом удар дротика, киммериец парой ложных выпадов заставил двух своих противников повернуться лицом друг к другу и взмахом меча снес одному из них голову. Второй, опомнившись, попытался оказать сопротивление, но, захрипев, упал: подоспевший Герард ловко всадил свой меч ему в шею. Все произошло так быстро и внезапно, что капитан пиратского судна даже не успел выхватить свою саблю, и Конан, как честный противник, не стал пускать в дело клинок. Мощным ударом стального кулака он вбил голову несчастного меж перекладин рулевого колеса. Бедняга так и застыл с раскрытым в последнем вопле ртом — точь-в-точь огородное пугало, брошенное за ненадобностью на осеннем поле.

Придя в себя пираты попытались обстрелять нападавших из луков, но стрелять снизу вверх не так удобно, как сверху вниз, и солдаты Конана незамедлительно доказали это — несколько пиратов рухнули под ноги своим товарищам как подкошенные.

— За мной! — Киммериец перемахнул через перила на правый борт, в прыжке отбивая

удары врага. — Что, не нравится? — гаркнул варвар, изрубив на куски, подскочившего к нему пирата. — Дерьмо кочевое!

Услышав позади себя грохот, Конан понял, что его товарищи прыгнули вслед за ним. Теперь положению пиратов, пожалуй, никто бы не позавидовал. Они потеряли пятнадцать бойцов, на них градом сыпались стрелы, а в придачу ко всему их уже выталкивали с палубы. Конан с Бахтаром и еще одним солдатом, выставив копья и закрывшись щитами, выпихивали оборонявшихся все дальше и дальше.

Надо отдать должное, пираты сражались отчаянно, но выстоять против рассвирепевшего Конана и его солдат — надежды не было. Вытолкнув оборонявшихся из прохода, варвар первым вырвался на широкую палубу и бросился к трапу, ведущему на капитанский мостик. Несколько пиратов пытались взобраться наверх, чтобы выбить оттуда воинов киммерийца.

— А ну! — Подбадривая себя криком, варвар размахнулся и обрушил свой меч на опору трапа.

Трап рухнул и пираты, словно спелые виноградины, посыпались вниз прямо под разящие удары Конана и его товарищей.

— Кровь и смерть! — С этим кличем киммериец бросился на врагов, с каждым шагом тесня их к носовой палубе, а уж оттуда им некуда было деться.

Солдаты варвара крушили все на своем пути, не давая противнику опомниться. Особенно преуспевал Герард, и Конан еще раз подивился тому, как искусно этот худощавый юноша наносит удары своим мечом. Исход схватки был очевиден.

— Добейте их всех! — приказал киммериец, на собственном опыте убедившийся, что милосердие подчас бывает наказуемо.

Вскоре все было кончено. План Конана удался на славу. Вся палуба пиратского корабля была залита кровью и усыпана трупами пиратов. Конан взглянул на свои руки: даже под ногти забилась кровь, впрочем, он был измазан кровью с головы до пят.

— Да, — опершись на меч, сказал он стоявшему рядом Герарду, — пожалуй, нас не отличить от мясников на бойне.

— Они сами напросились, клянусь зловредным змеем Сетом, — засмеялся юноша. — Мы ведь спокойно плыли и никого не трогали.

Киммериец вновь удивился тому, как странно блестят глаза юноши, когда он смотрит на лужи человеческой крови.

«Может быть, — подумал он, — мне все это кажется. Парень-то очень хорош в бою. Пойду лучше кликну Саудана, пора уходить отсюда подальше».

Однако капитана звать не пришлось — он уже перебрался на палубу пирата и деловито прохаживался по кораблю с парой матросов, прикидывая, что можно забрать на «Утреннюю звезду». Тем временем солдаты Конана собирали оружие поверженных врагов, а их тела сбрасывали в море. Дракон, вырезанный на носу «Утренней звезды», вторя легкой волне, качал головой с разинутой пастью, словно одобрял действия своих подданных.

— Видишь? — указал на дракона Саудан. — Боги за нас.

— На них надейся, но и сам не теряйся, — рассмеялся Конан, который не раз убеждался в том, что боги не способны углядеть за всем, даже если они и на твоей стороне.

Часть третья СУЛТАНАПУР

Глава первая

Забрав с вражеского корабля все, что могло им пригодиться на судне, солдаты и моряки вернулись на «Утреннюю звезду». Пиратскую посудину подожгли, и она заполыхала над водой как гигантский костер. Искрясь и потрескивая, этот костер, подгоняемый ветром, медленно поплыл к восточному берегу моря — туда, где Тенгри и Тенгиз, два достойных братца, ожидали возвращения своих кораблей с богатой добычей.

— Как ты думаешь, успеет он доплыть до берега или сгорит раньше? — спросил Конан капитана.

— Успеет, — немного подумав, ответил Саудан, — берег совсем рядом, до него на веслах меньше чем полдня пути. Да и ветерок хороший — поможет.

Они смотрели на объятый пламенем корабль, медленно удалявшийся в ночь, и каждый думал о своем. Капитан переживал, что для «Утренней звезды» это наверняка последний рейс. Хорошо еще, если они дойдут нормально: все-таки посудина очень старая, да и два тарана дадут о себе знать.

«Только бы бурь сильных больше не было, — подумал он, — иначе не дойдем».

А киммериец тем временем размышлял о своем отряде.

«Да, к сожалению, мало кто из моих уцелел», — мрачно заключил он.

И, правда, после двух схваток с пиратами в живых осталось лишь десять человек, не считая его самого. Конечно, такие бойцы, как Бахтар и в особенности Герард, стоили целой дюжины, но легче ему от этого не стало.

— Ты здесь давно ходишь? — спросил он Саудана. — Мы еще можем нарваться на пиратов?

— Знаешь, — капитан развел руками, — надо всегда быть готовым к худшему. Я вот о чем думаю: не зайти ли нам в Султанапур? Он не так далеко, прямо на запад. — Саудан указал на розоватую полоску неба на горизонте. — «Утреннюю звезду» немножко подремонтируем, а тебе, быть может, удастся подобрать пяток-другой солдат.

— Хм! — хмыкнул киммериец. — Мысль неплохая, да только мне не очень хочется светиться в ваших туранских городах. Впрочем, — рассудил он, — пусть ребята развлекутся в порту, а нужных людей и Бахтар набрать сможет. У меня, вообще-то, в Султанапуре тоже имеется кое-какое дельце, только мне надо провернуть его, не особенно показываясь на людях.

— Так и сделаем, — подвел черту Саудан. — Наш поход сложился не очень удачно, надо бы чуток отдохнуть, пару деньков хотя бы.

Приказав рулевому держать курс на запад, Саудан произнес:

— В Султанапуре будем через три дня. А если боги нас не забудут и ветер изменится в нашу сторону, то, возможно и раньше.

Киммериец глядел, как на небе разгораются звезды. Ему вдруг вспомнилось, что такое

же ясное небо было там, в пустыне. Тогда рядом с ним была Акила…

«Где-то она сейчас? — подумал он, — Может быть, так же, как я, плывет на каком-нибудь корабле к себе на север и тоже смотрит на звездное небо».

От волнующего воспоминания усталость от прошедшей битвы как рукой сняло, он уже не сожалел о потерях в отряде — в конце концов, на Серые Равнины неизбежно отправятся все, кто ныне живет на земле, — да и вообще настроился на более веселый лад.

— Давай-ка еще бочонок приговорим, — предложил он капитану, — надо воздать жертву богам за то, что мы остались живы.

— Уговорил, — с готовностью согласился Саудан; ему и самому не терпелось промочить горло кружкой-другой хорошего вина.

* * *

С ветерком повезло, и через день, ближе к вечеру, «Утренняя звезда» уже входила в гавань Султанапура. Город взбегал вверх по холмам, как бы обнимая большую удобную бухту, прикрывавшую от ветра стоявшие в порту корабли. Под косыми лучами склоняющегося к закату солнца весело блестели разноцветные купола храмов, верхушки башен, яркие черепичные крыши домов, зеленеющие свежей весенней листвой сады — в общем, город казался приветливым и уютным.

Саудан уверенно провел свое судно сквозь строй мелких лодок и баркасов, возвращавшихся в город с уловом рыбы и разных морских гадов, и пришвартовал его к дальнему пирсу, где, как он знал, находились мастерские корабельных плотников. На «Утреннюю звезду» тут же явилась портовая стража. Пришлось раскошелиться, да еще и бочонок вина поставить, чтобы не очень придирчиво интересовались, что везешь, да кто с тобой плывет; но это дело привычное для капитанов в любом порту благословенного Турана.

Под завистливые вздохи тех, кто оставался на вахте, счастливчики собирались на берег, заранее предвкушая добрую пирушку в каком-нибудь кабачке. Киммериец решил остаться на «Утренней звезде» до сумерек, когда ему будет легче не привлечь к себе внимания, потому что никакая одежда не в силах скрыть его гигантский рост и могучую фигуру. Как знать, а вдруг найдется какой-нибудь чересчур памятливый ублюдок, который вспомнит бывшего капитана туранской армии Конана.

— Бахтар, — напутствовал варвар своего солдата, — гулять гуляй, но не забывай о деле. Попробуй подыскать еще кого-нибудь к нам в отряд. Пусть Герард тебе поможет, он в этом деле разбирается.

— Будь спокоен, сделаем! — помахал рукой Бахтар, прямо-таки приплясывающий на месте от нетерпения.

— Где вы будете? Я, может быть, подойду попозже.

— Наверное, в «Самарре» или у Абдулатипа в «Ильбарском драконе», там, за ослиным рынком. Найдешь?

— Конечно, конечно, — кивнул Конан, с юности прекрасно знавший Султанапур.

Матросы веселой гурьбой скатились по трапу на пирс и, окруженные местными мальчишками и хватающими за рукав торговцами, направились к вожделенному и манящему

берегу. Один Герард, казалось, не особенно радовался предстоящему отдыху на суше. Он пристально взглянул на киммерийца, словно не надеясь увидеть его больше, и направился вслед за остальными спокойной и размеренной походкой, помахивая небольшим кожаным мешочком, который он держал в правой руке.

«Что-то с ним неладное, клянусь Кромом! — уже в который раз сказал себе Конан. — Если бы понять что…»

Не найдя, однако, ответа на тревожащий его вопрос, варвар, поглядев на удалявшихся моряков, спустился к себе в каюту.

Глава вторая

Когда на город спустились сумерки, Конан, запахнув поплотнее плащ, тоже сошел на берег. Выйдя через портовые ворота на широкую площадь, где последние торговцы рыбой сворачивали свои палатки и убирали длинные деревянные столы, он поднялся по кривой улочке к большому красивому храму Эрлика, который, возвышаясь над бухтой, затмевал своим великолепием все теснившиеся вокруг здания.

Варвар огляделся, как бы вспоминая дорогу, но потом решительно повернул направо и быстрой походкой направился по обсаженной рядами могучих старых чинар улице вниз, в сторону ослиного рынка. Народу ему навстречу попалось немного: большинство горожан уже вернулись домой, а остальные заполнили залы таверн и кабачков, чьи фонари зазывно горели, приглашая зайти и приятно провести время. Миновав еще две-три улочки, киммериец свернул налево и зашагал к калитке в глинобитной ограде.

Едва он успел открыть калитку, как под ноги ему с лаем бросилась кудлатая собачонка. Она вертелась у него под ногами, не решаясь, однако, укусить, но и не отставала от него, пока он шел к дому.

Дверь открылась, на пороге появилась женщина. Свет, проникавший сквозь дверной проем, обрисовывал ее формы под тонкой тканью платья, и она — с узенькой талией, покатыми бедрами и длинными стройными ногами — казалась похожей на изящную аргосскую вазу.

— Черныш! Хватит тебе! — прикрикнула она на собаку.

Потом вгляделась в приближавшегося к ней человека и, пошатнувшись, оперлась рукой о дверной косяк.

— Не может быть! Ка… капитан Конан!

— Ну, какой я теперь капитан, малышка, — заключая ее в объятия, пророкотал варвар.

Женщина обмякла в его руках, не в силах даже пошевелиться.

— Давненько мы с тобой не виделись, — целуя ее в сочные полные губы, шепнул Конан.

Женщина ответила на поцелуй с большей страстью, чем он мог ожидать. Обхватив его шею гибкими теплыми руками, она долго не отрывалась от его губ, словно опасаясь, что киммериец — наваждение, которое тут же исчезнет, если его выпустить из объятий. Пряный аромат ее густых волос кружил Конану голову.

— Тамина, — он подхватил ее на руки и внес в дом, — дай посмотреть на тебя, девочка!

Он усадил ее на кушетку и отошел на пару шагов.

Девочка! Действительно, когда они виделись в последний раз, она была совсем еще девочкой с только что оформившейся фигуркой. Сколько лет прошло с той поры? Восемъ?.. Девять?..

Конан тогда понял, что Тамина влюбилась в него, влюбилась со всей своей полудетской непосредственностью. Киммериец сделал вид, что не заметил ее чувства — не в его правилах было обмануть эту доверчивую девушку, почти ребенка. Он ведь прекрасно знал, что не сможет связать свою жизнь с каким-то одним городом, с какой-то одной подругой.

Но сейчас! Как она красива, эта молодая женщина с изящными и совершенными формами… Точеная шея, лицо, словно из-под резца скульптора, и неотрывно глядящие на него прекрасные черные глаза…

Взгляд был уже не таким, как раньше, но в его глубине Конан снова видел те золотистые искорки, которые вспыхивали всякий раз, когда маленькая девочка украдкой смотрела на него. Варвар сел рядом с ней, и они, держась за руки, неотрывно глядели друг на друга, не говоря ни слова.

— Расскажи про себя, как ты жила эти годы, как твой отец? — попросил Конан, отпустив, наконец, ее руки и гладя пальцами волосы Тамины, словно пытаясь утешить ее.

— Что рассказывать? — с легкой грустью ответила Тамина, на мгновение опустив глаза и покачав головой. — Все было. Но моя жизнь по сравнению с твоей — это полный штиль, тогда как твоя — ураган. Наверное, для тебя в ней нет ничего интересного. Я иногда пыталась проникнуть в пространство и нащупать твои следы, но тебя всегда окружало столько жизненных вихрей, что узнать можно было только одно — жив ты или нет, далеко или близко, а остальное все было закрыто, как шелковичный кокон, нити которого мое несовершенное чародейство распутать не в силах.

— А отец? Он же большой маг! — изумился варвар.

— Отец научил меня многому, но он уже несколько лет серьезно болен, к тому же он очень стар и слеп, как ты знаешь. Он очень тебе обрадуется.

Киммериец обнял Тамину и, легонько раскачиваясь вместе с ней, уткнулся носом в нежную шею, вдыхая аромат ее тела. Непонятно почему, но он чувствовал себя виноватым перед ней, и хотя для этого не было оснований — он ни в чем не мог себя упрекнуть, — однако это чувство, смешанное с неясным сожалением, не проходило.

— Постой, — он взял в ладони ее лицо и отстранил от себя, пристально глядя ей в глаза, — чародейка, это ты сделала?

— Дурачок, — засмеялась она, вновь обнимая его, — это в тебе говорит твоя совесть.

— Совесть? — напряженно повторил Конан, силясь понять, шутит она или нет, но, взглянув на девушку, рассмеялся сам и покрыл поцелуями ее лоб, и щеки, и глаза, и нос, и долго-долго не мог оторваться от жарких манящих губ.

— Совсем задушил, варвар! — Она отстранилась от него, ловя воздух ртом и не сводя с него влюбленных глаз. — Пойдем к отцу, он будет очень тебе рад. Остальное потом. — Она посмотрела на него взглядом, от которого тело киммерийца окатила горячая волна.

* * *

Старый чародей поднял голову, направив на киммерийца невидящий взгляд покрытых бельмами глаз.

— Конан! Рад, что ты вновь пришел ко мне. — Он указал на подушки рядом с собой: — Садись, поговорим. Уже столько лет прошло…

— Как ты узнал, что это я?

— Что ж ты думаешь, старый маг уже ничего и не может? — Кушад легко, почти не касаясь кожи, провел своими пальцами по лицу варвара. — Жизнь оставляет на людях свои отметки. Рассказывай.

Тамина, грациозно и плавно порхая вокруг, застелила стол белой хрустящей скатертью, поставила блюда с мясом, копченой лососиной, сушеными финиками и изюмом, принесла покрытый витиеватым узором старинный серебряный кувшин с вином и, вновь сверкнув на Конана обещающим взглядом, удалилась, оставив мужчин одних.

Они встречались очень давно, и им было, что рассказать друг другу. Много лет назад, когда они виделись в последний раз, старый чародей помог бежавшему из Аграпура Конану золотом и добрым советом.

Беседовали они неторопливо и обстоятельно, больше рассказывал варвар, а Кушад внимательно слушал, кивая головой с венчиком редких седых волос. Изредка он наливал себе вина, чтобы запить им фрукты, которые он брал своими старческими руками с высохшей, как пергамент, желтоватой кожей.

Конан, напротив, отдал должное стоявшим перед ними яствам, обильно сдабривая их отличным аргосским нектаром. Он соскучился и по хорошему вину — на корабле у Саудана винцо было так себе, и по умному собеседнику, а тем более старому и преданному другу. Иногда Тамина заходила к ним, чтобы принести новое блюдо или наполнить кувшин вином, но не задерживалась и, в очередной раз, одарив киммерийца пылающим взором, вновь исчезала.

Долго продолжалась беседа со старым чародеем, и Конан, который всегда сторонился всяческой волшбы, чувствовал себя с ним уютно и спокойно. Под конец разговора старец спросил варвара:

— Тебя ничего не беспокоит в последнее время, не чувствуешь ли ты какого-то неразрешимого вопроса

— Да, но как ты это узнал?

— Это не так сложно, когда ты рядом. А вот на расстоянии это мне уже не под силу, — покачав головой, ответил Кушад. — Видно, мой час уже близок… И колдунам не дарована вечная жизнь.

Он помолчал несколько мгновений и продолжил:

— Но дело не во мне. Чувствую, что вокруг тебя закручивается какая-то магическая сила… какой-то человек… — Он остановился, пожевал губами, потом добавил: — Женщина, скорее всего…

— Да! — воскликнул варвар. — Я был недавно с женщиной, и закончилась наша встреча довольно странно.

— Это еще не все. — Чародей провел руками вокруг головы Конана. — Она продолжительное время находится рядом с тобой, но кто она и что от тебя хочет, мне неведомо. Расскажи подробнее про последние дни, не упускай ни одной мелочи.

Киммериец пересказал Кушаду все, что, по его мнению, имело важность для мага, не

забыв и бурю, и женщину в белом, и странное поведение этого юноши, Герарда, которое не давало ему покоя.

— Далеко, далеко… — бормотал старец, ощупывая руками костяную пластину с вырезанными на ней человеческими фигурками. — Одно могу сказать: сейчас она тебя отпустит, но не забудет, и ты с ней еще повстречаешься. Берегись ее. Она не хочет тебе зла, ты просто нужен ей как мужчина, но это может повлечь за собой большие неприятности для тебя.

— Кто же она? — воскликнул Конан.

— Этого я не могу разобрать, — вздохнул старый чародей. — Очень сильно закручены магические вихри… Но вот что я тебе скажу; постоянно будь начеку!

— Спасибо тебе. Ты уже в который раз мне помогаешь. Я всегда буду помнить об этом. — Варвар пожал сухие пальцы старика.

— Береги себя, — повторил старец, подняв голову, как будто пытаясь увидеть киммерийца. — Спасибо, что навестил меня. А теперь тебе пора. Прощай.

Глава третья

— Здесь тебе понравится, господин. — Хозяин постоялого двора открыл дверь в небольшую комнатку на втором этаже.

Помещение и в самом деле было неплохое — светлые стены, большое окно, выходящее в тенистый двор, старая деревянная кровать с балдахином, высокий кованый сундук, над которым висело круглое зеркало, и два стула с плетенными из тростника спинками. В углу на трехногом столике стояли бронзовый кувшин, чаша для умывания и масляная лампа. Все было довольно чистое и крепкое на вид.

— Хорошо, можешь идти, — Герард положил на стул свой мешочек и протянул хозяину несколько серебряных монет. — Я пробуду у тебя два дня.

— Если тебе нужно будет поесть, — хозяин запнулся, пробуя монету на зуб, — спустишься вниз — там у нас небольшая харчевня. Мы всегда рады хорошим гостям. — Кланяясь, он вышел за дверь.

Герард прошелся по комнате, выглянул в окно, закрыл его, задернул занавеску, вернулся к двери, запер ее на задвижку. Потом он вытащил из кожаного мешка, лежавшего на стуле, небольшой ларец черного дерева. Сняв с шеи маленький ключик, он отомкнул ларец и вынул оттуда несколько флакончиков, наполненных разноцветными жидкостями, пиалы, длинный гребень из слоновой кости и какие-то продолговатые полированные камни. Разложив содержимое ларца на крышке сундука, он скинул с себя одежду и бросил ее на кровать, потом взял флакончик побольше и, слегка поморщившись, отпил несколько глотков. Подождав некоторое время, он взял другой сосуд, накапал снадобья себе на ладонь и, обмакивая в жидкость указательный палец, провел несколько линий на лбу, груди, вдоль живота. Потом он брызнул на себя из третьего флакона и замер, выставив вперед руки с поднятыми вверх ладонями, как будто что-то хотел оттолкнуть от себя.

Внезапно его отражение в зеркале начало стремительно изменяться, лицо стало более

тонким и нежным, линии тела приобрели мягкость и округлость, волосы стали длинными, почти до пояса.

Еще несколько мгновений — и вместо худощавого юноши перед зеркалом стояла прекрасная обнаженная женщина, придирчиво оглядывающая свое тело. Легкими движениями ладоней она гладила свои груди, живот и бедра, и ее лицо с пронзительными черными глазами выражало несказанное блаженство.

На кровати вместо небрежно брошенных измятых несвежих рубашек, кожаной безрукавки и шаровар непонятного цвета появились короткое платье, шаровары, накидка и бурнус. Вся одежда была снежно-белого цвета, как будто только что от прачки.

Сбросив ненавистное мужское обличие, Гермия словно избавилась от оков. До чего же ей надоело жить среди этих грубых мужланов в трюме «Утренней звезды»! Желание обрести свой облик было так велико, что она не утерпела и позволила себе на некоторое время снова стать женщиной в ту страшную бурю, когда вся эта мерзкая солдатня, либо молилась богам, либо тупо дремала, надеясь таким образом переждать буйство стихии. Никто ее не заметил, даже Конан. Конан! Вот кого она жаждала видеть каждое мгновение!

Гермия присела на край кровати и, расчесывая свои длинные густые волосы, погрузилась в воспоминания о том, как ей удалось увлечь киммерийца там, на берегу реки. Никогда еще она не испытывала большего наслаждения с мужчиной! Если бы только она могла быть рядом с ним, но, разумеется, не в обличье этого рубаки Герарда, а настоящей женщиной, которую он любил бы, как тогда…

Колдунья поежилась — давал о себе знать вечерний холодок. Она накинула на себя одежду и, присев около сундука, принялась сливать в широкое плоское блюдо жидкости из разных флаконов. Смесь шипела и пузырилась, меняла цвет, а Гермия все колдовала и колдовала, пока на блюде не образовалась, наконец, мазь голубоватого цвета.

Женщина потерла ею висевшее перед ней зеркало и прошептала несколько магических заклинаний. Поверхность зеркала покрылась рябью, потом потускнела, оно как бы вдавилось внутрь стены, приняв форму вогнутой чаши, и в глубине его возникло мутное изображение корабля, охваченного пламенем. Фигура дракона на носу обуглилась и покорежилась.

— Так я и знала — скрипнула зубами колдунья. — Этой посудине осталось существовать недолго. Придется использовать другой путь…

Гермия нараспев произнесла еще несколько слов, и картинка в зеркале стала тускнеть и уменьшаться и вскоре исчезла совсем. На ее месте возникла другая: два рослых воина собирались, по-видимому, в дальний путь. Они надели на себя перевязи для мечей и, проверив клинки, вложили оружие в ножны. За пояс заткнули несколько кинжалов, за спиной закрепили луки и колчаны со стрелами.

Колдунья шепнула еще пару заклинаний, фигурки воинов увеличились, и стало видно, что это две женщины, сильные, как гладиаторы. Могучие мышцы, однако, не уродовали их тел, а только подчеркивали их красоту. Лица воительниц, обрамленные густыми светлыми волосами, спадающими на плечи, были красивы и решительны, как у бойцов перед схваткой. Одна из женщин обернулась назад и подозвала к себе кого-то. Гермия сделала несколько округлых движений перед зеркалом, и там появился какой-то дворик, где конюхи седлали лошадей и навьючивали поклажу на мулов.

— Вот вы-то мне и нужны! — Глаза колдуньи загорелись, она быстро собрала свои принадлежности в ларец, опустила его в кожаный мешочек, затем, взмахнув рукой, вернула

зеркало в прежнее состояние и, поглядев через щель двери, осторожно выскользнула из комнаты.

Неслышными шагами она спустилась по лестнице, миновала пустой коридорчик внизу и вышла на улицу. Оглянувшись по сторонам, Гермия устремилась вперед по пустынной улице.

Она не знала точно, куда идет, но сила вела ее в нужном направлении, она уверенно находила в сплетении улиц нужные повороты и перекрестки. На ней не было накидки, скрывающей лицо, и пару раз подгулявшие матросы пытались пристать к ней, но она небрежно отмахивалась от них и твердо продолжала свой путь.

Вот перед ней показалась цель ее путешествия — небольшая гостиница на окраине города. Она уже видела закрытые ворота дворика, причем точно знала, что ей надо именно туда.

— Не спеши так, красотка! — раздался совсем рядом чей-то голос.

Гермия, не оглядываясь, прошла мимо кривого проулка, в глубине которого стояли, впившись в нее глазами, трое вооруженных людей.

— Стой, я тебе говорю! Вот сучка, ты что, не слышишь? — Подбежавший к ней подвыпивший человек — видимо, чей-то охранник, судя по оружию, которым он был обвешан, — схватил ее за локоть. — Давай прогуляемся, ты мне подходишь, — развязно предложил он, крепко вцепившись в рукав ее платья.

— Отстань, ублюдок! — Гермия смерила нахала презрительным взглядом.

— Ха, гляди-ка, Вархид, эта шлюшка еще сопротивляется! — Человек цокнул языком, подзывая своих приятелей.

— Да? — удивился один из них. — Сейчас мы ее выучим, как обращаться с настоящими мужчинами.

Молниеносно извернувшись, как змея, колдунья левой рукой так хватила по уху назойливого охранника, что бедолага осел на землю, даже не сообразив, что произошло.

— Ах, ты так! — Его приятель сдернул с пояса плеть. — Хаммад, лови ее, сейчас я ей покажу…

* * *

— Ну вот, пожалуй, и все! — Акила поправила перевязь, на которой висел внушительных размеров прямой меч. — Паина, мы можем выезжать.

— Да, уже смеркается, самое время, — ответила ее подруга и, подозвав к себе вошедшего караванщика, спросила: — Все готово?

— Еще немного, госпожа, лошади уже оседланы, осталось погрузить пару вьюков, и можем отправляться.

— Поторопись, — вмешалась Акила, — нам надо выйти из города еще до ночи.

— Иду, госпожа! — Караванщик, повернувшись на каблуках щеголеватых хауранских сапог, вышел из комнаты и поспешил во двор.

— Ленивое туранское племя! — выругалась Паина, когда дверь за ним закрылась.

— Они все такие, что поделаешь, — вздохнула Акила.

Подруги с трудом наняли караванщиков, согласившихся пройти с ними через пустыню и

степь к северному берегу моря Вилайет. Правда, и цену те запросили немалую, но дело того стоило. В тюках, которыми был навьючен десяток смирных и равнодушных ко всему мулов, находилось оружие. Акила рассчитывала уже летом собрать своих сторонниц и начать борьбу со своей сестрой Бризейс за трон Страны амазонок.

Когда они очутились в Султанапуре, Акила случайно встретила там одну из своих соплеменниц — амазонки иногда приходили в Туран договориться о поставках оружия или купить какой-нибудь товар, которого не было у них в стране. Эта женщина рассказала ей, как обстоят там дела, как воительницы стонут от правления Бризейс, и, самое главное, с готовностью согласилась сообщить тем, на кого можно было рассчитывать, что Акила скоро появится. Теперь, когда она прислала гонца с сообщением, что ее ждут, можно было выступать, чтобы, как надеялась Акила, сбросить с трона эту мерзавку, свою вероломную сестрицу.

Можно было, конечно, нанять корабль, но это обошлось бы еще дороже, тем более что дальше все равно пришлось бы идти по суше. Так лучше уж сразу везти все караваном — так решили они с Паиной, ее единственной оставшейся в живых подругой.

Женщины спустились вниз, где их ожидали закончившие, наконец, погрузку караванщики. Акила уже приготовилась дать команду выезжать, как вдруг с улицы донеслись крики, звон оружия и какой-то шум. Приоткрыв створку ворот, Акила выглянула наружу. То, что она увидела, было лучше самого веселого представления, которое ей приходилось когда-либо видеть.

— Ты посмотри, Паина! — подозвала она подругу.

На площади перед постоялым двором двое мужчин пытались поймать молодую женщину в белом платье.

— Лови ее, Хаммад! Экая сучка! — Краснорожий широкоплечий здоровяк со всего размаху опустил плеть на спину женщины.

Акила, хотя и привыкла ко многому, на мгновение зажмурила глаза, ожидая услышать треск разрываемой кожи и отчаянный крик боли, но женщина непостижимым образом уклонилась в сторону. Мелькнула в воздухе узкая ладонь, и здоровяк с воем схватился за лицо, мигом окрасившееся кровью.

— Вот это да! — Акила не могла отвести глаз от происходящего.

— Ну, ты у меня сейчас получишь, мерзавка! — Его товарищ выхватил узкую кривую саблю и бросился на женщину. — Я из тебя шашлык сделаю! — заорал он, взмахивая клинком.

Женщина в белом в мгновение ока оказалась вдруг сзади мужчины и обрушила на его затылок удар сомкнутых замком рук. Хаммад, как называл его приятель, рухнул на колени и, качнувшись, ткнулся лицом в мостовую.

Женщина выпрямилась. И в это время, откуда ни возьмись, появился третий мужчина, которого Акила до этого не видела. Держа обеими руками широкий ятаган, он намеревался ударить свою противницу сзади.

Акила, тут же сообразив, что не успеет предупредить незнакомку, одним прыжком одолела расстояние до нападавшего мужчины и, развернув его на себя, мощным толчком швырнула на стену. Теперь все трое приятелей мирно отдыхали на земле.

— Спасибо за помощь. — Женщина поклонилась Акиле, не спуская с нее темных глаз, в которых горело возбуждение от только что закончившейся схватки.

В это время охранник с плетью попытался встать на ноги, но Акила ударом ноги вновь

опрокинула его наземь.

— Кто тебя научил этому? — спросила она.

Незнакомка откинула назад густые темные волосы и ответила:

— Моя мать. Это она показала мне, как нужно отбиваться от похотливых двуногих тварей, которых я ненавижу.

Акила и Паина переглянулись.

— Куда ты идешь? — спросила Паина.

— Не знаю. Мой дом сгорел… Теперь у меня ничего нет…

Акила и Паина переглянулись еще раз. Они и без слов прекрасно понимали друг друга.

— Поедем с нами. Я чувствую, что мы будем полезны друг другу, — предложила Акила.

Женщина кивнула. Было, похоже, что ей все равно, куда направляться.

— Верхом умеешь?

— Да.

— Дайте ей коня, посмотрим, — кивнула Акила караванщику.

Подвели вороного жеребца. Женщина, чуть тронув носком стремя, взлетела вверх и замерла в седле, словно изваяние.

Акила и Паина переглянулись в третий раз. В их взглядах читалось искреннее восхищение.

— Тогда отправляемся, — бросила караванщикам Акила. — В дороге и поговорим, — повернулась она к своей новой спутнице. — И из оружия что-нибудь подберем.

Та наклонила голову в знак согласия, и караван потянулся из ворот постоялого двора, держа путь к Северным воротам Султанапура.

Глава четвертая

Варвар еще раз поклонился Кушаду — так, будто тот мог его видеть, и вышел из комнаты старика, аккуратно прикрыв за собой дверь. В тот же момент в прихожую вышла Тамина — она словно ожидала его появления.

— Пойдем, — приложив к губам палец, тихо промолвила женщина, беря киммерийца за руку.

Они вошли в ее комнату и, так и не расцепив рук, остановились, с нежностью глядя друг на друга. Конан испытывал некоторое смущение, которое никак не мог себе объяснить. Это было совсем ему несвойственно, но он просто смотрел на стоявшую перед ним Тамину, ничего не предпринимая, не пытаясь даже притронуться к ней.

— Мой капитан, — певуче прошептала она, — прошло столько времени, и я уже не маленькая девочка. Чего же ты ждешь?

Она отошла в угол комнаты, где рядом с ее ложем висело большое зеркало в серебряной оправе, и, не глядя на Конана, стала медленно расстегивать на плечах пряжки, на которых держалось ее платье. Лямки упали вниз, обнажив совершенной формы грудь, похожую на две мраморные пиалы. Перламутрово-розовые соски вызывающе и маняще набухли. Тамина гибко повела бедрами, и платье соскользнуло, оставив ее совершенно нагой. Не помня себя,

Конан бросился к ней, подхватил на руки и покрыл ее всю поцелуями — от маленьких, прелестной формы ушей, до изящных ноготков на пальцах ног. Никогда он не испытывал к женщине столь нежного и одновременно почти братского чувства, Это чувство было для него ново. В его душе вдруг проснулось то, о чем он даже не подозревал.

Он бережно уложил ее на белый покров ложа и, в два приема сорвав с себя одежду, как подрубленный, рухнул с ней рядом, не в силах сдержать бившее через край желание. Тамина обнимала его, прижималась губами к шрамам на его лице и теле, орошая их слезами счастья, которого она ждала так долго, что уже боялась, что она его просто придумала. Но все оказалось так хорошо, так невыразимо прекрасно, и это не могло произойти по-другому.

Конечно, в ее жизни были мужчины, и немало, но воплощение ее полудетской мечты о Конане возбудило в них обоих такой прилив чувств, что они пришли в себя только тогда, когда лучи солнца заглянули в маленькое оконце ее спальни.

— Может быть, мне бросить все и остаться здесь с тобой навсегда? — Конан не мог оторвать взгляда от прекрасного тела женщины, чуть порозовевшего от утреннего света.

— Да разве можешь ты задержаться на одном месте? — тихо засмеялась женщина, глядя на варвара немножко усталыми, но счастливыми глазами.

— А что, могу стать начальником стражи или вот купцом, например, — сказал киммериец, однако не очень уверенно, потому что в глубине души сам понимал неосуществимость того, о чем он говорил.

— Может быть, где-то и сможешь, но не здесь, в Туране. Ты ведь уже пробовал, помнишь?

— С тобой все забудешь, — со вздохом улыбнулся киммериец.

Он, к сожалению, хорошо помнил, чем закончилась его служба в туранской армии.

— Нет, мой капитан, — с еле уловимой печалью в голосе сказала Тамина, легко касаясь пальцами прядей его разметавшихся по плечам черных волос. — Нет, тебе уготована другая судьба. Не будем перечить воле богов и возблагодарим их за то, что мы с тобой все-таки встретились. А теперь я попробую узнать, что ждет тебя впереди. — Она грациозно, как газель, соскочила с ложа и направилась к небольшому алтарю, стоящему в глубине комнаты. Киммериец не мог оторвать глаз от ее стройного гибкого тела.

Тамина зажгла маленькую лампаду, слабый огонек которой был почти невидим при ярком свете наступившего утра, посыпала розоватым порошком серебряную полированную пластину и поднесла ее к пламени. Варвар, заинтересовавшись ее манипуляциями, подошел и встал рядом.

— Садись вот сюда, — указала ему Тамина на маленький пуфик.

Конан повиновался. Тамина натерла ему виски чем-то пахучим и свежим, отчего у него слегка закружилась голова.

— Арсайя, из Вендии, — объяснила Тамина, производя плавные движения ладонями, как бы обволакивая его голову. — Тебе не мешает малость освежить память последних дней.

Она продолжала плавно водить ладонями, и в глазах киммерийца все поплыло, предметы стали терять свои очертания. Единственное, что он видел отчетливо, так это серебряную пластину, которую Тамина, держа прямо перед ним обеими руками, подносила все ближе и ближе к его лицу.

Неожиданно перед глазами киммерийца вспыхнул яркий синеватый огонь, будто сполох в темном предгрозовом небе, и он перестал что-либо ощущать. Он не мог сказать, сколько времени прошло, прежде чем он снова сумел собраться с мыслями и ясно различать

предметы. Тамина, уже одетая, сидела рядом с ним. Когда женщина увидела, что варвар очнулся, она поднесла к его носу небольшой хрустальный флакончик. Резкий неприятный запах вернул его в нормальное состояние, он зачихал, затряс головой.

— Вот что я могу тебе сказать, — начала Тамина, взяв его за руку. — В ближайшее время старайся быть особенно осторожным тогда, когда ощутишь что-то непонятное для тебя, когда тебе будет казаться странным чье-то поведение или чей-то облик. Вокруг тебя сплетаются сейчас магические силы, и ты должен, по возможности, избегать тесного соприкосновения со всем неясным, иначе возникнет серьезная опасность для твоей жизни.

— Спасибо за заботу, — варвар погладил ее по волосам, — я буду стараться действовать, как ты сказала, но опасности меня не пугают. Они сопровождают меня всюду, — усмехнулся он, — такова моя судьба, предначертанная кем-то свыше. В любом случае, я благодарен тебе за все. Кстати, твой отец уже предупреждал меня о грозящей мне опасности.

— Возьми эту вещицу и постарайся всегда держать ее при себе. — Тамина надела ему на шею тонкий шнурок из сыромятной кожи, к которому был прикреплен маленький мышиный череп со вставленными в глазницы двумя полосатыми камешками.

Киммериец положил череп на ладонь, рассматривая талисман.

— Он поможет тебе в опасности. Мы с отцом навели заклятие на эти камешки, чтобы они уменьшили влияние враждебных для тебя сил.

Прощаясь с Таминой, Конан на короткий миг ощутил себя щепкой, вихрем кружащейся в водовороте жизни, но не в его правилах было долго сожалеть о том, что случилось и чего не случилось, и что могло бы случиться, если бы… Он в последний раз нежно поцеловал женщину и, не оглядываясь, пересек маленький дворик и вышел на еще пустынную улицу.

* * *

Когда варвар добрался до причала, на «Утренней звезде» уже вовсю кипела работа. Портовые плотники вместе с матросами Саудана, облепили нос корабля как муравьи. Фигура дракона лежала на палубе, и мастер, ловко орудуя топором, вырубал в ее основании пазы для нового крепления. Стук топоров, крики и топот множества людей, занятых своим делом, — вся эта рабочая суета напомнила варвару, что пора бы и ему заняться своими прямыми обязанностями, как-никак он был командиром отряда, охраняющего «Утреннюю звезду».

— Привет! — Саудан спустился с мостика, откуда он наблюдал за починкой, и направился к Конану, который, пройдя по шаткому трапу, спрыгнул на палубу.

— Привет! Как наши дела?

— Обещают управиться за пару дней, — довольный происходящим, сообщил ему капитан.

— Тогда и мне надо поторопиться. — Киммериец оглянулся вокруг, ища глазами кого-нибудь из своих солдат.

— Не найдешь, — проследил за его взглядом Саудан, — ты же знаешь своих — если загуляют, то надолго.

— Копыта Нергала! — выругался варвар. — Я ведь наказал Бахтару и Герарду подобрать мне пополнение для отряда. Нам так нужны новые люди!..

— Вот они и подбирают, — захохотал капитан, — в теплых постелях портовых шлюх, клянусь Эрликом! Я своих собрал с раннего утра, так для этого мне пришлось самому пройтись по всем кабакам. Тебе, я думаю, придется сделать то же самое.

Он долго смеялся, представляя, видно, во всех деталях предстоящую Конану прогулку, а затем, вытирая выступившие на глаза слезы, предложил:

— Иди сначала перекуси, повар ждет тебя внизу, а потом присмотришь здесь за работой, а я схожу еще раз, попытаюсь разыскать твоих вояк. Маршрут-то мне, как-никак, уже известен!

Киммериец только сейчас ощутил, что зверски голоден, поэтому предложение капитана пришлось ему по душе. Он прошел на корму и, обойдя надстройку, вошел в пропахшее пряностями помещение, где толковый улыбчивый корабельный повар до отвала накормил его горячими бобами с бараниной. Сдобрив завтрак хорошим кувшином вина, варвар вернулся на палубу, ковыряя в зубах острием своего кинжала.

— Ты был прав, — поблагодарил он Саудана, — хорошая еда всегда ко времени.

— Проследи за этими бездельниками, чтобы они передний брус закрепили, как следует, — наставлял его Саудан, собираясь уходить, — им-то что, а плавать на этой посудине нам.

Капитан в сопровождении двух матросов отправился в Султанапур, а варвар, опершись спиной о мачту, остался наблюдать за плотниками. Он смотрел на снующих туда-сюда людей, а сам никак не мог отвлечься от мрачных мыслей, которые преследовали его последнее время, а после разговоров с Кушадом и Таминой завладели им еще сильнее.

«С чего это вдруг вокруг меня закручивается волшба? Вроде бы я сейчас никому не мешаю. Я не втянут ни в какие дворцовые интриги, ни в междоусобную борьбу… Спокойно плыву себе на север, всего-то делов! Попадаются, правда, пираты, и тут не избежать, чтобы чья-нибудь голова не скатилась с плеч, но это же нормальная жизнь, клянусь брюхом Крома, при чем здесь колдовство?»

Он почесал затылок, словно это могло помочь ему разрешить сложную задачу, но, поразмыслив еще чуток, решил не брать дурного в голову.

«Чему быть, того не миновать, Нергал мне в задницу, чтобы я ломал над этим голову, — решил он. — Поживем — увидим».

Он вытащил из-под рубахи подаренной Таминой мышиный череп и внимательно его осмотрел.

«Кром! — усмехнулся он. — Может быть, эта штучка действительно окажется полезной. Все-таки женщины… те, которые хорошо ко мне относились… не раз умудрялись мне помочь».

Он вспомнил далекое время, когда он был еще юношей… Тогда подаренный любящей женщиной талисман помог ему выпутаться из большой беды. Проклятый колдун чуть не превратил его — на пару с верным приятелем Нинусом — в глиняного болванчика, и если бы Денияра не повязала ему на лоб заколдованную ленту, стоять бы ему сейчас на деревянной полке рядом с фигурками других таких же неудачников. Денияра! Приятные и сладостные воспоминания охватили его. Хорошее было времечко! А какие женщины! И сама Денияра, и три ее служанки! Да и после было о чем вспомнить!

От приятных мыслей его оторвал голос Саудана:

— Принимай, командир!

Киммериец перевел взгляд на причал. Капитан в сопровождении пятерых его солдат

поднимался по трапу. Конан взглянул на прибывших и присвистнул:

— Моча черного верблюда! Вас стало еще меньше, чем было! А где остальные

— Одного зарезали, двоих надо выкупить — они подрались со стражниками, а твоего приятеля Герарда вообще след простыл, — хмуро доложил ему Бахтар, еще окончательно не протрезвевший после вчерашней гулянки в портовой таверне.

— Выкупить? — Киммериец нахмурился. — И сколько монет просят эти ублюдки?

— По пять монет за каждого.

— Что думаешь? — поинтересовался Саудан. — Я решил спросить тебя, прежде чем раскошелиться.

— Что тут думать? Надо выручать своих, тем более что бойцы они отменные, — ответил киммериец. — А куда делся Герард? — спросил он у Бахтара.

— Я попытался кое-что разузнать, — ответил за него Саудан. — Сам понимаешь: если долго плаваешь по морю, то в каждом порту есть знакомые. Так вот, похожего на него юношу видели в гостинице, что за храмом Эрлика.

«Совсем рядом с домом Кушада», — непроизвольно отметил про себя варвар.

— Мы пошли туда, — продолжал Саудан. — Хозяин все подтвердил, даже показал нам комнату, которую дал этому парню, но там никого не оказалось. Исчез, словно испарился!

— Чудеса! — Киммериец на мгновение задумался. — Нергал с ним, искать не будем, хоть и жаль терять такого бойца. Тем более что и тебе прямая экономия, — захохотал он, хлопая капитана по плечу, — плату ведь он не получил!

«Может быть, это исчезновение и к лучшему, — подумал он, — ведь Тамина да и Кушад тоже говорили, чтобы я сторонился всего подозрительного. А в Герарде мне постоянно чудилось что-то странное».

— Тогда выкупи этих двоих, — попросил он Саудана, — да подбери еще хотя бы с десяток человек. Оружия-то у нас хватит и на сорок вояк, так что не обессудь: придется твоих матросов погонять, пусть на всякий случай будут готовы.

Такая перспектива вполне устраивала Саудана — все-таки меньше расходов. А в том, что киммериец может даже бревно обучить кое-каким приемам военного искусства, капитан ничуть не сомневался. Повезло ему с этим варваром, ничего не скажешь!

— Пошли, — коротко бросил Саудан Бахтару, и они, спустившись на причал, направились к выходу из порта.

Глава пятая

— А теперь расскажи о себе. — Акила обернулась к Гермии, ехавшей чуть позади.

После короткой остановки на ночлег караван, вытянувшись вдоль пустынного берега, продолжил свой путь на север. Впереди на мохнатых низкорослых конях ехали трое гирканских наемников, за ними плелись двенадцать навьюченных поклажей мулов, рядом с которыми шли караванщики. Замыкали шествие три женщины — Акила, Паина и Гермия.

Акила наняла гирканцев не столько для того, чтобы отбиваться от бандитов, сколько для выяснения отношений с местными сатрапами, хоть и подчиняющимися Турку, но, тем не

менее, являющимися полновластными хозяевами на своих землях.

Амазонка здраво рассудила, что присутствие в их караване гирканцев поможет им избежать лишних осложнений с караулами и дозорными отрядами, а с бандитами, если таковые появятся, они разберутся и сами — им с Паиной ничего не стоило отбиться от десятка воинов. К тому же теперь с ними была Гермия, в способностях которой сражаться почти голыми руками они уже имели случай убедиться.

Гермия, тронув поводья, поравнялась с Акилой и Паиной и рассказала им заранее сочиненную историю про свою жизнь, про мать, которая якобы научила ее приемам боевого искусства, про ее смерть и про пожар, который уничтожил ее жилье и имущество. Обе спутницы слушали ее молча, иногда кивая головой или прищелкивая языком, если какой-нибудь эпизод рассказа производил на них большое впечатление.

— Так ты считаешь всех мужчин скотами? — со смехом переспросила Паина.

— Я их просто ненавижу, козлов двуногих! — с жаром воскликнула Гермия.

— А у тебя был когда-нибудь мужчина? — Акила бросила на нее внимательный взгляд.

Гермия молча кивнула головой.

— И что же, — не отставала Акила, — в глазах ее появилось выражение легкого лукавства, — тебе это совершенно не понравилось

— А что тут может нравиться? — пренебрежительно улыбаясь, спросила Паина.

— Помолчи, — оборвала ее Акила, — ты вряд ли это поймешь. Ну, так что, — вновь повернулась она к Гермии, — тебе совсем нечего вспомнить?

— Ну, почему же? — вспыхнула Гермия. — Был у меня один мужчина, с которым я была бы не против встречаться еще и еще.

— Вот и со мной такое случилось. — Взгляд Акилы сделался мечтательным, будто она вновь увидела перед собой предмет своих желаний. — Но я думаю, что мы больше никогда не встретимся. Да нам это и не нужно, у каждого из нас своя жизнь.

— Как же, не нужно! — фыркнула Паина. — Так я и поверила! Тебя, госпожа, трое суток было не вытащить из того шалаша, куда вы забрались с варваром.

— Помолчи! — прикрикнула на нее Акила и пришпорила своего скакуна.

Конь взвился на дыбы и галопом умчал всадницу далеко вперед, изрядно напугав караванщиков, которые, увидев скачущую во весь опор Акилу, решили, будто что-то стряслось. Всадница, облетев караван по кругу, опять присоединилась к женщинам. Придерживая коня, она ехала рядом с ними, не говоря ни слова.

«И у нее был варвар, — отметила про себя Гермия. — Уж не Конан ли? Ну, нет, тебе он не достанется, слониха»

В столь нелестной характеристике Акилы обуреваемая ревностью колдунья была не права. Акила, несмотря на ее неправдоподобно развитую мускулатуру, совершенно не выглядела мужеподобной, впрочем, как и Паина.

— А теперь я расскажу тебе о нас, — произнесла, немного успокоившись, Акила.

Гермия внимательно слушала рассказ о женщинах-воительницах, которых называли амазонками, об их подвигах, о том, что они используют мужчин только для продолжения рода, а потом избавляются от них, о том, как они воспитывают девочек, и о многом-многом другом…

Акила с горечью сообщила, что ее трон захватила Бризейс, ее родная сестра, но умолчала о причине, по которой ей пришлось бежать из родных краев. Гермия не задавала вопросов в продолжение всего рассказа, но когда Акила закончила, спросила:

— А почему вы пользуетесь теми мужчинами, которые случайно попадают к вам, ведь лучше самим выбрать наиболее достойных и привезти в вашу страну

— Мы как-то не думали об этом, — отрезала Паина, у которой все эти разговоры про мужчин вызывали только раздражение.

— Уж помолчала бы лучше! — воскликнула Акила. — Вечно тебе все не нравится! Гермия права — от хороших мужчин могли бы рождаться хорошие дети, и наше племя стало бы еще могущественнее.

— Вот ты рассказывала про какого-то варвара… — осторожно начала Гермия.

— Какого-то! — опять вмешалась Паина. — Ты лучше не спрашивай, не то наша королева не даст тебе спуску! Она тоскует по этому мужлану, хотя изо всех сил старается не показать этого.

— Клянусь богами, я тебе сейчас врежу! — Акила пригрозила ей плетью. — Ты забываешься, женщина!

Ее глаза сверкнули так, что Паина инстинктивно опустила плечи и обиженно отвернулась.

— Как его зовут? — не отставала Гермия.

— Не твое дело, — мрачно отрезала Акила.

По-видимому, воспоминания о варваре слишком больно терзали ее душу, чтобы она могла спокойно говорить о нем. Некоторое время три женщины ехали молча. Наконец Акила примирительно произнесла, обращаясь к Гермии:

— Я учту твое предложение. Когда я отвоюю у сестры свой трон, то непременно подумаю над этим. Кстати, если ты так относишься к мужчинам, то тебе с нами будет легко, хотя ты и не из нашего племени. Хочешь, отправимся в нашу страну? Ты сможешь получить там высокую должность, скажем, главной воспитательницы народа, это я тебе обещаю. Ты, как я вижу, многое умеешь и, наверное, смогла бы научить этому других.

«Мне нужна только чаша Гуйюка, а твоя мерзкая дикая страна пусть провалится в преисподнюю, — усмехнулась про себя колдунья, сделав, однако, вид, что задумалась над предложением королевы. — А еще, похоже, ты на моего киммерийца виды имеешь! — скрипнула она зубами. — Ну, погодите! Вот только доберусь до чаши, я вам тогда устрою, слонихи проклятые! Я и сейчас бы с радостью сделала это, да вот добраться мне нужно туда, в тундру, а то бы я вас…»

— Спасибо за щедрое предложение, королева, — поклонилась она Акиле, — но мне еще надо заслужить такую высокую должность. Я буду воевать на твоей стороне, и когда мы победим, тогда и вернемся к этому вопросу.

— Хорошо, — согласилась Акила, и лицо ее посуровело: впереди предстояли нелегкие и, видимо, кровавые испытания. — Надо еще завоевать трон. Или ты сомневаешься в моей победе? — резко спросила она Гермию.

— Как ты могла такое подумать? — Колдунья сделала вид, что обиделась. — Я останусь с тобой до тех пор, пока мы не победим…

«Нет, пока я не заполучу чашу, — поправила она себя. — А может быть, ты перестанешь быть мне полезной куда раньше!»

Дальше они ехали молча, и каждая думала о своем. Впереди, за грядой невысоких холмов, начинались солончаковые пустоши, по которым ветер гонял сцепившиеся в шары колючие стебли сухой травы.

— Остановимся здесь, — сложив рупором ладони, прокричал гирканец, шествующий во

главе каравана, — дальше голая пустыня.

Встали у ручья, чтобы набрать воды и дать отдохнуть мулам перед долгой дорогой через пески. Необходимо было основательно подготовиться к трудному переходу, ибо Акила помнила, как тяжело ей пришлось, когда она в прошлый раз оказалась в пустыне. Если бы не Конан, напоивший ее кровью из собственной жилы, вряд ли бы она осталась жива. Конан, ох, Конан!.. Где ты теперь, могучий упрямый киммериец?..

Глава шестая

Начальнику стражи Султанапура не повезло — первый советник правителя устроил ему страшную головомойку за промахи в службе. Надо заметить, что до того злополучного утра служба текла как обычно, без каких-либо изменений. Привратники так же, как и всегда, дежурили у городских ворот и взимали плату за въезд и выезд из города со всякого пешего и конного, с каждого вьючного мула или верблюда, с каждой порожней или груженой повозки. Вечером дань исправно отвозили городскому казначею, и тот, пересчитав монеты, убирал их в кожаные мешки и опечатывал печатью.

Само собой разумеется, в казну попадало далеко не все, что брали стражники у ворот. Надо же и самим как-то жить! Между прочим, тому же первому советнику сам начальник стражи регулярно относил небольшой, но увесистый мешочек с отборными золотыми аквилонской или кофийской чеканки, поскольку первый советник особенно уважал именно эти монеты, и все об этом знали.

Ежедневно многочисленные подчиненные начальника стражи обходили улицы и площади города, следя за порядком, вместе со сборщиками налогов и податей наведывались в корчмы, таверны и кабаки, присматривали за торговлей на городских рынках. Конечно, иногда случались кое-какие мелкие недочеты в работе — с кого-то, к примеру, лишний побор взяли, — но ведь за это никто не станет сердиться на него!..

Старался начальник стражи, прямо из кожи вон лез, чтобы угодить своему хозяину — первому советнику, которому повелитель поручил управлять этой службой. Но вот незадача — никогда не знаешь, каким боком повернется к тебе судьба. Накануне три каких-то матроса повздорили в таверне с тремя солдатами. Эка невидаль! Ну, поссорились и поссорились, ну схватились за ятаганы и ножи, ну зарезали одного из моряков… Великие боги, разве это происшествие?! И дело было даже не в том, что они дрались перед входом в таверну и в свалке опрокинули проезжающую по улице коляску — естественно, вместе с седоком… Невелика беда, если кто-то вывалялся в пыли да расшиб себе руку. Но в коляске-то ехал, к несчастью для начальника стражи, сам дядя первого советника. И что только надо было этому старому козлу в такой час и в таком месте?! Вот уж боги наказали, так наказали! Первый советник был в ярости.

— Мерзопакостная помесь свиньи и крысы! — В гневе он ткнул своей сафьяновой, расшитой шелком туфлей прямо в нос распластавшемуся перед ним начальнику стражи. — Ты хочешь, чтобы я перевел тебя в надзиратели помоек, тухлая отрыжка верблюда? При тебе в нашем городе нет никакого порядка! Может, ты предпочитаешь, чтобы я доложил о тебе

правителю, дрянная вошь?

— О, нет, мой господин! — в страхе завыл начальник стражи, представив, как правитель, узнав про него, ничтожного, и про его плохую службу, завопит: «А почему неспособные справиться с таким простым делом твари занимают столь почетную должность?»— и, что еще хуже того, добавит: «Приковать на галеры этого слизняка в назидание другим!»

И тогда все пропало, все — и уютный дом с бассейном и садом в хорошем месте, почти у самого главного храма, и сундуки с добротной дорогой одеждой, и чеканная серебряная посуда, которую он выписал себе из Офира, и молоденькие наложницы, придирчиво выбранные им самим на невольничьем рынке (кстати, он заплатил за них совсем недорого — попробовали бы эти купчишки не уступить!), и его павлины, гордо расхаживавшие по саду на зависть гостям и собутыльникам… Все это могло пойти прахом из-за какой-то пьяной драки матросов!..

Начальник стражи попытался схватить туфлю, мелькавшую у самого его лица, и запечатлеть на ней пылкий поцелуй, но промахнулся, потерял равновесие и ткнулся лицом в ковер. Он пополз было на четвереньках к своему повелителю, но получил еще один чувствительный пинок прямо в зубы.

— Чтобы к обеду все было исправлено, вонючая гнида! Почтенному человеку уже нельзя по городу проехать, если дело поручено такой ленивой свинье, как ты! Иди и завтра принесешь мне сто монет, чтобы загладить свою вину, или, клянусь Эрликом, ты пожалеешь, что появился на свет!

Начальник стражи на карачках попятился к входной двери, с ненавистью глядя на злорадно оскалившихся телохранителей первого советника. Он выкатился в прихожую, поднялся, отряхнулся и бросился во двор, где двое его охранников, сидя на жеребцах, держали повод его коня. Начальник стражи хотел птицей взлететь в седло, но, по-видимому, от этой ужасной встряски нервы его совсем расшатались, и он промахнулся и со всего размаху шлепнулся в грязь.

— Чего ржете, шакалы? — заорал он на охранников, которым с большим трудом удавалось сохранять каменное выражение лиц при виде своего хозяина, выбирающегося откуда-то из-под брюха лошади.

Взобравшись, наконец, в седло, начальник стражи огрел слуг плеткой, чтобы хоть как-то выместить накопившееся раздражение, и все трое поскакали к городской тюрьме, куда вчера вечером препроводили захмелевших участников драки.

«Я покажу им, что такое порядок», — подогревал себя начальник стражи, несясь во весь опор по улицам города.

Саудан и Бахтар подошли к воротам городской тюрьмы около полудня. Солнце, стоявшее высоко в небе, грело почти по-летнему.

— Эй! — Саудан постучал кулаком в ворота.

— Кто там, Нергал тебя возьми? — В воротах приоткрылось небольшое окошечко, и в нем показалась рожа одного из стражников. — А, это ты, — узнал он Саудана. — Деньги принес?

— Вот. — Капитан высыпал на ладонь десять золотых и показал стражнику.

— Ладно, сейчас приведу твоих ублюдков.

Стражник ушел, гремя ключами, а Саудан и Бахтар прислонились к каменной стене, подставив лица под ласковые лучи солнца. Топот копыт, донесшийся с ближайшей улицы,

заставил их приоткрыть глаза.

— Ишь, как спешат, — лениво бросил Бахтар.

— Не иначе, важное дело в тюрьме, а может быть, сюда едет какой-нибудь большой начальник, — предположил Саудан. — Давай-ка лучше отойдем в сторонку.

Не успели они сделать и двух шагов, как на площадку перед воротами вылетели трое всадников на разгоряченных от быстрой скачки конях. Это были начальник стражи и двое его подручных.

В этот момент ворота приоткрылись, и стражник вывел двоих солдат из отряда Конана. Увидев столь высокое начальство, стражник открыл рот и застыл как вкопанный. Начальник стражи, в свою очередь, тоже открыл рот и заорал:

— Где эти двое, что вчера устроили драку в таверне?

— Вот они, господин, — указал стражник на арестованных.

— Мы как раз пришли их выкупить, уважаемый, — вмешался капитан, подходя к начальнику стражи.

Тот просто затрясся от гнева:

— Выкупить?! Да кто ты такой?!

— Я капитан «Утренней звезды», из Аграпура, — с достоинством ответил Саудан, отвесив легкий поклон.

— А, чтоб вас!.. — Начальник стражи уже плохо соображал, что делает, настолько он был напуган первым советником. — Болтаетесь тут, только порядок нарушаете! Арестовать их! — неожиданно указал он на Саудана и Бахтара.

На его крик из ворот выбежали еще несколько человек. Несмотря на протесты и сопротивление, они схватили капитана и Бахтара и потащили их за ворота. В другое время начальник стражи трижды бы подумал, прежде чем арестовывать капитана торгового судна. Тот ведь мог служить у какого-нибудь богатого купца из столицы, который наверняка заступился бы за него. И тогда начальнику стражи пришлось бы ой как несладко. Но сегодняшняя выволочка дала о себе знать. Вот почему к солдатам с «Утренней звезды» в тюрьме присоединились ее капитан вместе с Бахтаром.

— Пусть посидят до завтра, — немного успокоившись, решил начальник стражи. — Там, — он указал пальцем вверх и нахмурился, — решат, что с ними делать.

* * *

Наступил вечер, а Саудан с Бахтаром все еще не возвращались. Плотники почти закончили свою работу, осталось доделать самую малость — и можно отправляться. Отсутствие капитана не давало покоя киммерийцу, и он отправил двоих своих солдат узнать, не случилось ли чего. К ночи они возвратились, но сведения были неутешительные: все четверо сидят в городской тюрьме и завтра предстанут перед судом.

Это было совсем некстати. Времени на долгие раздумья не оставалось. Суд проходил раз в неделю, и надо же было такому случиться, что его друзья попались как раз перед этим днем! Варвар знал, что за такие провинности арестантов обычно отправляют гребцами на военное судно. Там их приковывают к палубе, и они, иногда по многу лет, вынуждены

тяжким трудом, под плетью надсмотрщиков, искупать свои прегрешения. Хорошо, если повезет и корабль не затонет, или не сгорит в бою, или гребца просто не убьют во время сражения. Надо было немедленно решать, как спасать товарищей.

Киммериец задумался. Попробовать устроить им сегодня ночью побег? Ему приходилось и не такие дела проворачивать, но для этого нужно было время, и немалое, а его-то как раз и не было. Хорошо еще хоть, что он отлично знает Султанапур, поскольку бывал здесь не раз. Ему вдруг вспомнились не только встречи с Кушадом и Таминой, но и необыкновенные приключения, происшедшие с ним, когда он вновь наткнулся в этом городе на своего старого знакомого, одноглазого Ордо — бывшего подручного Карелы Рыжего Ястреба, его, Конана, строптивой и независимой подруги… Тогда, после убийства одного из высших туранских вельмож, судьба забросила варвара из Султанапура в далекую Вендию…

Киммериец вспомнил, как он неожиданно встретил этого головореза Ордо уже в Немедии, когда тот занимался контрабандой оружия, и как они с ним создали Вольный Отряд. Опыт наставника военного искусства весьма пригодился ему, когда он обучал своих солдат… Вот только дисциплина у них, впрочем, как и у тех его ребят, никуда не годится…

В столице Немедии — Бельверусе он в очередной раз встретился с Карелой, потом была еще одна встреча — уже в Офире, и последняя — в Аргосе… Варвар усмехнулся: в те годы судьба постоянно сводила и разводила его с надменной красавицей… и несмотря ни на что, они тогда любили друг друга… Очнувшись от приятных воспоминаний, Конан обругал себя: прошлое прошлым, но пора и сегодняшними делами заняться. Людей у него было совсем мало, так что успех предприятия зависел только от того, насколько удачно он составит план действий.

«Думай, думай, киммерийский варвар, — подзадорил он себя, — шевели мозгами. Нельзя же бросать своих товарищей в беде».

— Где будет проходить суд? — спросил он у солдат, принесших неприятное известие.

— На городской площади, как обычно, — ответили те, — но там отбить их мы не сумеем. Стражников будет полно, да и зеваки станут путаться под ногами. Потом тех, кого осудят на галеры, сразу передадут солдатам с кораблей, и они отвезут их в порт.

Даже если он отобьет их у стражи, когда она повезет их на суд, то куда бежать потом? На «Утреннюю звезду»? Но судну не дадут выйти из порта — вон сколько там военных кораблей!

Киммериец с сожалением посмотрел на гавань, где огни многочисленных судов покачивались в такт волнам, уходя далеко в море. Не будешь же с десятком солдат воевать с целым флотом!

— Помощника капитана! — рявкнул вдруг варвар — ему в голову пришла весьма дерзкая, но совсем неплохая мысль.

Помощник прибежал тотчас — рык киммерийца наверняка был слышен не только на «Утренней звезде».

— Садись, давай кое-что обсудим. — Варвар придвинул ему кружку. — Наливай, вино помогает думать.

Они просидели до глубокой ночи, и выпили почти целый бочонок вина, прежде чем киммериец угомонился, удовлетворенный планом их действий;

Утром работа на «Утренней звезде» закипела с новой силой. Плотники сдержали свое слово, и вскоре гордый дракон, оскалив пасть, вновь покачивался на носу корабля.

Помощник Саудана расплатился с мастерами, отдал положенные подати портовым

стражникам, и судно спешно вышло из гавани. Поймав попутный ветер, «Утренняя звезда» быстро набрала ход и исчезла из вида. На судне не было ни капитана, ни солдат из отряда Конана как, впрочем, не было и его самого.

Глава седьмая

На главной площади все было приготовлено для свершения суда: возле старой крепостной стены натянули балдахин, расстелили ковер, поставили возвышение для судьи и клетку для преступников. Помаленьку стал собираться народ, охочий до зрелищ; не замедлили появиться и торговцы сластями и фруктами, водоносы, фокусники — в общем, все те, кто зарабатывает свой хлеб на большой толпе. Как правило, приговор суда за мелкие прегрешения приводился в исполнение прямо на площади, поэтому плотники установили тут несколько помостов, на которых, по решению судьи, если таковое последует, наказуемых должны были сечь кнутом или бить палками по пяткам. Толпа в предвкушении зрелища плотным полукольцом окружила место суда.

— Едут, едут! — донеслись выкрики с дальнего конца площади.

Народ стал расступаться, пропуская отряд стражников в белых тюрбанах, с алебардами в руках. Замешкавшиеся зеваки тут же получали увесистый удар тупым концом оружия, так, что проход был расчищен довольно быстро.

Стражники встали вокруг помоста в несколько рядов. Шестерка рабов принесла паланкин, из которого, кряхтя, выбрался старикашка с желчным морщинистым лицом, одетый в расшитый шелком дорогой халат. В сопровождении писцов и слуги с опахалом он важно прошествовал к своему возвышению и, взгромоздившись на него, неподвижно замер, как коршун. Сходство с пернатым усиливали его крючковатый нос и тюрбан с павлиньим пером.

Через проход, обозначенный в толпе двумя рядами стражников, провели арестованных. Сегодня их было на удивление немного. Несчастных грубо затолкали в клетку из толстых деревянных жердей. Толпа затихла, ожидая начала суда.

— Давай! — махнул рукой судья старшему стражнику.

Вывели первого заключенного и поставили его на колени в двух шагах от судьи. Судя по всему, он был незначительным и совсем небогатым человеком, скорее всего мелким торговцем или ремесленником.

— Читай, — приказал судья.

Стоявший слева от него подручный развернул свиток и зычным голосом, покрывавшим даже непрекращающийся гул толпы, произнес:

— Самид, владелец лавки пряностей. Ударил сборщика податей.

— О, справедливый господин! — возопил несчастный Самид, воздевая руки к судье. — Я ему уже заплатил, а он пришел и сказал, что мало. Но я заплатил все, клянусь тебе!

— Помолчи! — прикрикнул на него другой подручный и два раза огрел его длинной многохвостой плетью.

На спине под белым халатом отчетливо проступили кровавые полосы. Самид замолчал,

исподлобья уставившись на судью затравленным взглядом и вздрагивая от боли. Судья немного подумал, пожевав губами, затем обратился к писцу, который примостился рядом:

— Пиши! Двадцать пять плетей, и десять монет в казну. Следующий! — Он опять махнул рукой.

Торговца, не обращая внимания на его стенания, схватили и потащили на помост. Его растянули на досках, сорвали одежду, руки привязали к жердям. Под рев толпы двое палачей стали размеренно хлестать его плетьми. Третий палач стоял рядом и считал удары. Спина несчастного мгновенно оросилась кровью, а отчаянные его крики были слышны даже в самом дальнем углу площади. Тем временем судья так же быстро вынес следующий приговор. Арестованного подхватили и потащили к помосту, который возвышался справа от судьи.

Суд в Султанапуре вершился скоро. Зрителям было уготовлено представление на разные вкусы, и скоро на всех помостах закипела работа. Вопли несчастных смешались с криками зрителей, подбадривающих палачей или наказуемых. Знатоки оценивали искусство мастеров плети, заядлые спорщики заключали пари, сколько продержится та или иная жертва, пока не лишится чувств. Потерявших сознание отливали водой, и наказание продолжалось до тех пор, пока каждый не получал назначенного ему количества ударов.

Когда все помосты оказались заняты, судья потребовал себе вина и сластей. Попивая маленькими глотками из серебряного бокала, он терпеливо ожидал, когда освободится место для экзекуции и можно будет продолжить суд.

— А это кто? — спросил он вполголоса у подручного слева, когда к нему подвели Саудана, Бахтара и двоих солдат из отряда киммерийца.

— Это те, которые опрокинули коляску дяди нашего…

— Не продолжай, понятно, читай дальше, — прервал его судья.

— Четыре моряка с судна «Утренняя звезда». Устроили потасовку в таверне «Ильбарский дракон».

— Откуда вы? — обратился к ним судья.

— Мы из Аграпура, — ответил за всех Саудан.

— Моряки, значит, — тоном, не предвещающим ничего хорошего, проговорил судья. — Пиши, — обратился он к писцу — На пять лет на галеры, гребцами.

Услышав столь суровый приговор за довольно обычное дело, толпа ахнула, на некоторое время даже потеряв интерес к зрелищу, происходившему на помостах.

— Но, уважаемый… — начал, было, Саудан.

— Молчать, сучий потрох! — На спину капитана обрушился удар плети. — Передать их морской страже!

Скрипя колесами, подъехала повозка, в которой осужденных обычно отвозили в порт, чтобы потом переправить на суда, где им предстояло быть гребцами. Стражники, подталкивая Саудана и его товарищей алебардами, повели их к соскочившему с повозки вооруженному человеку в форме офицера туранского флота. Несчастные вздрогнули, увидев приближающегося к ним моряка.

— Четыре человека, вот список. — Стражник протянул моряку свиток.

Офицер подал знак спрыгнувшему с козел матросу, и тот загнал осужденных в клетку, стоявшую на повозке, после чего запер дверь на большой железный замок. Толпа с сочувствием смотрела на арестантов, понимая, что выдержать на галерах пять лет удается не многим, так что судья фактически осудил их на верную смерть. Махнув рукой стражникам,

офицер сел рядом с возницей.

— Послушай, — вдруг обратился к нему старший стражник, — что-то я тебя раньше не видел. А почему сам Шарип не приехал?

— Он в море, — отрезал офицер и кивнул вознице: — Поехали!

Стражник почувствовал что-то неладное.

— Стой! — закричал он и, видя, что его призывы повисли в воздухе, обернулся к своим: — Взять их! Измена!

Возница хлестнул лошадей, и повозка стремительно рванулась с места. Несколько стражников бросились к своим коням. Вдруг в дальнем углу площади показался всадник исполинского роста в полном боевом облачении. В ту самую минуту, когда повозка сворачивала на боковую улицу, а стражники, оседлав коней, устремились за ней в погоню, он, в мгновение ока, преодолев расстояние до толпы, выставил перед собой копье и, дав коню шпоры, повернул его прямо на людей.

Толпа в ужасе кинулась в разные стороны, преграждая дорогу стражникам. Возникла страшная давка. Народ, убегающий от всадника, снес возвышение, на котором восседал судья, хотя стражники изо всех сил пытались воспрепятствовать этому.

Крики, визг, ругань, ржание лошадей, свист плетей — все смешалось в невообразимом шуме. Палачи руками и ногами вцепились в помосты, стремясь удержаться на них, но помосты угрожающе шатались: казалось, еще немного, и толпа опрокинет их. Большинство стражников попыталось пробиться сквозь толпу, а некоторые — более умные — повернули назад. Галопом облетев площадь, они, однако, наткнулись на исполинского всадника. Это был Конан. Одного из четырех стражников он насквозь проткнул копьем. Оставив копье в теле стражника, Конан выхватил меч и направил своего коня навстречу трем другим. Преимущество варвара было очевидным: его огромный рост, мощные руки и длинный меч не позволяли противникам даже дотянуться до него, а воспользоваться алебардой, сидя на коне, — задача весьма трудная. Схватка закончилась быстро: одному из стражников киммериец снес голову и, уклонившись от брошенного в него дротика, ринулся на двух оставшихся. Те дрогнули и обратились в бегство. Варвар не стал их преследовать, а, развернув коня, ринулся вслед за повозкой.

— Скорей! — крикнул он, догнав своих друзей, и спешился. — Сейчас сюда сбежится вся стража Султанапура!

Оставленный Конаном солдат, нетерпеливо поджидавший беглецов, подвел к ним оседланных лошадей.

Конан развернул повозку с клеткой поперек улочки. Упершись в мостовую, он налег на телегу плечом и опрокинул ее вместе с бившимися в постромках лошадьми.

— Отличная преграда! — рассмеялся он. — А теперь к Северным воротам, да побыстрее!

Все вскочили на лошадей, и кавалькада помчалась по улочкам Султанапура. Прохожие испуганно жались к стенам.

— Ну что; галерники, живы? — рассмеялся он, подскакав поближе к Саудану. — Вот уж не думал, что Султанапур окажется таким же мерзким городишкой, как Аграпур!

— Да уж, тут крыть нечем, — понурившись, ответил Саудан, — я даже не ожидал, что нас здесь так встретят.

Им повезло. Северные ворота были открыты — стражники пропускали в город стадо овец, гонимое пастухами на продажу.

— Стой, стой! — заорали они, увидев вооруженных всадников, врезавшихся прямо в середину гурта.

Овцы шарахнулись в стороны, образовав узкий коридорчик, и отряд Конана беспрепятственно проскочил за городские ворота.

Конан обернулся и увидел, что один из стражников схватился за лук.

— Берегись! — закричал киммериец.

Все пригнулись к гривам коней, а варвар, наклонив голову, метнул из-под левой руки нож. Хотя такое случалось с ним не часто, но он все же промахнулся: нож лишь слегка задел плечо целящегося лучника, однако и этого оказалось достаточно, чтобы стрела, пущенная им, просвистела, никого не задев.

— Свобода! — поднявшись на стременах, закричал киммериец.

Его товарищи дружно засмеялись, и отряд помчался дальше на север.

Глава восьмая

— Теперь хорошо бы избежать встречи с дозорами, — задумчиво произнес киммериец, когда, некоторое время спустя, они пустили лошадей шагом, давая им отдохнуть. — Они рыскают вокруг города, и их отряды, как правило, весьма многочисленны. Ни стража у ворот, ни тем более городские охранники нам теперь не страшны — не догонят, но на дозор лучше не нарываться.

— Как тебе удалось организовать все это? — спросил Саудан.

— Очень просто, — засмеялся Конан. — Мы перехватили повозку с клеткой, когда она въехала в пустынную улочку. Трупы сбросили в ближайший колодец. Главное, нам надо было быстро переодеться, да так, чтобы этого никто не заметил. Но здесь нам повезло. Однако, самым трудным оказалось узнать, когда и по какому пути их повезут на площадь. Спасибо твоему помощнику — это он все разведал, вот кого тебе благодарить надо.

— Смотрите! — прервал их беседу один из солдат.

Впереди показался небольшой отряд вооруженных людей. Он был еще далеко, так что определить, сколько в нем человек, было невозможно.

— Давайте все сюда, за этот холм! — скомандовал Конан. — Схватка нам сейчас ни к чему.

Отряд свернул с дороги и рысью понесся по изумрудно-зеленому полю, усеянному желтыми и красными тюльпанами. До холма оставалось совсем немного, когда их все же заметили. Это стало ясно по тому, что отряд растянулся в цепь и понесся галопом, вздымая клубы пыли.

— Мерзопакостный змей Сет! — выругался варвар. — Придется уходить!

Они пришпорили лошадей, намереваясь побыстрее укрыться за гребнем холма. Обогнув холм, отряд Конана выскочил в небольшую узкую долину. За невысокой грядой синела зеркальная гладь моря.

— Туда! — Варвар указал на ложбину между двумя возвышенностями, и отряд поскакал в том направлении. Конан оглянулся: преследователей не было видно.

«Оторвались», — удовлетворенно подумал киммериец.

Но он ошибался.

— Конан! — крикнул один из его товарищей. — Слева!

Варвар повернул голову и увидел, что с противоположной стороны холма, который они обогнули, показалась еще одна группа всадников.

«Не дураки! — мысленно похвалил своих противников киммериец. — Разбили отряд на две группы и хотят отрезать нам путь на север…»

Когда варвар и его товарищи проскочили ложбину, взорам их открылось бескрайнее море. Совсем близко — всего в нескольких сотнях шагов от берега — стоял корабль.

— «Утренняя звезда»! — закричал Саудан, узнав свою драгоценную посудину.

— А то! — довольно ответил ему варвар. — Не зря же мы полночи просидели с твоим помощником. Толковый парень, ничего не скажешь!

— Теперь бы успеть унести ноги! — крикнул Бытар и нещадно пришпорил своего коня.

Но лошади устали от бешеной скачки, бока их лоснились от пота, на губах выступила пена. Преследователи на свежих конях быстро догоняли отряд Конана. Киммериец попридержал своего скакуна и, отстав от товарищей, огляделся. Положение еще не было смертельным. Но и приятным его не назовешь. Основной дозорный отряд находился примерно в пятистах шагах. Он расположился веером, готовясь окружить беглецов. Конан прищурился.

«Так, человек пятнадцать, — прикинул он, — а где вторая группа?»— оглянулся он в другую сторону.

К счастью, его преследователи выполнили маневр не совсем успешно. Та группа, которая должна была отрезать им путь, выскочила на равнину слишком далеко к северу: они, видимо, предполагали, что беглецы пойдут вдоль берега, но никак не прямиком к морю.

«С этими все ясно. — Варвар списал со счета часть отряда, удалившуюся на весьма приличное расстояние. — А вот основные их силы того и гляди окажутся рядом».

Тем временем на «Утренней звезде» обнаружили приближающихся к берегу всадников. Это было заметно по тому, как сразу замельтешили, засуетились фигурки матросов, как оживилось движение на палубе. Немного погодя Конан увидел, что от судна отделились две лодки и направились в их сторону.

Беглецы, наконец, приблизились к самому берегу, но здесь их подстерегала новая неприятность: берег, как будто срезанный гигантским ножом, был слишком крут и обрывист. Всадники заметались вдоль обрыва, высматривая хоть какое-нибудь мало-мальски пригодное для спуска место.

— Вон там! — Саудан первым увидел узкую тропинку, змеившуюся среди каменных выступов.

Все бросились к тропинке.

— Оставьте коней и спускайтесь к берегу! — закричал варвар. — Я их здесь задержу!

На «Утренней звезде» тоже заметили преследователей. Матросы на лодках, почувствовав, что на берегу не все ладно, удвоили свои усилия. Их весла замелькали быстрее, за кормой взвихрились пенные буруны.

Беглецы, спрыгнув с коней, стали спускаться морю. Конан еще раз огляделся. О, Кром, преследователи уже совсем близко! Видны даже оскаленные морды коней и блеск доспехов всадников.

Лошади, брошенные беглецами, толпились между двух больших камней, откуда

начиналась тропинка к морю. Маленький табун мог, конечно, задержать преследователей, но лишь на какие-то мгновения. Надо было срочно что-то предпринимать.

Варвар пришпорил своего скакуна и бросился навстречу преследователям. Прижавшись к шее коня, чтобы не получить ненароком стрелу из лука, он решил встретить неприятеля на его правом фланге, поближе к берегу. Обернувшись назад, он краем глаза увидел, что кто-то из его товарищей уже достиг узкой полоски берега и что лодки почти пересекли пенный прибой и вот-вот окажутся рядом с ними.

«Спасены! — мелькнуло в мозгу киммерийца. — Теперь пора и о себе подумать!»

Неожиданный маневр варвара несколько озадачил противников и заставил их чуть придержать коней. А Конан, когда до ближайшего к нему всадника оставалось не более тридцати шагов, внезапно выпрямился в седле и метнул дротик, который он держал наготове. Свист стрелы мгновенно напомнил ему о том, что противник тоже далеко не новичок в ратном деле. И тут же дротик, пущенный мощной рукой варвара, пробил кирасу несущегося на него врага, и тот опрокинулся на круп лошади.

«Один есть», — удовлетворенно подумал киммериец.

Предводитель отряда, сообразив, наконец, что перед ним только один из преследуемых противников, а остальные уже вне пределов его досягаемости, осадил коня и крикнул своим:

— Стой!

Всадники полукольцом окружили варвара, тем самым, отрезав, ему путь к берегу, и остановились. Несколько человек, натянув тетивы луков, держали Конана под прицелом.

— Сдавайся! — зычно крикнул командир отряда. — Тебе не уйти, сам видишь!

Киммериец понял, что тот решил взять его живым, и усмотрел в этом спасительный для себя шанс.

— Вот тебе, ослиная задница! — Варвар сделал красноречивый жест рукой, не оставлявший собеседнику никаких сомнений в его намерениях.

Конан выигрывал время, стараясь найти хоть какой-нибудь выход из положения. Боковым зрением он видел, что лодки с его товарищами уже отчаливают от берега, тогда как несколько спешившихся преследователей еще только начали спускаться вниз. Впрочем, и они вскоре остановились, понимая, что беглецов уже не настичь.

Мгновенно приняв решение, Конан пришпорил коня и направил его на воина, стоявшего с самого краю. Однако остальные тут же, по команде своего командира, бросились к нему на помощь. Киммериец понял, что шансов пробиться сквозь строй из пятнадцати бойцов у него нет. Свистнули две стрелы, и конь под ним осел. Варвар едва успел высвободить из стремян ноги и спрыгнуть на землю. Времени на размышления не оставалось. Свист очередной стрелы и резкая боль в левом плече напомнили ему, что противник не шутит. Конан стремительно шагнул к обрыву и прыгнул в воду.

«Если здесь мелко — мне конец», — промелькнуло в мозгу киммерийца, пока он со скоростью молнии летел с огромной высоты вниз. Однако перед тем как войти в воду, Конан успел сгруппироваться. Раздался глухой всплеск. Мгновение спустя набежавшая волна стерла образовавшиеся на месте падения круги. Несколько стрел, пущенных всадниками с обрыва почти наугад, ушли в воду, не причинив варвару вреда.

Киммерийцу повезло — глубина оказалась достаточно большой, но, тем не менее, он чуть не врезался в песчаное дно. Удар о воду, несмотря на предпринятые им предосторожности, был очень силен, и варвар едва не потерял сознание. Стайка рыб, испуганная его падением, метнулась в стороны, он почти ощутил на своем лице

прикосновение их плавников.

Варвар сделал два мощных гребка и поплыл под водой, стремясь очутиться как можно дальше от берега, чтобы стрелы лучников не достигли его, когда он вынырнет, чтобы глотнуть воздуха. Тяжелая кольчуга, наплечники и ножные латы тянули его ко дну. Конан достал кинжал и, торопливо перерезав ремни, сбросил с себя кольчугу. От нехватки воздуха в голове бухал чудовищный молот, казалось, она вот-вот лопнет изнутри. Конан стремительно взмыл вверх.

Вынырнув на поверхность, он жадно глотнул воздуха и вновь погрузился в волны.

— Вот он! Давайте, сучьи дети, что же вы спите! — заорал командир.

Но Конан не услышал его возгласа — толща воды поглотила все земные звуки.

Лучники пустили еще несколько стрел туда, где только что была голова варвара, но с таким же успехом они могли стрелять в любое другое место — киммериец был уже вне пределов их досягаемости. Он перерезал ремни на ножных латах и тоже их сбросил, потом сорвал наплечные доспехи.

Дикая боль пронзила все его тело, когда он прямо с мясом вырвал из левого плеча наконечник вражеской стрелы. Зато теперь ему стало гораздо легче плыть, хотя плечо нестерпимо болело, и кровавая струйка тянулась за ним, как след за кормой корабля. Берег остался далеко позади, и киммериец вынырнул на поверхность. Он лег на спину, посмотрел, как на обрыве в бессильной ярости мечутся его преследователи, и, превозмогая боль в левом плече, поплыл к «Утренней звезде», покачивавшейся на волнах всего шагах в двухстах от него. На корабле неотрывно следили за тем, что происходило на берегу, и на подмогу киммерийцу уже спешила лодка.

«Вот так, туранские придурки, хрен вам, а не Конан»!.. — гребя из последних сил, удовлетворенно подумал варвар.

Его подняли на лодку, когда он уже почти потерял сознание. Еще несколько мгновений, и он бы пошел ко дну.

— Давайте быстрее на корабль! — закричал Саудан.

Это было последнее, что услышал киммериец. Мгновение спустя его сознание затуманилось, перед глазами поплыли огненные круги, и он провалился в черноту.

Часть четвертая

ОСТРОВ БОГА ЭТАНА

Глава первая

Дальнейшее плавание проходило спокойно, ничто не тревожило «Утреннюю звезду» и ее команду: ни волнение на море, ни пираты, ни погоня туранских военных кораблей, чего так опасался варвар. Судно приближалось к своей цели. Саудан вел корабль так близко к левому берегу моря Вилайет, что иногда суша была очень хорошо видна: сначала тянулись голые, без единого живого стебелька, солончаковые пустоши, потом пошли степи с высокой густой травой и сбегавшими к морю узенькими речушками. Пару раз капитан останавливал свою посудину, и матросы на лодках подходили к берегу, чтобы пополнить запасы пресной воды или, для разнообразия стола, подстрелить тура или бизона — большие стада этих диких животных бродили по степи, пощипывая молодую траву. В этих местах уже явно ощущалось дыхание севера: воздух был прохладным и свежим, а весна как будто затормозила свой приход, и иногда вместо мелкого моросящего дождика вдруг начинал хлопьями валить мокрый липкий снег. Киммериец потихоньку поправлялся от нанесенной ему туранским лучником раны.

Может быть, стрела была отравленной, а может, что-то еще, но он несколько дней не приходил в сознание, и капитан уже начал думать, что варвар не выживет. Однако железное здоровье Конана победило — рана затянулась, и немного погодя он уже вовсю муштровал матросов на корабле, обучая их премудростям военного искусства. Народ на «Утренней звезде» был тертым, бывалым, морякам за свою жизнь не раз приходилось браться за топоры и сабли, но подучить их кое-каким военным премудростям не мешало, тем более что делать им было все равно нечего — корабль плыл себе и плыл, управляемый искусной рукой опытного капитана. Они забрались уже очень далеко на север, даже Саудан ни разу не бывал в этих краях. Правда, он старался проложить курс корабля по старой карте, хранившейся, как реликвия, под стеклом на столе в каюте хозяина, но неизвестно, насколько можно было верить этому пожелтевшему листу, протертому на сгибах до дыр. Кто знает, когда и кем были нанесены на карту эти острова и мели… К тому же природа наверняка не сберегла чего-нибудь или, наоборот, что-то произвела на новом месте.

Шли они медленно, опасаясь наскочить на подводные камни или сесть на какую-нибудь новоявленную мель. Море в этих местах было густо усеяно небольшими островками, кое-где поросшими невысокими корявыми соснами, что сразу напомнило Конану его суровую родину: на границе с Ванахеймом такие же сосны упрямо карабкались вверх по скалам. Он вспомнил Ледяного Гиганта Имира и его дочь Атали, за которой он пустился в погоню по снежной пустыне.

Да, было времечко! Еле ноги тогда унес, хвала богам!

Саудан осторожно вел корабль по узким протокам между островками. Временами о борт шуршали льдины, не успевшие растаять после студеной зимы. Большинству матросов «Утренней звезды» не доводилось забираться в эти края, а многие из них вообще никогда в жизни не видели плывущих по воде ледяных островков. До места, куда капитан должен был доставить смертоносный груз, оставалось совсем недалеко, и сейчас надо было быть особенно осторожным, потому как нападение могло произойти с любого из островов, до которых было рукой подать. А в этом лабиринте островов и узкой вязи проходов не спасут никакие паруса.

Минуло еще несколько дней. «Утренняя звезда» прошла скопление островов и вышла на чистую воду.

— Скоро будем на месте. — Саудан поплотнее натянул на голову свою видавшую виды шапку.

С утра дул резкий холодный ветер, моросил мелкий нудный дождь. Киммериец стоял рядом с капитаном на мостике, разглядывая далекие вершины горной гряды, протянувшейся к западу от них. Копна его густых черных волос, развевавшаяся под порывами ветра, как грива льва, защищала голову не хуже капитанской шапки.

— Хорошо, что кончились эти острова, — сказал варвар, — спокойнее будет. Оттуда каждый миг можно было ждать нападения.

— Да нет, — не согласился капитан, — на островах нет людей. По-моему, только сумасшедший захочет здесь жить. Сам посуди: холодно, мокро… — Он кивнул на гонимые ветром низкие клочковатые облака, временами скрывавшие от взгляда горные вершины.

— У меня на родине тоже холодно, — возразил ему Конан, — и ничего, живем.

— Это конечно, — согласился капитан и положил руль направо: надо было изменить направление, потому что немного изменился ветер.

Паруса на некоторое время опали, потом захлопали и дружно наполнились ветром. «Утренняя звезда» вновь набирала ход.

— Поймал, — удовлетворенно хмыкнул капитан.

И хотя этот маневр он наверняка проделывал за свою жизнь много тысяч раз, однако каждый раз он радовался, если совершал его быстро и ловко.

— Кстати, — продолжал он, указывая рукой вперед, — там дальше должен быть еще один островок, если моя карта не врет. На ней даже указано, — он понизил голос и наклонился поближе к уху киммерийца, — что там закопан какой-то клад.

Предосторожность оказалась явно излишней, потому что на мостике не было никого, кроме них двоих, да и за шумом волн и завыванием ветра вряд ли что-нибудь можно было расслышать.

— Клад! — так же тихо переспросил варвар. — Это весьма заманчиво. Давай, если хочешь, остановимся там на некоторое время.

— Я не против, — согласился Саудан. — Правда, на карте не указано, где именно лежит клад.

— Это не беда, разберемся на месте! — загорелся Конан, которого уже начинала раздражать монотонность плавания.

Некоторое время они молчали. Конан, облокотившись на перила, лениво окидывал взглядом волны и думал о чем-то своем. Саудан внимательно следил за морем и парусами, время от времени немного изменяя курс, а иногда отдавал громкие команды своим матросам, и тогда они взбирались по мачтам и снимали или вновь ставили паруса. «Утренняя звезда» неуклонно приближалась к конечной цели своего путешествия. Остров возник перед ними так неожиданно, как будто вырос из моросящего дождя и пелены низких туч, сливавшихся с волнами. Если бы не белые шапки волн, вдалеке вообще нельзя было бы различить, где кончается вода и начинается небо.

— Похоже, это он, — обратился Саудан к Конану. — Ну что, делаем остановку?

— Как договорились, — оживился киммериец. — Возьму с собой трех-четырех человек и высажусь на берег, Ты, кстати, не хочешь?

— На кой мне этот берег, — ответил капитан. — Если что найдешь, то, надеюсь, поделим, а ползать по земле или пещерам, клянусь Эрликом, у меня нет никакой охоты. Мы бросим здесь якорь, все равно ночь придется переждать. Берег уже близко, лучше мы подойдем к нему завтра днем.

— Ну и хорошо. — Конан спустился с мостика и направился в трюм, чтобы отобрать

несколько человек из желающих сойти на остров.

Он не сомневался, что таких будет много, потому что скука последних дней могла надоесть не только ему. Через некоторое время шестеро человек спустили лодку, и она стала медленно удаляться от корабля, направляясь к безымянному островку и исчезая в пелене дождя, который так и не унимался, хотя моросил, не переставая уже вторые сутки.

— Кто-нибудь бывал здесь? — спросил киммериец у своих спутников.

— Нет, командир, — ответил за всех Бахтар, налегая на весло, — так далеко мы не забирались.

Путь от корабля до острова оказался недолгим, и вскоре лодка ткнулась носом в песок, желтой каймой окружавший каменистую, поросшую лишайниками неприветливую землю. Судить о размерах острова было невозможно, потому что берег уходил вперед и справа и слева, теряясь в пелене дождя.

— Вот что, — решил киммериец, спрыгивая на мокрый песок, — мы с Бахтаром пойдем по берегу, а вы четверо плывите по морю. Дальше посмотрим.

Он здраво рассудил, что с моря береговая линия будет видна получше, и если гребцы заметят что-нибудь интересное, то просигналят ему. Сам же он надеялся найт и на берегу какие-нибудь знаки, указывающие путь к сокровищам. А в том, что они есть на этом острове, он почему-то не сомневался. Он сам не мог объяснить себе, почему так думает, но какой-то внутренний голос подсказывал ему, что здесь может быть кое-что интересное.

Они с Бахтаром пошли по берегу моря, направляясь к находящейся невдалеке от них небольшой возвышенности. Песок, на который время от времени накатывались ленивые волны слегка подернутого рябью моря, был влажным и источал запах прелых листьев и морских водорослей. Слева от них стеной стоял невысокий густой кустарник, чуть подальше за ним торчали верхушки деревьев. Все на этом острове было каким-то замшелым и безжизненным, как будто не то, что человек, а даже и зверь давно не появлялся в этом забытом богами месте.

Глава вторая

Подножие холма, до которого они добрались довольно быстро, устилала густая зеленая трава, почва под ними чавкала, словно они попали на болото, хотя под ногами не было никакой сырости. У Конана создалось такое впечатление, будто он идет по огромному ковру с очень длинным ворсом, который к тому же положен на груду мягких подушек.

— Смешно! — оглянулся он на Бахтара, с самого начала пути молча следовавшего за ним, но тот как сквозь землю провалился, хотя варвар мог поклясться, что мгновение назад слышал шуршание его шагов.

«Охвостье Нергала, куда он делся?»— спросил себя киммериец. — Бахтар! Где ты? — позвал он и вдруг замер как вкопанный.

От того, что он увидел, его бросило в холод. Они прошли по этой мягкой сочной траве буквально несколько шагов, а оказалось, что это зеленое поле простирается до самого горизонта. Холм, правда, оставался на месте, а вот берег моря исчез.

Выругавшись про себя, Конан решительно повернул назад, намереваясь выбраться из этой проклятой травы. Он все шел и шел, а берег так и не приближался, хотя варвар точно знал, что идет в нужном направлении.

— Что же это творится, рога Нергала мне в задницу! — Он остановился, соображая, что же ему делать.

В какую бы сторону он ни повернулся, везде была эта ненавистная зеленая равнина, и только в той стороне, где возвышался холм, ничего не изменилось. Холм как стоял, так и остался стоять. По его склону кое-где торчали покрытые мхом валуны. Выбора не было — надо идти вперед.

«Может, забраться наверх: оттуда наверняка видно получше», — подумал варвар и стал карабкаться по склону холма.

Почти достигнув его вершины, он осмотрелся, но картина оставалась такой же безрадостной: повсюду, насколько хватал глаз, расстилалась бескрайняя зеленая равнина. Киммериец полез дальше. Забравшись, наконец, на вершину холма, он снова огляделся. Увы, так ничего и не изменилось… Перед ним лежала плоская возвышенность, мало чем отличавшаяся от склона, по которому он только что взбирался: та же трава и те же замшелые камни. Камни были небольшие, где-то в половину человеческого роста, и не мешали обзору. Однако приглядевшись внимательнее, Конан заметил, что камни, расположенные чуть подальше, имеют более солидные размеры, а потом и вовсе образуют сплошную стену. Возможно, это ему просто показалось, потому, что воздух был насыщен влагой и туман сгущался шагах в двухстах от него.

«Делать нечего, надо идти вперед… Все хоть какое-то разнообразие», — решил варвар и осторожно двинулся в путь, на всякий случай, сжимая в руке рукоятку меча, чтобы при малейшей опасности мгновенно выхватить его.

В самом деле, глаза его не обманули: пройдя шагов двести, он уткнулся в высокую, примерно в три его роста, каменную стену, до бесконечности тянувшуюся в обе стороны. Киммериец прошел немного вдоль стены, чтобы найти хотя бы некое подобие двери, но ничего не обнаружил.

«Пожалуй, так я могу ходить, как баран, довольно долго. Лучше попытаюсь взобраться наверх», — заключил он.

Камни, образующие стену, были старыми, неровными, со множеством трещин и сколов. В далекой Киммерии умением лазать по скалам обладал каждый — оно передавалось им по крови, так что варвар долго не раздумывал: он поправил перевязь с мечом и, выбрав наиболее пригодное для подъема место, стал карабкаться вверх по стене.

Он отыскивал глазами трещины в камне и цеплялся за их края своими железными пальцами, как клещами, потом нащупывал опору для ног и подтягивался наверх, потом опять находил новую трещину для рук…

Довольно скоро его голова сравнялась с краем стены. Немного подтянувшись на руках, он осторожно заглянул за стену.

То, что увидел варвар, весьма его удивило. Стена образовывала большой круг, в центре которого стояло здание, сложенное из таких же камней. Дверей и окон в здании, по-видимому, не было.

Конан снова опустился на руках и оглядел стену — она по-прежнему расходилась в обе стороны, и не было ей ни конца и ни края. Варвар недоуменно покрутил головой и во второй раз заглянул внутрь: стена образовывала ровный круг, где-то шагов сто в поперечнике.

«Что тут думать? — плюнул с досады киммериец — Опять в какую-то магию вляпался, как пить дать!»

Он перевалился через край стены и спрыгнул вниз, на выложенный плоскими плитами двор. И тотчас же он услышал шум ветра, шелест листвы, отдаленное пение птиц… Киммериец вдруг осознал, что, пока он шел по зеленой равнине и по вершине холма, его окутывала полная тишина.

Варвар тряхнул головой, как бы отгоняя от себя наваждение, и направился к стоявшему в центре двора зданию. Он обошел его вокруг, старательно отыскивая вход, и ему повезло: он увидел дверь, сколоченную из старых, прогнивших досок, криво висевшую на одной петле.

— Ну, Податель Жизни, если можешь меня уберечь — сделай это, — произнес киммериец, берясь за позеленевшую медную ручку.

Хлопанье крыльев большой птицы, совсем рядом с ним, заставило его пригнуть голову. Варвар взглянул наверх — ничего, оглянулся назад — шагах в десяти от него стоял Бахтар.

— Как ты сюда попал? — изумленно спросил киммериец.

Бахтар ничего не ответил и продолжал глядеть на него, тупо улыбаясь. Конан почувствовал неладное. Он пригляделся к своему товарищу повнимательнее. Тот был какой-то странный, как будто не от мира сего: стоял, замерев как статуя, и смотрел, оскалившись, на варвара. Конан сделал два шага ему навстречу. Бахтар вдруг взревел, как медведь, выхватил из ножен меч и бросился на киммерийца. Однако варвар с быстротой змеи ускользнул в сторону. Если бы он чуть промедлил, клинок Бахтара вонзился бы ему в живот. Бахтар развернулся и снова устремился на варвара. Конан выхватил свой меч, сталь ударила о сталь. Отбивая выпады своего товарища, киммериец нечаянно заметил, что тот как бы сливается с фоном стены здания, а контуры края его фигуры подернуты легкой дымкой.

— Бахтар! — в последней надежде вскричал варвар.

Бахтар молчал, и взгляд его совсем не походил на человеческий.

«Все понятно, — догадался Конан, — это призрак. Бедолага подвергся чародейским штучкам!»

Киммериец с удвоенной энергией заработал мечом, и вскоре его удар настиг Бахтара. Клинок вошел в тело, как в вату, киммериец рассек его донизу и выдернул оружие на себя. Его товарищ развалился на две части, но из страшной раны не вытекло ни одной капли крови.

Конан стоял, опершись на меч, и смотрел, как обе половинки тела съеживались, становясь все меньше и меньше, пока не превратились в два шара, каждый величиной с арбуз. Несколько мгновений шары покачивались, излучая легкое сияние, а потом вдруг вспыхнули ярким огнем, и перед варваром возникли два Бахтара, только рост их был гораздо меньше человеческого. Оскалив зубы, они бросились на киммерийца.

— Ну, шакальи задницы! — Конан, потрясая мечом, стремительно рванулся им навстречу.

Мощным взмахом меча он снес голову первому из созданий, но вот со вторым ему пришлось повозиться чуть подольше. Однако исход дела был предрешен: киммериец, помимо всего прочего, был почти в два раза крупнее своего противника.

«Чем-то они похожи на мерзких тварей Лиаренуса», — подумал вдруг Конан, вспомнив созданных колдовством заморанского мага мускулистых человечков, с которыми ему как-то пришлось сразиться в Шадизаре.

Воссоздание Бахтаров повторилось, но киммериец, обретший полную уверенность в

победе, молниеносно изрубил в куски четверых Бахтаров размером с овцу. Вновь образовавшиеся маленькие человечки не смогли оказать ему никакого сопротивления.

Они падали, превращались в шары, снова обретали человеческий облик. И с каждым разом все мельчали, мельчали, мельчали… Когда штук тридцать маленьких Бахтаров величиной с курицу окружили его и, улыбаясь идиотской улыбкой, стали размахивать мечами размером с ножичек для очинки карандашей, варвар не выдержал и расхохотался. Он просто-напросто затоптал их ногами, затоптал, наверное, так же легко, как слон затаптывает стадо черепах. Остатки того, что раньше так походило на Бахтара, съежились, изошли легким дымком и исчезли, как будто ничего этого и не было.

«Это была хорошая мысль — затоптать их», — похвалил себя киммериец, отирая со лба пот, выступивший от напряженной работы.

Стоя перед старой дверью, державшейся на ржавой петле, Конан глубоко задумался. Выбора у него не было. За стеной — бескрайняя зеленая равнина, по которой, судя по всему, можно проплутать всю оставшуюся жизнь. Значит, надо идти в это проклятое здание. Он решительно взялся за ручку двери. Дверь поддалась.

Птица вновь зашлепала крыльями, и варвару почудилось, что тень ее на мгновение затмила свет, когда он, пригнув голову, осторожно проник в узкий проход. Хотя в здании не было окон, внутри оказалось светло. Откуда исходил свет, Конан не видел: казалось, это от самих стен исходит неяркое, но ровное красноватое свечение. Варвар закрыл за собой дверь, и тотчас же в нее снаружи что-то ударило, издав чавкающий звук, как будто кто-то с силой бросил в дверь кусок сырого мяса. Киммериец кинул быстрый взгляд через плечо и, не заметив ничего особенного, прошел немного вперед и огляделся.

— Хвост Нергала! — не смог он удержаться от изумленного восклицания.

Действительно, здесь было чем восхититься! Вдоль всех стен шла широкая, с ладонь, полоса, густо усыпанная драгоценными камнями, сверкающими всеми цветами радуги. Столько самоцветов сразу киммериец видел впервые в жизни. Голубые сапфиры, кроваво-красные гранаты, зеленые изумруды всевозможных оттенков — от сочного, как весенняя трава, до благородного, как хвоя, алые рубины, алмазы, искрящиеся холодным стальным блеском, фиолетовые аметисты… От этой сказочной красоты просто глаза разбегались…

Конан наклонился, чтобы рассмотреть камни получше. Они были неограненными, над ними еще предстояло поработать руке ювелира, но и сейчас они потрясали своей чистотой и блеском.

— Карта не соврала, — сказал варвар, выпрямляясь. — Но неужели я первый, кто нашел сюда дорогу?

От этой мысли киммериец похолодел. Он оглянулся, но ничего, кроме ровной, сложенной из камней стены, за его спиной не было. Дверь исчезла… Куда же идти дальше?

Конан сделал несколько шагов вперед и увидел в полу медное кольцо, прикрепленное, по всей видимости, к крышке люка. Он подошел ближе, наклонился, смел рукой пыль и мелкие камешки и действительно обнаружил отверстие, прикрытое деревянным щитом. Варвар потянул на себя кольцо, крышка поддалась, и открылся ход, ведущий куда-то вниз. Крутые ступени, сложенные из того же камня, что и все вокруг, резко уходили вправо и исчезали за поворотом.

— Вперед! Храни меня, Солнцеликий! — подбодрил себя Конан, и стал медленно спускаться, придерживаясь рукой за потолок туннеля.

Примерно через два десятка ступенек ход повернул направо, лестница кончилась,

перейдя в длинный неширокий коридор, в конце которого виднелся вход в подземелье. Свет, озарявший туннель, казалось, не имел источника — он исходил отовсюду и не давал теней ни от камней под ногами, ни от неровностей стен.

Киммериец еще раз поймал себя на мысли, что здесь светится все, даже, может быть, и он сам. Ровное неяркое сияние обволакивало его, как прозрачная вода, насквозь пронизанная солнечными лучами. Пройдя коридор, варвар, нагнув голову, чтобы не ушибить ее о притолоку, вошел в высокий просторный зал. Первое, что бросилось ему в глаза — каменное изваяние величиной в половину человеческого роста, установленное на возвышении, устроенном посреди подземелья.

Конан приблизился, чтобы получше его рассмотреть. Если бы не трудность положения, в котором очутился киммериец, едва ли бы у него хватило сил удержаться от смеха.

Скульптура изображала сидящего на корточках маленького тщедушного человечка с огромной уродливой головой и большими оттопыренными ушами. Этот каменный божок наверняка бы опрокинулся вперед, если бы не опирался на солидные, сделавшие бы честь и слону, принадлежности мужского пола, которые, как третья нога, удерживали его в равновесии.

— Ничего себе! — хмыкнул киммериец, почесывая щеку и уважительно глядя на божка. — Экое счастье тебе привалило, клянусь бородой Крома!

— Да, привалило. Завидуешь, небось? — скрипучим голосом проговорило божество; его каменные веки поднялись, и на варвара уставились два нефритовых глаза.

Происшедшее не очень испугало Конана — он был далеко не робкого десятка, однако внутри ощутил неприятный холодок — скорее от неожиданности, чем от страха.

— Нет, — ответил Конан, не отрывая взгляда от неподвижных глаз божка, — я не завистлив. Что есть у меня, то — мое, а что у тебя — твое. Такая судьба.

— Верно, говоришь, козявка, — согласно проскрипела статуя. — Тогда, если ты всем доволен, зачем разбудил меня?

— Я здесь оказался случайно и даже не предполагал, что попаду к тебе, — попытался разъяснить ему ситуацию киммериец.

— Ха, ха, ха… — Истукан залился смехом, подобным грому, раскаты которого гулко отдавались в каменных стенах подземелья. — Сюда случайно не попадают, и ты об этом прекрасно знаешь.

Божок снова захохотал; тело его так тряслось от смеха, что варвар даже испугался, как бы он, несмотря на три точки опоры, не свалился с пьедестала.

— Может быть, ты хочешь узнать, где чаша Гуйюка? — Истукан наклонился к киммерийцу, устремив свой неподвижный взгляд куда-то вдаль. — Ты хоть и разбудил меня, но и повеселил, и я, так и быть, открою тебе эту тайну. Чаша Гуйюка находится далеко на севере, в тундре, в пещере Красной горы.

— Да на кой она мне? — изумленно пожал плечами варвар. — Я даже не знаю, что это такое.

— Не знаешь? — удивился божок и затряс ушами. — Ничтожный, если ты не знаешь об этом, тогда что тебе от меня надо?

— Я хочу выбраться отсюда, — брякнул Конан первое, что пришло ему в голову.

— Иди! — Божок указал куда-то себе за спину.

Конан посмотрел вперед и увидел дверь в стене подземелья.

— Иди же, козявка, — удовлетворенно повторил истукан. — Сегодня я прощаю тебя, но

если разбудишь меня еще раз, тебе несдобровать.

— Прости, — киммерийцу по-прежнему не давал покоя один вопрос, — но неужели я первый, кто побеспокоил тебя?

— Иди, там увидишь. — Божок сонно опустил веки и застыл.

Конан подошел к двери и отворил ее. Глазам его предстало пасмурное небо и большая каменистая площадка. Он сделал шаг вперед и вдруг застыл на месте — вся площадка была усыпана человеческими костями: и отполированными дождями до белизны, и коричневато-желтыми, совсем старыми, лежавшими, видимо, здесь давным-давно, и почти черными, от малейшего прикосновения готовыми рассыпаться в труху.

Глава третья

Внезапно над головой Конана возник знакомый звук, напоминавший шум орлиных крыльев. Он поднял голову. Прямо на него, выпустив вперед скрюченные когтистые лапы и раскрыв жадный клюв, падала огромная, размером с быка, хищная птица, похожая на гигантских размеров грифа. Из ее разверстой пасти капала зловонная слюна, черный раздвоенный язык извивался, как две змеиные головы.

«Митра, спаситель! Вот отчего здесь столько костей! Да, я далеко не первый…», — промелькнуло в голове варвара.

Он отпрыгнул к стене дома и выхватил меч, намереваясь, если придется, дорого продать свою жизнь.

Чудовищная птица сделала круг над площадкой и, приземлившись в десятке шагов от него, нетерпеливо переступала упругими когтистыми лапами прямо по человеческим костям. Время от времени монстр поводил головой из стороны в сторону, и тогда клочки перьев на его голой жилистой шее вздымались, образуя подобие воротника. Темные глаза, наполовину прикрытые полупрозрачной пленкой, зорко присматривали за добычей.

Конан, прислонившись к стене, ждал, что будет дальше, внимательно следя за действиями гигантского грифа. Дождь продолжал моросить, перья монстра блестели, как отполированный камень. Выждав некоторое время, тварь двинулась к киммерийцу. Ее гигантские крылья раскрылись, как огромные ладони, и охватили все пространство вокруг варвара.

«Как в капкане, — подумал он. — Ну ладно, сейчас посмотрим, на что ты способна, пташечка?»

Птица сделала еще несколько шагов, и тут, совсем неожиданно для нее, киммериец резко бросился вперед. Он сделал три прыжка и, упав на спину, рубанул мечом по опускающемуся на него клюву чудовища. Маневр удался. Надо было обладать силой и ловкостью варвара, чтобы суметь одним махом наполовину укоротить жуткий костистый клюв птицы. Раздался громкий, словно шум водопада, клекот, и монстр взмыл вверх, мотая головой и поливая все вокруг зловонной слюной. Конан вскочил на ноги.

— Ну что, сучий потрох, не любишь? — ликующе закричал он.

Монстр снова бросился на него, но варвар уже приготовился отразить удар.

Он, как змея, выскользнул из-под накрывавших его лап и, точным движением нанеся удар мечом по туловищу твари, выскочил позади нее. Меч отскочил от оперения, как от железной кольчуги, выбив сноп искр. Чудовище, потеряв человека из виду, перебирало лапами, похожими на корни огромного дерева. Киммериец стремительно перемещался позади него, стараясь не попасться ему на глаза, однако маневр ему не удался. Монстр заметил его и, взмахнув крыльями, резко повернулся и ткнул варвара клювом. Он не мог схватить его, поскольку клюв был наполовину обрублен, но мощный удар все же сбил Конана с ног, и он отлетел на несколько шагов в сторону. Птица крутила шеей, выбирая место для следующего удара, и это спасло Конана. Он метнул кинжал, и тот, просвистев в воздухе как стрела, воткнулся в глаз монстра, выбив фонтан бурой жидкости.

Чудовище дернуло шеей, намереваясь попасть в киммерийца, но с одним глазом ему это не удалось. Покалеченный клюв ткнулся в землю рядом.

Варвар, собрав все свои силы, нанес двумя руками удар мечом в самое основание шеи монстра, туда, где стальное оперение не закрывало голую кожу. Из раны хлынула темная масса, чуть не сбившая варвара с ног. Он отскочил в сторону — и вовремя: гигантская тварь билась в судорогах, ее свернувшаяся набок голова описывала круги по земле, сметая клювом кости и мелкие камни. Огромные крылья, словно плуги, вспахивали землю вокруг. Конан отбежал еще дальше от бьющейся в агонии твари, чтобы не оказаться ненароком задетым.

— Благодарю тебя, Митра Животворящий! — Грудь варвара вздымалась как кузнечные мехи — схватка выдалась нелегкой.

Вдруг он почувствовал боль во всем теле и обнаружил, что из многочисленных царапин и порезов, оставленных клювом и острыми перьями чудовища, обильно сочится кровь. В пылу битвы он не заметил ран, но сейчас они дали знать о себе. Моросящий дождь смывал кровь, но она проступала снова, оставляя на теле варвара багровые потеки.

Конан бросил взгляд на издыхающее чудовище. Оно дернуло еще пару раз крыльями и затихло. И тут же и чудовище, и стена, из которой киммериец совсем недавно вышел, и поляна, усеянная костями, — все вдруг стало стремительно съеживаться, как бы отъезжая вдаль, и через несколько мгновений киммериец стоял на покрытой редким кустарником плоской вершине длинного холма, протянувшегося через весь остров, на самом деле, оказавшемся не таким уж большим.

На море, недалеко от берега, дрейфовала оставленная им лодка, и два гребца что-то весело горланили ему во всю глотку.

— Конан! — услышал он возглас и посмотрел вниз, на подножие холма. Шагах в пятидесяти от него стоял Бахтар и махал ему рукой. — Где ты был? — кричал он. — Скрылся в тумане — и ни слуху, ни духу. Мы уж думали, опять пропал.

— Я иду к тебе! — Варвар бегом спустился с холма.

— Где это ты так? — встревожился Бахтар, указывая на многочисленные порезы на теле киммерийца.

— Наверное, пока продирался сквозь кустарник, — мрачно ответил Конан. — Ладно, пошли к лодке, пора возвращаться на корабль.

Они вернулись на «Утреннюю звезду». Варвар никому не рассказал о происшествии, случившемся с ним на острове, рассудив, что не стоит давать людям повод для лишних искушений. Ведь не всем по силам преодолеть то, что выпало ему, а охотников повторить путь к сокровищам может найтись немало.

— Врет твоя карта, — сообщил он Саудану, — островок маленький, и никаких

признаков, что там когда-то были люди.

— Но клады оставляют не только люди, — осторожно возразил капитан.

— А вот от этого надо держаться подальше, — отрезал варвар, — волшба — это не для меня.

Часть пятая

В ГОРАХ СТРАНЫ АМАЗОНОК

Глава первая

Когда Акила со своим караваном приблизилась к подножию гор, обнимающих северный берег моря Вилайет, весна еще только вступала в свои права. Было промозглое, дождливое утро, солнце почти не выглядывало из-за мохнатых серых облаков, быстро несущихся по небу совсем низко над землей. Вершины гор почти сплошь были укутаны этим серым бесконечным покровом.

— Здесь надо двигаться осторожнее, — предупредила ее Паина, — твоя сестричка могла выставить дозоры.

— Сама знаю! — сурово отозвалась Акила. — Поедешь вперед и посмотришь, все ли там спокойно, а мы пока встанем здесь лагерем.

— Можно, я поеду с ней? — спросила Гермия.

— Ну что ж, я не против, если вам вдвоем будет веселее. Но смотрите, не напоритесь на дозор. Сама знаешь, что с тобой сделают, — напомнила она, обернувшись к Панне.

— Не беспокойся, — усмехнулась та, — не первый день живу на свете.

Подстегнув плетками коней, женщины ускакали вперед, по узкой тропинке, огибающей низкие отроги.

— Стой! — скомандовала Акила караванщикам. — Привал. Подождем здесь до завтра.

Лагерь разбили на защищенной от ветра поляне. Мулы и лошади охотно принялись щипать молодую травку, как будто поспешившую вылезти из земли к их приезду, караванщики развели костер и поставили палатки, чтобы укрыться от дождя, а Акила, взяв лук, отправилась на охоту. Она знала, что здесь должны в изобилии водиться горные козы, по мясу которых она соскучилась за время странствий вдали от родной земли.

Акила легко перепрыгивала с камня на камень, пробираясь к видневшимся вдали зарослям кустов, где, как она знала, любили лакомиться молодыми веточками эти чуткие животные.

Когда до кустарника осталось шагов сто — сто пятьдесят, она двинулась крадучись,

прячась за камни, чтобы не спугнуть дичь. Она увидела шевелящиеся ветки и почти сразу разглядела небольшое стадо коз, неторопливо бредущее среди редких кустов, рядами поднимавшихся по склону холма. До стада было еще далековато для уверенного выстрела, и она подобралась поближе. Наконец, выбрав свою цель — коза стояла боком и методично срывала с куста приглянувшиеся ей листья, — Акила наложила стрелу и, натянув тетиву, спустила ее. Стрела попала в цель, но не очень удачно, в заднюю ногу. Коза издала жалобно «ме-е-е», и все стадо помчалось вдаль по склону холма.

Акила огорченно вздохнула, Однако она знала, что козы далеко не уйдут, поэтому пошла вслед за стадом. Охотница шла упругим быстрым шагом, обходя большие камни или перепрыгивая с одного на другой. Близость родных мест, сам воздух этих гор несказанно ее радовал, и даже пасмурная погода не могла испортить приподнятого настроения.

Она была права — стадо отбежало шагов на триста, не более, и вот уже видно несколько коз среди зарослей. Акила вновь стала неслышно подбираться к ним. Коза, которую она ранила, слегка припадала на заднюю ногу: видимо, стрела все-таки серьезно задела ее. Она опять оказалась ближе всего к Акиле. Охотница подкралась поближе к стаду и выстрелила. На этот раз стрела вонзилась точно в цель, животное дернулось, будто пыталось прыгнуть, а затем упало и покатилось вниз по склону холма. Остальные козы, испуганные падением своей товарки, стремглав помчались прочь.

«Одной хватит», — решила королева.

Она прошла шагов пятьдесят, направляясь к тому месту, куда, как она приметила, скатилась коза, и обогнула край холма. Блеснула гладь воды, и Акила поняла, что море совсем рядом. Амазонка сделала еще несколько шагов, и то, что она увидела, заставило ее стремительно броситься на землю. Акила осторожно подползла к большому камню и выглянула из-за него. Ей не померещилось.

Корабль! Совсем недалеко от берега покачивалось на волнах большое двухмачтовое судно, точь-в-точь как те, на которых обычно путешествуют туранские купцы. Если приглядеться, можно заметить расхаживающих по палубе людей и мерные взмахи больших весел.

Корабль явно шел к берегу, но предполагаемая стоянка была скрыта от глаз Акилы изгибом берега. Маловероятно, что царицу могут заметить с корабля, и все-таки осторожность не помеха. Акила внимательно осмотрелась, запоминая, где искать убитую козу. Она решила выяснить, что здесь понадобилось этим туранцам.

Насколько она знала, в этих местах не было ни караванных троп, ни больших городов; не было и людей, кроме ее племени. Женщины-воительницы, которых остальные народы называли амазонками, считали эти земли своими. Время от времени сюда забредали гирканские кочевники, тогда между ними и амазонками случались боевые столкновения. По-разному бывало. Иногда расходились мирно, постреляв, издалека друг в друга из луков, в лучшие времена снисходили до разговоров и, случалось, даже до обмена товарами. Однако это происходило редко.

У амазонок было все необходимое для жизни, и они не стремились к общению с этими двуногими животными — мужчинами. Однако кое-чего им все же не хватало — железа. Мечи, стальные наконечники копий и стрел, топоры — все это приходилось покупать в других странах. Поэтому, время от времени, снаряжались караваны к побережью, бывало, что посланцы женщин-воительниц доходили до самого Султанапура и договаривались с тамошними купцами, иногда, огибая горы с севера, они шли в Меру или Дамаст, но так или

иначе, если в этих водах появлялся корабль, можно было с уверенностью сказать, что он везет оружие или железные полосы.

Акила, стараясь держаться кустарника или каменных осыпей, чтобы не заметили с корабля, довольно долго бежала по склонам холмов, но соревноваться в скорости с парусно-весельным судном ей было не под силу. Купец уходил все дальше и дальше на север.

Она совсем отчаялась узнать, куда он идет, как вдруг ей показалось, что отрыв стал сокращаться. Так и есть, судно остановилось, и она увидела, как на его скуле блеснула якорная цепь.

— Спасибо тебе, Митра Животворящий! — прошептала Акила. — Легли в дрейф…

Она решила возвратиться к биваку, тем более что уже смеркалось. Бросив последний взгляд на судно, одиноко маячившее на бесконечной глади моря, она побежала обратно. Ей повезло. Ни лисы, ни шакалы еще не успели добраться до убитой ею козы, так, что охота не была напрасной. Акила взвалила неостывшую тушу на плечи и, легко ступая по земле и больше ни от кого не таясь, побежала к лагерю.

— Где ты была? Мы уже забеспокоились! — встретили ее Паина и Гермия, которые, очевидно, уже давно вернулись в лагерь.

Акила сбросила козу и кивнула караванщикам.

— Приготовьте к ужину! А что у вас? — обратилась она к подругам, хватаясь за кувшин с вином (целый день во рту — ни капли). — Новости есть?

— Послушай, королева, — взяв ее под руку и отведя в сторону, начала Паина, — мы видели отряд: две десятка всадниц и очень много порожних вьючных лошадей. Очень похоже, что…

— …Что пришел корабль с оружием, — договорила за нее Акила. — Да, я только что видела его в море. А ты не догадываешься, кому привезли это оружие?

— Если не нам, значит, его заказала Бризейс, — с легкой обидой в голосе ответила Паина, — Надо быть круглой дурой, чтобы не догадаться.

— Правильно. — Акила примирительно погладила ее по плечу. — Хотелось бы знать, когда они начнут разгрузку.

— Мы видели отряд вот здесь. — Паина выбрала ровный клочок земли и клинком принялась чертить на песке подобие карты. — И это было далеко за полдень. Наверное, завтра к вечеру они доберутся до корабля.

— Значит, завтра или послезавтра они получат оружие. Их человек двадцать… — задумчиво сказала Акила.

— Напасть на караван? Это самоубийство…

— Помолчи! — буркнула королева амазонок. — Дай подумать…

— Ты хочешь захватить судно? — догадалась ее подруга.

— Угу, — усмехнулась Акила. — Ночью можно перебить охрану, если ее выставят, а остальных запереть в трюме.

— Ничего у вас не выйдет, — проговорила молчавшая до этого момента Гермия.

— Это почему же? — с вызовом произнесла королева.

— На этом корабле плывет Конан, — усмехнулась Гермия.

— Конан?! — в один голос воскликнули Паина и Акила. — Откуда ты знаешь?

— Я видела в Султанапуре, как он садился на этот корабль.

— Почем ты знаешь, что… — начала Акила, но тут в ее мозгу сверкнула догадка. — Уж не тот ли это мужчина, с кем ты не прочь встретиться еще раз?

— Может быть, и он, — вызывающе ухмыльнулась Гермия, — но не в этом дело.

Паина переводила взгляд с одной женщины на другую — их глаза пылали, и казалось, они готовы растерзать друг друга. Она встала между ними, раскинув руки.

— Да, ты права, — тяжело дыша, медленно проговорила Акила. — Дело не в этом. Ты точно знаешь, что это тот самый корабль?

— Ничуточки не сомневаюсь, — отрезала Гермия и, круто повернувшись, направилась к костру, где караванщики уже поворачивали над огнем освежеванную добычу Акилы.

Глава вторая

— Мне донесли, что сестричка направляется сюда, дабы отнять у меня трон! — Бризейс, вертя в руках царский посох, прохаживалась перед сидящими на длинных лавках командирами отрядов — воительницами с суровыми, но не лишенными красоты лицами, со следами былых сражений на мускулистых телах. Они одновременно поворачивали головы и смотрели в спину королеве, пока она шла в дальний угол зала, потом — в лицо, когда она приближалась, и опять поворачивали головы.

Даже среди амазонок, отнюдь не маленького роста, Бризейс выделялась статью и ростом.

— Так вот, — продолжала королева, — через несколько дней придет корабль. Я уже послала к берегу караван, потом радо будет раздать оружие. Надеюсь, все вы будете верны мне, и никто не перейдет на сторону Акилы. Или я ошибаюсь?

Она сверлила их взглядом, не сулившим ничего доброго отступницам. Командиры выдержали свирепый взор своей повелительницы. Здесь, в суровом краю, междоусобицы были не в чести, и верность правительнице почиталась за благо. Правда, Бризейс сама организовала свержение родной сестры — законной королевы, но тем не менее амазонки служили, не щадя ни сил, ни жизни, той властительнице, которая сидела на троне в данный момент. Далеко не все были довольны ее правлением, иные глухо роптали, но открыто высказываться против не решался никто.

— Девочек этого года придется выпустить раньше, чем пройдет срок их совершенствования. Этим займешься ты, Кунильда. — Королева ткнула посохом в сидящую с края женщину.

— Но, светлейшая, — опешила та, — наши обычаи…

— Сейчас не время думать об этом! — перебила Бризейс, гневно стукнув посохом о каменный пол — с такой силой, что брызнули искры. — Мне нужно сильное войско, и сорок бойцов лишними не будут.

Командиры опустили глаза, чтобы не встречаться взглядом с разгневанной королевой. Вряд ли большинству из них нравилось, что она идет наперекор древним обычаям племени. Девочек, достигших пятнадцатилетнего возраста, отправляли на северные холмы — обширные пустоши, покрытые вереском и густыми зарослями кустов. Там в изобилии водилась дичь, но хватало и хищного зверья. Девочек оставляли одних. У каждой были праща и нож, и ничего больше. Осенью забирали выживших. Девушки должны провести на холмах

еще полгода — самые, может быть, главные полгода, решающий период воспитания, который позволит им войти в общество взрослых полноправными воительницами.

Командиры угрюмо молчали, но никто не проронил ни звука.

— Вот так-то лучше, — удовлетворенно процедила Бризейс. — А теперь расходитесь по своим отрядам и ждите приказов. Хемилья и Оримби, задержитесь.

Женщины встали и направились к выходу. Проходя мимо королевы, каждая склоняла голову — прощалась.

— Я вижу, у нас появились недовольные, — сообщила Бризейс двум оставшимся в зале женщинам. — Поэтому кое-кого придется проучить, чтобы остальным было неповадно. Кунильду сегодня ночью приведете в подземелье, я с ней поговорю.

Хемилья и Оримби пользовались особым доверием королевы, первая командовала ее личной гвардией, а второй подчинялись все шпионы, которыми Бризейс наводнила страну за время своего правления. Обе женщины были преданы ей, как собаки своему хозяину и готовы разорвать в клочья любую, кто осмелился идти против повелительницы.

— Мы ее отучим возражать, — с кривой усмешкой сказала Хемилья и любовно потрогала висевшую на поясе короткую толстую плеть.

— Ступайте, — отпустила их Бризейс и, оставшись одна, присела на скамью.

Открылась потайная дверца в стене, и в зал вошла старуха с морщинистым, как сушеная смоква, лицом. Седые волосы были собраны на затылке в пучок, придавая голове еще большее сходство с этим фруктом. Тело было сухощавым и жилистым, оно еще сохраняло признаки былой силы.

— Что слышно, Питфея? — спросила королева, указывая на скамью рядом с собой.

Старуха по привычке огляделась по сторонам и, склонившись к уху королевы, зашептала:

— В третьем отряде несколько молодых высказывались против тебя и вспоминали твою сестру.

— Имена?

— Вот, — старуха вытащила из рукава рубахи свиток.

— Хорошо, давай дальше, — потребовала королева.

— Оримби…

— Оримби?! — воскликнула королева, вздрогнув от неожиданности.

— Да, моя повелительница, — продолжала старуха, — Оримби. Она вчера тайно встречалась с командиром пятого отряда Рунитой, той самой, что дружила с Акилой. Мы за ней следим, но пока не узнали ничего предосудительного. Однако зачем ей, спрашивается, встречаться с Оримби?

— Хорошо, я это запомню, а ты следи за ними, и в случае чего немедленно доноси.

Когда старуха ушла, Бризейс еще долго сидела в одиночестве и размышляла.

«Не доверяй никому, иначе кто-то обязательно предаст, — говорила она себе. — Даже Оримби! Мои глаза и уши… — Холодок пробежал по телу королевы. — Неужели и она против меня? Надо хорошенько следить за ней… А может, просто заманить в подвал и пытать, пытать, пытать… — Она в ярости сжала кулаки. — …Пока не скажет правду! Ладно, с этим можно немного обождать. Акила еще далеко, время пока есть».

Вроде бы все в государстве было спокойно, но, тем не менее, шпионы ежедневно доносили повелительнице о крамольных речах ее подданных. Бризейс до поры до времени не проявляла своей осведомленности, не хотела настраивать против себя народ, только

сосредоточенно внимала всему, о чем докладывали соглядатаи, и заносила имена в особый секретный свиток. У нее был план: всех, кто окажется в этом списке, собрать в один отряд и перед появлением сестры отослать подальше, на границу с Меру. Когда же голова Акилы украсит собою длинный заостренный шест, королева призовет ненадежное войско обратно, и никто даже не пикнет, когда она будет решать, какой смерти они достойны.

* * *

— Я считаю, тебе надо проникнуть на борт и поговорить с Конаном, — сверкнув глазами, сказала Паина. — Ведь раньше вы с ним прекрасно находили общий язык.

— Заткнись! — вспыхнула Акила. — Опять забываешься! Сама знаю, что делать.

Королева хмурила лоб и, сжав кулаки, большими шагами мерила поляну. Она сама оттолкнула киммерийца, и теперь гордость запрещала идти к нему с просьбой, Гордость женщины и гордость королевы! Но она так же хорошо понимала, что мерзавка Гермия права — Конана им не одолеть, даже если они нападут втроем, а уж победить целый отряд и вовсе нереально.

— Что тут такого — обратиться к нему с просьбой! — дерзко продолжала Паина. — Он же любит тебя и сделает все, что захочешь.

— Почем ты знаешь? — ехидно спросила Гермия.

— Обе заткнитесь! — закричала Акила, прижав ладони к ушам. — Я сказала, заткнитесь! Трещите, как сороки…

Караванщики, улегшиеся спать на дальнем краю поляны, за гаснущим костром, недовольно забормотали.

— Тихо! — прикрикнула на женщин Акила, будто это они подняли шум. — Паина, лучше подбрось веток в костер!

Паина, бурча под нос, подчинилась, и вскоре над костром вновь заплясали языки пламени, выхватывая из темноты взволнованные женские лица.

«Боги, помогите мне принять решение!»— молила королева.

В ней боролись чувство долга и боязнь унизиться перед киммерийцем, которому в Стигии она прямо сказала, что рядом с ней нет места мужчине.

«Нет, этого я понять не могу! — мрачно размышляла Паина. — Разве можно отдавать мужчине сердце, чтобы потом терпеть такие страдания? Кому это нужно? Мужчина — просто двуногая тварь, он может сделать тебе ребенка, но больше ни на что не годен… Ну, разве что в рабы, да и то хлопот не оберешься. Не понимаю Акилу, не понимаю! Конечно, этот Конан не такой, как все, он несколько раз спасал Акилу в пути — и в пустыне, и в Джанагаре… Но ведь он всего-навсего мужчина!»

«Пожалуй, мне пора действовать самостоятельно, — думала между тем Гермия. — До Страны амазонок я добралась, а кто победит в их междоусобице, мне в высшей степени безразлично. Пожалуй, лучше, если это будет сестрица Акилы. Как-никак, в ее руках сейчас власть… Значит, надо браться за дело!»

Неожиданно Акила и ее подруга почувствовали, как на них навалилась огромная тяжесть, веки точно свинцом налились, и очень скоро их поглотил мертвый сон.

— Вот и хорошо, полежите, пока я с вами разберусь. — Гермия легко поднялась и подошла к спящим караванщикам. — Да и вам не помешает заснуть покрепче. — Сделав над ними несколько плавных пассов руками, она направилась к лошадям.

Колдунью не пугала ночная поездка, в темноте она видела не хуже, чем в ярком свете. Лошадь, ведомая твердой рукой, рысью бежала вдоль подножия холма по узкой, полузаросшей травой тропе, к темнеющим вдали горам — там, по словам Акилы, встал лагерем караван, присланный Бризейс за грузом оружия.

Гермия была довольна собой, даже напевала вполголоса давным-давно услышанную песню. Было тихо, только временами налетал ночной ветерок и шумел в кронах деревьев, которые небольшими купами возвышались над низким кустарником. Внезапно острый слух Гермии уловил тишайшие звуки, их источник находился где-то впереди. Колдунья прислушалась: так и есть, в ее сторону направляется всадник.

— Что ж, поглядим! — Она спешилась и, взяв кобылу под уздцы, отошла в тень ближайших деревьев.

Скоро на сером фоне облачного неба показался силуэт. Всадник осторожно пробирался по тропе в сторону лагеря, только что покинутого колдуньей.

«Так, — определила Гермия, — женщина. Уж не к моей ли слонихе она направляется? Что ж, — хихинула она, скрипнув зубами, — интересно посмотреть, умеет ли она летать».

У коня вдруг подломились передние ноги, застигнутая врасплох амазонка перелетела через его голову и упала на землю. Не дожидаясь, когда она поднимется на ноги, к ней подскочила Гермия и приставила кинжал к горлу.

— Говори, мерзавка! Что тебе здесь нужно? Ты ищешь Акилу?

— Ты на ее стороне? — обрадовано воскликнула пленница, совсем еще юная девушка. — Я должна найти королеву Акилу и помочь ей встретиться с ее сторонницами. Недалеко отсюда наше становище, и там есть женщины, которые сочувствуют Акиле. Но это должно остаться тайной до тех пор, пока мы не заберем оружие с корабля. Нас немного, но если я приду с Акилой, мы победим сторонниц Бризейс.

— Я сама приведу Акилу, — пообещала Гермия. — Ты мне не нужна.

Девушка хотела возразить, но нож Гермии полоснул по ее горлу. Колдунья подержала голову жертвы несколько мгновений, чтобы та не дернулась и не забрызгала ее кровью, потом, убедившись, что амазонка не шевелится, приникла ртом к ране и долго наслаждалась вкусом теплой крови.

Насытившись, Гермия оттолкнула труп.

— Доставайся шакалам, тварь!

Колдунья вновь вскочила в седло и тронулась, напевая под нос все ту же песенку.

Глава третья

— Ты уверен, что мы пришли, куда хотели? — спросил Конан. — Что-то я на берегу никого не вижу…

— Не волнуйся, старый моряк не подведет. Может быть, они еще не подошли. Амазонки

далековато отсюда живут. Мы договорились встретиться именно здесь, видишь вон ту скалу, — Саудан указал рукой на берег, — похожую на верблюда?

— Вижу, — кивнул киммериец, очень не любивший ждать.

Сюда они добрались еще вчера днем и долго шли вдоль берега, пока Саудан не велел остановиться. Теперь надо ждать, когда придут покупатели… то есть покупательницы. Делать нечего, товар заказной, не везти же обратно. Тем более, что половину денег за него Саудан должен был получить здесь, на месте. На этом, собственно, почти заканчивалась работа Конана.

Обратно «Утренняя звезда» пойдет налегке, со свистом, как говорил ему Саудан. Варвар и сам понимал это, в море он выходил далеко не в первый раз.

Он повел вокруг ленивым взглядом: кромка горных вершин на севере и бесконечная зеркальная гладь со всех остальных сторон. Стоял полный штиль, взошедшее солнце отражалось в воде мириадами лучиков, и море искрилось, как драгоценный самоцвет.

Было тепло, нудный дождь, моросивший в последние дни, напоминал о себе только легкими струйками испарений над палубой, заставлявших дрожать контуры гор и берега.

— Хорошая погода, — радостно отметил Саудан, — по старому поверью, если приходишь на место в штиль — это к удаче, клянусь Вечноживым Таримом!

— Посмотрим, — буркнул киммериец, который не очень-то верил в приметы. Сколько раз в его жизни случалось так, что, по приметам, вроде все должно выйти как нельзя лучше, а на деле выходит совсем наоборот.

— Идут — донесся крик дозорного из бочки.

— Ну вот, а ты сомневался! — спустился с мостика еще более повеселевший Саудан.

Конан пригляделся и увидел, как из-за ближайшего холма выползает длинная вереница лошадей, сопровождаемых несколькими вооруженными всадниками.

«Неужели я сейчас увижу Акилу?»

В это слабо верилось.

— Ну что, идемте — нетерпеливо спросил он капитана.

— Подожди, — остановил его тот. — Сейчас привезут лоцмана, она подведет корабль к берегу. Я не знаю прохода, могу напороться на мель.

Лодка птицей понеслась к берегу и вскоре возвратилась.

Киммериец перегнулся через борт, надеясь, что лоцманом окажется Акила, хотя и понимал, что не царское это дело — водить суда. Так и получилось — вместе с гребцами в лодке сидела высокая загорелая женщина, лишь овалом лица и полными губами слегка напоминавшая его возлюбленную. Варвар, зная, как обстоят дела в этом государстве, не решился лезть к ней с расспросами, тем более что сурово сжатые губы и ледяной взгляд, которым она окатила вылупившихся на ее прелести матросов, не особо располагали к беседе.

Женщина поднялась на мостик и, повинуясь ее звонким и отрывистым командам, «Утренняя звезда» медленно-медленно поползла к берегу. Чем ближе становилась береговая полоса и различимее — женщины, расположившиеся в ожидании корабля, тем меньше надежд оставалось у киммерийца на встречу с Акилой.

Когда «Утренняя звезда» встала на якорь в пятидесяти шагах от берега, едва не «поцеловавшись» с оконечностью каменного мыса, варвар окончательно убедился, что Акилы здесь нет.

«Надо осторожно разузнать, для кого предназначается оружие», — решил он, сбегая по сходням на мыс.

Однако как ни пытался киммериец обратить на себя внимание женщин, снимавших с коней тюки, чтобы уложить в них оружие с «Утренней звезды», как ни восхищался вслух их фигурами, вооружением и прочими достоинствами, его не удостоили и взглядом.

Мужчины, даже такие могучие и красивые, как Конан, для них попросту не существовали.

Варвар, отчаявшись что-либо разузнать, вернулся на корабль и, спустившись к себе в каюту, решил немного подождать, хоть и понимал в душе, что ждать особо нечего.

Предводительница женщин и Саудан отправились в капитанскую каюту, подальше от людских глаз — пересчитывать монеты, а матросы приступили к выгрузке оружия из трюмов «Утренней звезды».

В это время из-за ближайшего холма показалась всадница на вороном коне, ведущая в поводу двух лошадей с чем-то вроде тюков на спинах. Грузчицы дружно оторвались от работы и воззрились на вновь прибывшую — молодицу с рассыпанными по плечам черными локонами, в белых шароварах и белой же блузе. Оставив вьючных коней в некотором отдалении, она спокойно приблизилась к судну.

— Кто ваш командир? — спросила она твердым, властным голосом.

— Она на корабле, — ответила одна из амазонок. — А ты кто такая?

— После узнаешь! — усмехнулась незнакомка. — Быстро пошли кого-нибудь за ней.

Женщины-воительницы не привыкли к такому тону. Одна из них выступила вперед и с угрозой произнесла:

— Ты на нашей земле, и здесь приказываем мы! Слезай и иди сюда!

Всадница даже не шелохнулась. Впилась своими черными, как уголь, глазами в амазонку и, почти не разжимая губ, повторила:

— Я просила послать кого-нибудь за командиром. С ней и буду говорить.

Было в ней что-то, что заставило обступивших ее амазонок немедленно выполнить просьбу — или, скорее, приказ. Одна из женщин сбегала за командиром отряда. Та появилась, недовольная тем, что ее оторвали от дела, и достаточно грубо спросила незнакомку:

— Ну, зачем я тебе?

— Хочу поговорить, — ответила брюнетка, — но давай отойдем в сторонку.

Они отошли и довольно долго разговаривали. Амазонки, видя, что дело застопорилось, решили не терять времени, развели костер и стали жарить на нем привезенные с собой большие куски мяса. Сидя у огня, они время от времени оглядываясь на своего командира и черноволосую гостью.

Глава четвертая

Матросы, радуясь передышке, дружной гурьбой вернулись на корабль

— Давайте по кружечке, — предложил один, и все спустились в трюм промочить горло.

Все опустело: и каменный мыс, и палуба «Утренней звезды», по которой только что сновало множество людей, и берег, остались только группа девушек у костра да небольшая

куча выгруженных металлических полос на желтоватом песке. Между тем две женщины продолжали разговор:

— Посмотри, кто со мной. — Брюнетка подошла к вьючным лошадям и откинула кошму, которая прикрывала ношу одной из них.

С уст воительницы сорвался изумленный возглас:

— Это же Акила! Как тебе удалось поймать ее?

Она не ошиблась, через седло было перекинута Акила. Ее руки и ноги были связаны под лошадиным животом, изо рта торчала грязная тряпка. Почувствовав свет, она открыла глаза и замотала головой, потом напряглась, пытаясь высвободиться. Могучие мускулы напряглись, веревки впились в тело, но ничего не получилось: колдунья связала ее крепко.

— А здесь кто? — спросила предводительница, указывая на вторую лошадь.

— Паина, — ответила Гермия.

— А где остальные подруги Акилы?

— Последние легли костьми в пустынях Шема, — ответила колдунья. — Но не в этом дело. У тебя в отряде измена. Мне известно, что несколько женщин сочувствуют Акиле и хотят, перебив остальных, завладеть оружием с «Утренней звезды».

При этих словах Акила еще раз дернулась в своих путах и что-то произнесла, но кляп превратил слова в мычание. Конь, ощутив движение поклажи, забеспокоился.

— Стой! — придержала его под уздцы колдунья, а Акилу ударила плетью по плечам, да так, что багровая полоса перечеркнула загорелую кожу королевы. — Лежи смирно, потаскуха, а то получишь еще!

Акила замолчала, и только блеск ее светло-серых глаз выражал такую жгучую ненависть, что предводительница амазонок невольно отвела взгляд.

— Как же мне узнать, кто замыслил измену? — наморщила лоб командир.

— Выбери тех, в ком уверена абсолютно, — посоветовала Гермия. — Остальных надо обезоружить, а потом разберешься.

— Пожалуй, ты права, — решилась предводительница. — Я так и сделаю.

— Только надо действовать очень осторожно, чтобы они ничего не заподозрили, — предупредила колдунья. — А эту неудавшуюся королеву отвезем к Бризейс, пусть она сама придумает ей наказание.

Командир усмехнулась, она прекрасно знала, что ждет пленницу: жестокие пытки, а потом смерть на каменном алтаре. Махнув рукой, она повернулась, чтобы идти к своим женщинам. В это время Акиле удалось-таки выплюнуть тряпку, она изогнулась, как натянутый лук и, повернув голову к колдунье, прорычала:

— Мерзавка! Предательница! Подожди, я еще возьму верх, и ты проклянешь то мгновение, когда шлюха, которую ты называешь своей матерью, произвела тебя на свет!

— Заткнись! — Гермия еще раз протянула Акилу плетью и, подобрав кляп, снова заткнула ей рот, несмотря на яростные попытки освободиться от пут.

Крики Акилы услышали у костра. Некоторые воительницы вскочили и схватились за оружие, но остановились в замешательстве, не зная, как быть. Королева явилась нежданно-негаданно и, сама того не желая, разрушила их план.

— Вот вы себя и выдали! — злорадно прошипела предводительница, подбегая к костру. — Взять их! — скомандовала она остальным, указывая на вставших.

Это оказалось не таким простым делом. Хотя изменниц и было вдвое меньше, чем сторонниц Бризейс, они, встав спина к спине, решительно отражали выпады своих бывших

подруг, намереваясь дорого продать свою жизнь.

Отбиваясь, они медленно отступали по каменному мысу к кораблю. На узкой полосе нападавшие не имели преимущества в маневре, но все-таки численное превосходство позволяло им теснить заговорщиц к «Утренней звезде».

Все произошло довольно быстро, так что двое вахтенных матросов, пригревшихся под ласковыми лучами полуденного солнца, сообразили, что происходит, лишь когда девушки попрыгали на корабль и сбросили в воду сходни. Матросы бросились к люкам трюма с криками:

— Тревога! Все наверх!

Однако эти возгласы запоздали. Две воительницы столкнули вахтенных в трюм и с помощью подоспевших подруг задраили люки.

— Якорь наверх! — скомандовала старшая.

Две девушки выбирали якорную цепь, а остальные прикрывали их щитами от стрел, которыми осыпали их с мыса бывшие подруги, сохранившие верность Бризейс. Из трюма слышались крики и ругань матросов вперемешку с глухими ударами весел в крышки люков, но дерево на «Утренней звезде» было хоть и старым, но крепким.

Конан лежал на своем рундуке, заложив руки за голову. Он был погружен в раздумья, а потому не сразу понял, что наверху происходит что-то необычное. Он выскочил из каюты и попытался выбраться на палубу, но люк оказался задраен снаружи. За переборкой вопили матросы, мощные удары сотрясали корпус судна. — Что там творится, Нергал мне в печень? — гаркнул киммериец и навалился плечом на крышку люка. Та заскрипела, но выдержала. Киммериец покрутил головой, но не увидел ничего подходящего для взлома.

— Рога Нергала! — Он разбежался, насколько позволяла ширина каюты, и всем телом обрушился на доски.

Раздался треск, в крышке люка появилась щель. Киммериец повторил прием, трещина увеличилась. С третьего удара крышка развалилась на две половины, и Конан вместе с ними вылетел из каюты и растянулся на палубе.

Увиденное привело его в ярость: «Утренняя звезда» горела — это нападавшие, боясь упустить изменниц, обстреляли корабль огненными стрелами.

Несколько юных воительниц металось по палубе, пытаясь загасить пламя, Берег постепенно удалялся от них, легкий ветерок уносил судно в открытое море. Удары по палубе из трюма и яростные крики матросов, почуявших дым, довершали картину разгрома.

Амазонки, увидев Конана, прекратили борьбу с огнем, столпились на баке и приготовились встретить нападение киммерийца. Ему же было не до них. Он откинул рангоутное дерево, подпиравшее крышку люка, и на палубу высыпали озверевшие матросы. Среди них оказался и капитан.

— Что происходит? — заорал киммериец.

— Сам не понимаю, клянусь Эрликом! — горестно развел руками капитан, глядя, как огонь пожирает его корабль. Матросы, столпившись около варвара, ожидали его приказа, но сами не решались нападать на ощетиненную оружием группу амазонок.

— Шлюпки на воду! — велел киммериец матросам, махнув рукой, а сам направился к воительницам, подняв руки. — У меня нет оружия, — крикнул он. — Я вам не угрожаю! Объясните, в чем дело!

От группы отделилась девушка и, сделав два шага вперед, воскликнула:

— Это наши проблемы, и тебя они не касаются!

— Хорошенькое дело — не касаются! — проворчал Конан. — Вы же сожгли наш корабль!

Действительно, корма «Утренней звезды» пылала как костер, нос еще не занялся, но уже не было никакой надежды спасти судно. Матросы торопливо спускали шлюпки и прыгали в них. Саудан метался по палубе и отдавал приказания.

— Это не мы, — указывая на горящую корму, за которой в дыму был едва различим берег, прокричала воительница, — это сторонницы Бризейс!

— А вы-то чьи? — удивился в свою очередь киммериец.

— Мы за Акилу! — сообщила девушка.

— За Акилу?! — взревел варвар. — Где она?

— Там, на берегу, — ответила амазонка. — Королева попала в плен.

— Копыта Нергала! — выругался киммериец. — Тогда быстро со мной на берег! Надо выручать Акилу.

Шлюпки, переполненные матросами, гребцами и амазонками, в общем, всеми, кто уцелел в огненном кошмаре, которым обернулась «Утренняя звезда», направились к берегу. Те, кому не хватило места на шлюпках, плыли рядом, держась за борта. Саудан со слезами на глазах неотрывно смотрел на пылающий в море костер.

— Чтоб вас, потаскухи! Какой корабль загубили! — проклинал он воительниц, прижимая к животу кожаный мешочек с монетами, который все-таки ухитрился с риском для жизни вынести из своей каюты.

Матросы дружно налегли на весла, и лодки понеслись к берегу. Сторонницы Бризейс, столпившиеся у кромки прибоя и наблюдавшие за гибелью «Утренней звезды», всполошились, увидев, что спасшиеся с горящего корабля значительно превосходят их числом. Амазонки заметались по берегу, хватаясь за тюки и выгруженное оружие, надеясь спастись бегством, пока шлюпки не достигли суши. Конан с развевающейся по ветру гривой волос стоял на носу передней шлюпки и сжимал в руке меч, ему не терпелось ринуться в бой, он кипел от гнева и готов был разорвать на части любого, кто осмелится встать на его пути. Позади раздался треск, и все оглянулись: это рухнула, взметнув тысячи искр, грот-мачта. Остатки «Утренней звезды» обреченно покачивались на волнах.

— Эх! — вздохнул убитый горем Саудан, и по его щекам покатились крупные слезы.

— Давай, ребята, Давай — молил Конан матросов, которые и так старались изо всех сил. — Не успеваем, Нергал мне в кишки! — горестно выдохнул он, увидев, что цепочка конников и вьючных лошадей растянулась и все дальше отползает от берега.

Хотя до цели оставалось не более двухсот шагов, было уже ясно, что преследователи не догонят караван: воительницы увели всех лошадей. Когда нос шлюпки ткнулся в песок, киммериец соскочил на берег, но успел увидеть вдали, между двумя склонами, лишь последнюю лошадь уходящего каравана.

— Охвостье Нергала! Мерзкий змей Сет! — От злости он чуть ли не наполовину воткнул в песок меч. — Не успели!

Матросы выбрались на берег и в ожидании распоряжений столпились вокруг Конана и Саудана. В сотне шагов стояли девушки-амазонки, чье бегство на корабль невольно послужило причиной его гибели. Они хмуро смотрели на мужчин, которые вытаскивали из шлюпок то немногое, что удалось спасти от пламени. На берегу валялись железные полосы и даже кое-какое оружие, которое беглянки не успели собрать в спешке.

Конан пришел в себя, вложил в ножны бесполезный в этой ситуации меч и хмуро бросил

Саудану:

— Капитан, собери, что у нас осталось: оружие, провиант — все, что есть. А я поговорю с этими красавицами.

— Что с ними говорить? — закричал кто-то из матросов. — Спровадить на Серые Равнины, но сначала хорошенько ими попользоваться. — Он прищелкнул языком. — Будут знать, как прыгать на чужие корабли!

— Попробуй, — усмехнулся Конан, знавший этих женщин не понаслышке. — Иди, возьми какую-нибудь из них, — предложил он, махнув рукой в сторону девушек, которые, сообразив, что речь зашла о них, обнажили клинки.

Матрос посмотрел на воительниц повнимательнее, и желание позабавиться с ними вмиг пропало.

— Да нет, это я так, пошутил… — промямлил он под дружный смех товарищей.

— Ну и хорошо, шутка нам сейчас не помешает, клянусь Кромом, — ободряюще ухмыльнулся Конан и направился к женщинам.

Те угрюмо и настороженно смотрели на него. Шагах в десяти от них киммериец остановился и, подняв руку, произнес:

— Обстоятельства сложились так, что нам лучше действовать сообща. По крайней мере, — добавил он, — нам нет нужды враждовать. Мало будет проку, если мы перебьем друг друга. Я хочу поговорить с вашей предводительницей. Подумайте, а когда решите, позовите меня. Я обещаю, что в любом случае мы не причиним вам зла.

Варвар повернулся и пошел обратно. Он не опасался удара в спину, так как знал амазонок — в частности, знал, что им знакомо слово «участь».

Глава пятая

— Теперь надо решить, что делать дальше, — обратился он к Саудану.

— У нас осталось пятьдесят шесть человек, — хмуро сообщил ему бывший капитан, — из них тридцать невольников с гребной палубы, — слегка понизив голос, добавил он. — Оружия хватит человек на двадцать, не больше. Провизия сгорела почти целиком. Так что соображай, что здесь можно предпринять.

Варвар присел на камень и, подперев голову руками, задумался. Положение было не из приятных, и огорчало больше всего то, что он не успел спасти Акилу, и теперь ее везут на расправу к Бризейс. Нехватка еды — не проблема: в лесу и горах дичи полно, и только ленивый не сумеет добыть пищу. Главное — найти лошадей, потому что пешком караван не догнать.

— Конан! — прервал его раздумья Бахтар. — Красотки хотят с тобой поговорить.

Киммериец поднялся на ноги и посмотрел на амазонок. Одна из них — должно быть, предводительница — махала рукой. Конан направился к ней.

— Откуда ты знаешь нашу Акилу? — спросила девушка.

— Я провел с ней несколько недель, — ответил киммериец, — и с тех пор она мне не чужая.

— Подумаешь! — фыркнула девушка, по-своему истолковав его слова. — Каждая из нас рано или поздно бывает с мужчиной, но это ничего для нас не значит.

— Для вас — может быть, но не для меня, — мягко ответил варвар. — Однако у нас нет времени для пустой болтовни. Я хочу спасти Акилу и спасу ее. Если желаете помочь, то нам есть о чем поговорить, а если не желаете, то катитесь на все четыре стороны.

Он повернулся и двинулся назад, но девушка не сочла разговор законченным.

— Мы вам не доверяем, но у нас нет другого выхода, — сказала она ему вдогонку. — Подойди поближе, я хочу тебе кое-что рассказать.

Киммериец вернулся к амазонке, которая стояла, слегка расставив ноги и напряженно глядя на него. Она была одета, как и ее подруги, в рубаху без рукавов и короткие кожаные штаны, обмотки из оленьей шкуры защищали длинные стройные ноги. Девушка была выше ростом, чем большинство матросов-туранцев, а ее развитые мускулы могли вызвать зависть у любого из оставшихся у Конана солдат.

Холодные серые глаза, словно ледяные кристаллы, сверкали на загорелом обветренном лице, а еще на нем выделялись яркие сочные губы.

«Девчонка не лишена приятности, стройна, и грудь крепкая. Пожалуй, без одежды она: еще краше», — невольно усмехнулся про себя варвар.

Даже в таких обстоятельствах киммериец не мог оставить без внимания женские прелести.

Воительница почувствовала, как варвар раздевает ее взором, и, вспыхнув, откинула со лба пепельные волосы, но продолжала надменно смотреть ему прямо в глаза. Этот взгляд напомнил киммерийцу Паину — верная подруга Акилы, с которой Конан сражался бок о бок, тоже испытывала к нему чувство, весьма напоминающее ненависть.

— Ты собиралась что-то рассказать, — напомнил девушке варвар.

— Если ты и вправду хочешь помочь нашей королеве… — начала девушка, но Конан нетерпеливо перебил:

— Это я уже говорил! Ближе к делу.

— Где-то недалеко отсюда караван с оружием, который Акила привела из Турана. — Серые глаза неотрывно смотрели на киммерийца, видно было, что разговор с мужчиной дается амазонке нелегко, — там много коней, но надо торопиться. Королева в плену, и караванщики могут повернуть обратно, ведь тут больше делать нечего.

— Это здорово! — встрепенулся варвар. — Сейчас же и пойдем.

Он вернулся к Саудану и его людям.

— Капитан, заночуем здесь. Пошли кого-нибудь на охоту, наверное, тут полно всякой дичи. Я возьму Бахтара и еще двоих, и надеюсь, завтра мы вернемся с лошадьми и оружием. Тогда и решим, что делать.

— Хорошо, — кивнул Саудан, все еще не пришедший в себя после гибели судна. — Будем ждать.

— Будьте осторожны, — предупредил киммериец. — Эти девицы могут вернуться и напасть на вас. И если они застигнут вас врасплох, я и дохлой мыши не поставлю на вашу жизнь, клянусь Кромом! Я с этими женщинами слегка знаком.

* * *

До стоянки каравана они добрались довольно скоро, еще и солнце не успело зайти. Девушки не знали точного местоположения лагеря, и варвар опасался, что придется долго искать, а то и бежать по следу караванщиков, решивших уйти в Туран. Однако им повезло.

Конан первым услышал звуки, доносившиеся из рощицы за отрогом холма. Он принюхался: так и есть — дым. Значит, караван еще здесь. На ночь глядя, он, конечно, не уйдет, так что время есть.

Он приложил к губам палец, призывая своих спутников к осторожности, и остановился.

— Сделаем так. Вы, — он обратился к предводительнице отряда, — спуститесь с того склона и обойдете их справа, а мы пройдем здесь. На всякий случай выйдем с двух сторон. Вряд ли караванщики будут сопротивляться, мы постараемся договориться по-хорошему, но подготовиться надо. Мало ли что может случиться… Вдруг там есть ваши подруги? — усмехнулся он, подмигнув девушке. — Так что придете на помощь, если понадобится.

Амазонка молча кивнула и, махнув воительницам, повела их по склону в обход рощи. Конан и трое его товарищей осторожно двинулись через лесок. Шагов через сто — сто пятьдесят они оказались на опушке. Киммериец осторожно раздвинул ветви и в незаметно подкравшихся сумерках увидел десятка два коней, пасущихся невдалеке, и несколько человек вокруг костра.

Больше варвар не заметил никого, как ни оглядывался.

— Подождем немного, — шепнул он присевшим рядом на корточки спутникам. — Пока вроде все спокойно. Это простые караванщики, не бойцы. Думаю, мы с ними поладим.

Выждав еще некоторое время, они вышли из леса и, не таясь, направились к костру. Когда приблизились, караванщики заслышали шаги и завертели головами. При виде вооруженных людей они вскочили на ноги и выхватили сабли.

— Не бойтесь! — Варвар поднял руку. — Мы вам не сделаем ничего плохого.

— Кто вы такие? — спросил один из караванщиков, видимо, старший, — худощавый кривоногий туранец в засаленном халате.

— Нас послала Акила, чтобы забрать оружие и лошадей, — солгал Конан, подходя ближе. — Оглянитесь назад. — Он указал рукой.

За спинами караванщиков, шагах в ста, двигались силуэты. В сумерках не было видно, мужчины это или женщины, но в том, что они вооружены, сомневаться не приходилось.

Караванщиков было всего семеро, и, взглянув на приближающихся воинов, они сообразили, что шансов на победу в схватке у них маловато.

— Вы обещаете нас не убивать? — с тревогой спросил старший.

— Мне ваши жизни не нужны, — уверил его Конан, — Мы возьмем только оружие и лошадей.

— А как же мы доберемся домой? Неужели ты не оставишь ни одного коня?

Киммериец отрицательно покачал головой.

— Мне нужны все кони. А вы прогуляетесь пешком, не маленькие. Как-нибудь дотопаете до Султанапура.

Глава шестая

На следующее утро, едва занялся рассвет, они стали собираться в путь. Киммериец решил, что отправит воительниц вслед за отрядом, увезшим Акилу, а сам вернется на берег и наберет добровольцев среди людей Саудана. Через день его отряд догонит амазонок, и тогда они вместе попытаются освободить королеву. Он договорился с немногословной предводительницей о встрече в горной долине сразу за кряжем, протянувшимся вдоль берега. Энида (только сейчас Конан узнал имя этой девушки), поглядывая на него исподлобья, острием дротика выводила на песке кроки, почти не сопровождая это занятие словами. Киммерийцу они и не требовались, ему не раз случалось ходить по незнакомой местности, располагая куда более скудными описаниями пути.

Столько дорог исхожено и изъезжено, столько горных хребтов и рек преодолено, столько раз он бродил в лесах, степях и пустынях, что теперь почти в каждой стране чувствует себя, как в горах родной Киммерии.

— Понял, — стирая кроки подошвой сапога, вымолвил он. — Послезавтра встречаемся у этого ручья. Без меня ничего не предпринимайте, даже если догоните их, хотя вряд ли это возможно. Договорились?

Энида кивнула и, не говоря больше ни слова, отошла к своим подругам, которые уже заждались приказа отправляться в путь. Небольшой караван направился в узкую долину меж невысоких гор. Конан со своими товарищами поскакал к лагерю на берегу моря. Они гнали перед собой десяток коней для тех, кто пожелает принять участие в войне за трон амазонок.

* * *

С седла путь до лагеря выглядел совсем коротким. Солнце еще не успело доползти до зенита, когда внизу появился знакомый берег. Съехав по склону холма на ровную полоску пляжа, варвар подумал, что заблудился и свернул не в ту лощину.

Однако, приглядевшись, понял, что сбылись его худшие опасения.

Когда четверо всадников приблизились к лагерю, в воздух поднялась стая стервятников. Кроме птиц, их не встречал никто — на месте высадки потерпевших кораблекрушение были только погасшие костры и трупы на камнях и песке. Было похоже, что их застали врасплох, может быть, спящими, — не осталось почти никаких следов сражения, только трупы, трупы и трупы, большинство с перерезанным от уха до уха горлом, и считанные раны были нанесены не кинжалом, а мечом.

— Как же так? — недоумевал варвар, медленно шагая вдоль берега и оглядывая неподвижные тела своих товарищей. — Неужели Саудан не выставил сторожей? Не могу поверить, что такой опытный моряк…

— Конан! — окликнул его Бахтар. — Смотри, тут еще двое наших!

Он указывал на большие камни в начале тропы, уходящей в горы. Конан подошел поближе. Двое солдат его отряда лежали друг подле друга со стрелами в спинах.

Конан и Бахтар обошли весь берег и обнаружили еще несколько трупов в стороне от лагеря. Значит, караул был. Всех сторожей убрали одинаково, выстрелом в спину, на что указывали застрявшие в телах обломки стрел.

— Странно! Почему они ничего не предприняли, даже не разбудили остальных? — Киммериец повернулся к Бахтару. — Такое впечатление, что они ничего не видели и не слышали. Но не мог же весь караул проморгать атаку. Ведь они были не новички, клянусь Кромом! — Он прикоснулся к ближайшему покойнику. Кожа холодна, хотя утро солнечное, теплое… — Это случилось либо вчера вечером, либо ночью.

— Ухлопать почти шестьдесят человек! И чтобы никто ничего не заподозрил! Нет, я тоже ничего не понимаю! — почесал в затылке Бахтар.

— Тут дело нечисто, — подвел итог Конан. — Это не девки Бризейс постарались — они, конечно, хорошие воины, но не настолько же! Втихую перерезать глотки полусотне здоровых мужчин — это работенка не для них.

— Что будем делать? — спросил Бахтар.

— Эй, ребята, давай сюда! — окликнул варвар двоих оставшихся у него бойцов, которые обшаривали тела своих бывших товарищей — не завалялось ли чего в кошельках и карманах.

Подойдя к Конану, они расстелили плащ и высыпали на него несколько горстей монет и перстней.

— У капитана был кожаный мешок, — вспомнил киммериец.

Солдаты только развели руками.

— Понятно. — Конан скрипнул зубами. — Кто-то знал про эти деньги, это была плата за оружие. Поскольку со временем у убийц было туго, они не стали грабить остальных.

Он снова обошел вокруг лагеря, внимательно глядя под ноги. Следов было немного, похоже, на лагерь напало не больше десяти человек. Киммерийцу все это совсем не нравилось. Здесь явно не обошлось без магии! Может, на моряков наслали сонную одурь?

— Пошел! — Он кинул камень в осмелевшего стервятника, который устроился поблизости ждать, когда уйдут люди.

Птица нехотя захлопала крыльями, но отлетела недалеко. Она неторопливо прохаживалась, следя за людьми блестящим черным глазом.

Живые предали мертвых земле и завалили могилу валунами. Останки их товарищей — вчера еще здоровых и крепких мужчин — не достанутся шакалам и стервятникам.

— Раздели на всех! — велел киммериец солдату, указывая на монеты и украшения. — Вот что я вам скажу. — Он присел на камень, помолчал несколько мгновений, а потом продолжил: — Я остаюсь здесь, пойду воевать на стороне Акилы. Кто хочет, идемте со мной. Не знаю, чем все кончится, знаю только, что риска будет вот сколько. — Он провел ладонью над головой. — Да и девицы эти, хоть и хороши собой, в общении — вовсе не сахар. Так что уговаривать не стану, каждый волен поступать, как ему вздумается.

Солдаты в замешательстве переминались с ноги на ногу. Было видно, что им не очень-то нужна война, на которой запросто можно сложить голову, а вот заплатят ли — это еще вопрос.

Варвар ссыпал в кошель свою долю.

— Ну, кто со мной?

Все молчали.

— Никто не хочет. — Киммериец не удивился. — Я так и думал. Ну что ж, спасибо за службу, и прощайте, ребята. Пусть боги будут к вам милостливы, Бахтар, — добавил он, — советую взять коней и догнать караванщиков, они вам заплатят. Вдесятером путешествовать все-таки легче, да и веселее, — усмехнулся он. — А мне хватит двух коней, но я возьму лучших. Договорились?

— Конечно, командир. — Солдаты вздохнули с облегчением, хоть и не без стыда: как ни крути, они бросали Конана одного.

— Доброго пути! — махнул им на прощание варвар. — Может быть, еще свидимся. — Он привязал к седлу поводья запасного коня, и, не оглядываясь, направился к тропе, что вела в горы.

Немало друзей он потерял на своем веку, но на этот раз нелепая смерть спутников особенно опечалила киммерийца. Он ехал и вспоминал плавание «Утренней звезды», как ловко и быстро работала команда под началом Саудана, каким смелым и находчивым был сам капитан — и вот теперь все они покоятся в наспех вырытой могиле, слегка прикрытой сверху камнями… Такова жестокая судьба, и ничего тут не попишешь.

Он вздохнул, решив, что все рано или поздно отправятся на Серые Равнины, и лучше думать о том, что впереди.

«Только бы мои девушки не встретились с отрядом до того, как я их догоню, — подумал он. — Мои девушки? — усмехнулся он про себя. — Ишь, как я о них…»

Он рассмеялся вслух и хлестнул коня — надо было спешить.

Глава седьмая

Тропа вилась между скал. Пробираясь по ней, он шарил взором вокруг, искал следы каравана. Следы всегда остаются: вон там на ветке повисла нить — видимо, лошадь, проходя, зацепила вьюком; вон там вмятина от копыта на мягкой земле среди камней; здесь осыпались камни, а на этой поляне чернеет пятно от костра.

Возле него Конан спешился и тщательно осмотрел всю поляну, потрогал остатки кострища. Земля чуть теплая, значит, это место последней ночевки и, возможно, караван ушел недалеко. Надо удвоить осторожность, чтобы не заметили.

День клонился к вечеру. Скоро караван остановится на ночь, и тогда по далекому дыму или отблеску огня Конан его обнаружит.

«Где-то неподалеку должен быть ручей, — вспомнил он кроки неразговорчивой предводительницы «его девушек», — там мы должны встретиться. Скорее всего, — решил киммериец, — сторонницы Бризейс заночуют именно там. Тогда свидание с девушками придется отложить на завтра, если, конечно, им хватит ума не попасть в лапы к своим бывшим подругам».

Варвар продолжал свой путь по еле заметной в надвигающихся сумерках тропе, останавливаясь перед каждым поворотом и открытым местом, чтобы ненароком не столкнуться с дозором отряда Бризейс или не оказаться у него на виду. Когда совсем стемнело, он решил остановиться и переждать ночь в небольшой ложбине, где из-под камней бил прозрачный ключ, и несколько деревьев с почти распустившейся листвой предлагали уютное подобие крова.

Киммериец стреножил коней, вынул из седельной сумки лепешку, задумчиво посмотрел на нее, отломил половину и медленно сжевал, запивая чистой ключевой водой. Вторую половину он приберег: еще неизвестно, когда он сможет поохотиться или добудет другую

лепешку. Сейчас у него есть дела поважнее поисков еды. Вечер был тихий и теплый, даже легкий ветерок, который обдувал его весь день, затих, и горы окутала тишина.

Киммериец растянулся на мягкой траве и подложил руки под голову. Где-то невдалеке раздались трели птицы.

«Черный дрозд», — мельком отметил про себя варвар.

Птица вновь пропела свою песню, слева от Конана ей ответила другая, и опять все стихло. Через некоторое время голос птицы зазвучал совсем рядом.

«Это, какого же демона черный дрозд орет по вечерам?»— вдруг спросил себя киммериец.

Он напряг слух, потом бесшумно, как летучая мышь, метнулся к деревьям, от них легко и быстро отполз к обрыву и спрятался среди камней, почти слился с ними в темноте

«Чего-чего, а птичьего пения я еще в детстве наслушался, — усмехнулся он. — Посмотрим, что это за пташки».

Он обладал необычайно острым зрением и видел в темноте ненамного хуже, чем ночной хищник. Сосредоточив все внимание на поляне, варвар замер. Все было тихо, но вдруг он различил слева на травяном склоне легкое, почти незаметное шевеление травы.

Запомнив это место, киммериец еще раз пошарил взором в других направлениях, и не зря: вдалеке в заросшей кустами расселине чуть ниже лужайки качнулась ветка, и там явственно зазвучала знакомая трель.

«Привет, птичка, — улыбнулся Конан и перевел взгляд влево, — ага, и тебе привет, похоже, я не ошибся», — мысленно поздравил он себя, когда оттуда послышался ответный свист.

Он послушал, не раздастся ли где-нибудь третий голос. У киммерийца было преимущество: он знал, где находятся «птицы», а они его обнаружить не могли, даже если и знали, что он здесь остановился.

Правда, варвар сомневался, что они осведомлены о его присутствии и пришли убить, скорее всего, это просто разведчики осматривают местность, не подозревая, что рядом с ними кто-то находится. Только кто бы это мог быть?

«Сейчас увидим, — подумал он. — Наверняка они скоро наткнутся на моих лошадей. Подожду, ночь впереди, спешить некуда». Конан продолжал наблюдать за движением травы и кустов и вскоре обнаружил, что оба разведчика движутся к поляне, где у них, скорее всего, назначена встреча. Птичьи крики вновь и вновь нарушали ночную тишину, и это помогало варвару следить за незнакомцами. «Нергал мне в кишки! — подумал киммериец. — Что же делать? Я, конечно, не промахнусь даже ночью, но вдруг это мои девушки, — тут он снова усмехнулся, — и я сам уменьшу свой отряд! Если брать живыми, то может получиться шум. Вот незадача, клянусь брюхом Крома! Они все очень похожи, как я отличу своих от чужих?»

От этих мыслей у него противно зачесалось в носу. Конан был человеком действия, и к таким раздумьям у него не лежала душа. Киммериец прикинул расстояние: тот или та, кто прятался в траве, находился раза в три ближе, чем «дрозд» из кустов.

Решение, как всегда, созрело молниеносно. Он ящерицей скользнул вдоль скалы и, приметив движение травы, метнулся коршуном, почти бесшумно.

Прижавшийся к земле человек даже не успел повернуть головы. Конан навалился на него всем телом и, сжав своими ногами его ноги, руками поймал обе руки и вытянул их вперед, а грудью прижал к земле голову так, что незнакомец не мог ею даже шевельнуть. Напрасно он дергался и напрягал мускулы — у варвара была стальная хватка.

Конан перехватил оба запястья пленника левой рукой, а освободившейся правой сдавил шею и держал ее до тех пор, пока не почувствовал, что тело противника обмякло. Когда он рывком перевернул его на спину.

Девушка! Это была амазонка, но вот вопрос, из какого отряда?

Конан снял с нее пояс и скрутил ей руки за спиной, потом, сорвав рубаху, заткнул рот. На мгновение он залюбовался крепкой смуглой грудью девушки, но крик птицы совсем неподалеку напомнил, что дело еще не завершено.

Киммериец ответил на крик и, чуть приподняв голову, осмотрелся. Вторая девушка была уже на поляне, подкрадывалась к его коням.

«Вот и вторая птичка. — Варвар бесшумно пополз в ее сторону, почти сливаясь с подножием скалы. — Что делать, придется чуть подпортить ей перышки», — с сожалением подумал он, и когда до нее оставалось шагов десять, метнул нож.

Он попал, куда метил, — клинок глубоко вошел в бедро. Девушка взвизгнула. Острая боль заставила ее согнуться и схватиться за нож, и этого мгновения варвару хватило, чтобы оказаться на ногах и в два прыжка очутиться рядом с ней. Бедняжка успела только выпрямиться — и тут же рухнула на траву: удар кулаком под ложечку в исполнении Конана мог свалить и быка. Киммериец перевернул ее на спину, вытащил нож из раны и проделал с пленницей то же самое, что и с ее подругой. Потом остатками рубахи перевязал ей ногу и, подтащив амазонку к дереву, привалил к стволу.

Она слабо застонала и открыла глаза.

— Быстро очухалась, красавица, — похвалил ее варвар.

Он принес из сумки два ремня и одним из них аккуратно привязал ее за шею к стволу. — Посиди пока, — шепнул он ей на ухо, — да не скучай. Сейчас у тебя будет компания.

Девушка вновь застонала, и голова ее свесилась набок: видимо, рана причиняла сильную боль и вызывала головокружение.

«Ничего, — решил варвар, — со временем придет в себя. Амазонки — бабы крепкие, рана заживет, как на собаке». Он вернулся к первой девушке. Она тоже очнулась и пыталась освободиться от пут.

— Потерпи, милая. — Киммериец взвалил ее на плечо, перенес на поляну, усадил рядом с подругой и тоже привязал за шею к дереву.

Тусклая невысокая луна исполосовала поляну длинными тенями, и две почти нагие девушки, сидящие под деревьями, казались статуями, изваянными умелым мастером.

Конан присел на корточки в трех шагах от них, с удовольствием глядя на женские тела, чью красоту нисколько не портили развитые мускулы.

— Начнем с тебя. — Он подсел к первой пленнице и, взявшись за кляп, объявил — Сейчас ты будешь отвечать на мои вопросы. Если попытаешься крикнуть, то вот нож. — Он приподнял рукой ее левую грудь, задержав пальцы чуть дольше, чем следовало, и приставил к нежной коже острие. — Чувствуешь? Мне ничего не стоит воткнуть его по самую рукоятку. Я это сделаю и в том случае, если будешь молчать.

Она опустила голову в знак того, что понимает. Конан уже определил, что девушки не из его союзниц — он запомнил почти всех воительниц из отряда Эниды.

— Сколько человек у вас в отряде?

Девушка, с ненавистью глядя на него, молчала и часто дышала — видимо, он слишком глубоко засунул кляп, и она чуть не задохнулась. Конан слегка надавил ножом.

— Ты, видно, забыла мое обещание.

— У нас в отряде много сильных воительниц, и тебе несдобровать, — метнув в него ненавидящий взгляд, выпалила пленница.

— Это не твоя забота, — парировал варвар. — Я спрашиваю: сколько там человек?

— Больше ста, — подумав, ответила девушка.

Это не очень сходилось с наблюдениями киммерийца. Судя по следам, в отряде не более четырех-пяти десятков.

— Что ж, — процедил он сквозь зубы, — проверим.

Варвар вновь заткнул ей рот тряпкой и повернулся к другой девушке. Внимательно посмотрев на нее, он отвесил ей короткую, но увесистую оплеуху, отчего та сразу пришла в сознание и заморгала, в то же время пытаясь вытолкнуть кляп. Конан подверг ее той же процедуре, что и первую амазонку.

— Теперь ты мне расскажешь про свой отряд, — дав ей, время отдышаться, объявил киммериец. — Ну! Сколько вас в отряде?

— Две сотни, — не моргнув глазом, сообщила пленница.

Она снова поморщилась, видимо, рана причиняла сильную боль.

— Хорошо еще, что вас всего двое, — тихо рассмеялся киммериец, — а то могло бы дойти и до тысячи, демоны вас возьми! Жаль, что я вам не приглянулся, — с сожалением добавил он, — ну что поделаешь, вы же дикарки. Вижу, не остается ничего другого, как разузнать все самому.

Он посмотрел на них, раздумывая, как поступить. Зарезать, чтобы не оставлять лишних врагов? Пожалуй, это не очень хорошо, вот если б на их месте были мужчины, киммериец не колебался бы ни мгновения. Он понимал, что, ввязавшись в междоусобицу, он не раз прольет кровь амазонки — но одно дело убивать в бою, и совсем другое — прикончить беспомощных пленниц. На это у него просто не поднялась рука.

— Вы сами выбрали свою судьбу, — обведя их тяжелым взглядом, заявил варвар. — Я ничего вам не сделаю, но оставлю здесь. Если не задохнетесь, и ночью вас не разорвут шакалы или волки, то, клянусь брюхом Крома, можете считать, что вам повезло. А если нет… — Он развел руками.

Конан оттащил амазонок подальше в рощицу, чтобы их не было видно с тропы, плотно вставил кляпы, пропустив в них что-то вроде уздечек, которые привязал к деревьям, притянул за шеи к стволам и, полюбовавшись делом рук своих, стал собираться.

Прежде всего он увел с поляны лошадей и привязал их за длинный повод к дереву все с той же целью — чтобы никто не увидел с тропы, потом заткнул за пояс три метательных ножа, вынул из седельной сумки веревку покрепче, проверил, надежно ли держатся на широком кожаном поясе меч и кинжал, и, бросив последний взгляд на пленниц, кошачьей поступью ушел с уютной лужайки, где ему, увы, так и не довелось отдохнуть.

Глава восьмая

Когда большой отряд останавливается на ночлег, то какие бы ни предпринимались меры для скрытности, все равно наметанный глаз издали обнаружит присутствие множества

людей и животных.

Конан старался держаться в стороне от тропы. Иногда это было не очень удобно, поскольку приходилось карабкаться по скалам или продираться сквозь кустарник, но зато и обнаружить его было почти невозможно. Киммериец двигался мягко и бесшумно, как крадущаяся пантера. Признаки лагеря появились совсем скоро: варвар обладал острейшим слухом, а запахи чуял, как зверь. Фырканье лошадей, запах дыма и конского пота, шуршание травы и похрустывание сухих веток — все это заставило его удвоить осторожность.

Киммерийца беспокоили не люди, здесь в умении прятаться ему не было равных, но вот собаки могли учуять его приближение.

Конан, послюнив палец, определил направление ветра и начал забирать вправо, карабкаясь по камням, чтобы подойти к лагерю с подветренной стороны — так было безопаснее. Звуки стали явственнее, скоро сквозь негустую растительность он увидел отблески костра. Конан осторожно проскользнул сквозь переплетенные ветки невысокого кустарника, облепившего край скалы, и оглядел местность. Яркий огонь трех костров, как бы окружавших небольшую поляну шагах в ста прямо под ним, мешал разглядеть, что посередине, надо было подождать, пока глаза привыкнут к свету.

Постепенно он различил сидящих у костров вооруженных караульных, пасущихся чуть поодаль лошадей, а потом и спящих прямо на траве воительниц. Луна уже поднялась высоко и хорошо освещала поляну, но все же с такого расстояния варвар не мог выяснить главного: где они держат Акилу и Паину.

Он еще раз внимательно обшарил глазами лагерь. Собак не видать, и это очень даже неплохо. Хоть и не совсем понятно, что делать.

«Одному не справиться, их слишком много, — размышлял варвар, не спуская глаз с бивака. — Конечно, не сто, но полсотни будет. В карауле десяток, — еще раз оглядел он костры, — всех за один раз не уберешь, поднимут шум».

Он почесал переносицу, будто это могло помочь в раздумьях. Ничего путного в голову, однако, не приходило.

«Вот если бы моих девушек сюда, а их двенадцать человек все-таки, при внезапном нападении это уже кое-что». — Он опять поймал себя на мысли, что называет этих женщин «своими», и в очередной раз посмеялся в душе.

«Ну а что, мысль неплохая, — подумал киммериец. — Сегодня мы с ними встретимся, а завтра можем и подобраться к лагерю, как сейчас».

Правда, по своему опыту варвар хорошо знал, что завтра может сильно отличаться от сегодня, и то, что получилось однажды, может не повториться. Если поймал момент, надо его использовать, другого такого может и не быть, да наверняка и не будет. Тем не менее, он решил подождать до утра, чтобы при солнечном свете точно узнать, и сколько человек в этом отряде, и как они охраняют своих пленница общем, разведать все, что удастся.

Он пролежал на гребне скалы всю ночь, наблюдая за спящим лагерем, успел даже выучить смену караульных и мог заранее сказать, когда девушка встанет у костра и пойдет сменять свою товарку, затаившуюся недалеко от поляны. Когда утренние лучи солнца позолотили верхушки гор за долиной, лагерь пробудился. Но киммерийца ждало огромное разочарование. Акилы среди воительниц не было.

С надеждой он переводил взгляд с одной группы девушек на другую, но, ни королевы, ни Паины различить среди них не смог. Холодный пот выступил у него на спине. Как же так? Куда они делись?

«Может быть, пленниц отправили с частью отряда вперед, пока остальные расправлялись с людьми Саудана?»

Эта догадка, первой пришедшая ему в голову, скорее всего, была самой верной. Теперь предстояло решить, что же делать дальше. Мысли роились в голове, но ясного ответа, ни на один из своих вопросов он пока не находил.

«Рога Нергала мне в печень! Провалялся здесь целую ночь, а мог бы найти Акилу, — укорял он себя.

— …Так, их всего… восемнадцать, нет еще двое… двадцать в этом отряде. — Варвар не забывал следить за лагерем. — … Перебьем как цыплят… если только встречу своих девушек… — Мысли набегали одна на другую, мешая сосредоточиться. — … На кой мне этот отряд?.. Но здесь все-таки оружие… Ладно, потом с ними разберусь… Сначала надо спасти Акилу… Кстати, вот и ручей, да и место точь-в-точь, как нарисовала Энида».

Конан отполз за край скалы, потом еще подальше, пока гребень не скрыл его совсем. Тогда он приподнялся и знакомым путем поспешил назад, на лужайку, где оставил коней. По врожденной привычке он непрестанно озирался в пути, временами останавливался и прислушивался. Когда лужайка была совсем близко, киммериец упал на землю и прижался к ней ухом. Ничего не уловив, он все-таки дал крюк по восточному склону, чтобы подобраться к рощице через кустарник, а не спускаться со скал, где при дневном свете он был бы виден как на ладони. Жизнь приучила его к осторожности. Вдруг воительницы решат искать своих пропавших подруг?

Скоро варвар в очередной раз похвалил себя за предусмотрительность. Услышав хруст сухой ветки, он мгновенно бросился на землю, потом, подтянувшись на руках, выглянул из-за камня. Амазонка, временами оглядываясь по сторонам, внимательно смотрела на землю, видимо, изучая следы, которые он оставил ночью, подбираясь к лагерю. Варвар узнал ее — она была из отряда изменниц, то есть «его девушек», как он их называл. Решив подшутить над ней, он подобрал камешек и, улучив момент, бросил, целясь чуть левее девушки. Воительница мгновенно обернулась на звук, и тогда вторым камешком щелкнул ее по затылку. Она, как змея, молниеносно обернулась, выхватывая кривой ятаган.

— Молодец, — похвалил ее Конан, поднимаясь из-за камня, — у тебя был шанс уцелеть. Где твои подружки?

Девушка, глядя на него не очень дружелюбно, поманила за собой. Они вышли на то место, где он оставил своих коней и пленниц.

Картина, открывшаяся взору, заставила варвара содрогнуться. Кони мирно щипали травку, но остальное… На поляне, окровавленные и обезображенные до неузнаваемости, лежали два трупа, а поодаль что-то обсуждали между собой три женщины из отряда сторонниц Акилы.

— Ты был у лагеря? — спросила одна из них.

— Да, — коротко ответил Конан, — но вашей королевы там нет.

— Мы знаем. Они нам все сказали.

«Да, — подумал киммериец. — Даже камень заговорит, если подвергнуть его таким пыткам».

Он подивился свирепости амазонок, но вслух ничего не сказал.

— Акилу отправили вперед. Хотят доставить ее в Куюпху, пока мы не напали на них.

— Что это за Куюпха?

— Вон за тем хребтом, — амазонка указала на север, — в долине несколько больших

селений. Самое ближайшее отсюда — Куюпха. Там Акилу посадят в клетку и под большой охраной повезут в столицу, к Бризейс. — Видимо она не питала надежды, что королеву удастся спасти, и это располагало ее к непривычному многословию

— Сколько дней пути до этой Куюпхи? — отрывисто спросил варвар.

— Они опережают нас на день и завтра к вечеру будут у селения, — печально вздохнула девушка.

Амазонка отрицательно покачала головой.

— Здесь только одна караванная тропа.

— При чем здесь караван? — вспылил Конан. — Если с вами не будет Акилы, на что вам оружие?

— Вообще-то, у нас есть одна женщина, она знает горную тропу, по которой можно добраться до долины, но только пешком, без коней.

— Умница, — похвалил киммериец — в его голове уже созрел план. — Где ваша предводительница? Идем к ней.

План Конана состоял в следующем: в обход по горам догнать отряд, который везет пленниц, и любой ценой отбить их, потому что иначе все будет потеряно. Он предполагал, что Акилу смогут ввезти в селение только тайно, чтобы не взбудоражить ее сторонниц, — скорее всего ночью, поэтому у Конана и Эниды есть два дня. Если они не успеют за этот срок, то игра будет проиграна.

— А вдруг они тоже выслали гонца по горной тропе? — задала вопрос Энида.

— Все может быть, — ответил киммериец, — но все равно надо поторопиться. Даже если они вышлют отряд нам навстречу, то он дойдет на конях только к вечеру.

Решили коней и тюки с оружием оставить в укромном месте и потом вернуться за ними, если все пройдет успешно.

— Теперь вперед, и пусть удача нас не оставит! — промолвил варвар. — А нет ли другой дороги туда?

Глава девятая

Они двинулись в гору. Назвать тропой тот путь, которым они карабкались по скалам, можно было с большой натяжкой — по правде говоря, она годилась лишь для горных коз. Киммерийцу было не привыкать лазать по каменистым кручам, но он с удивлением отметил, что воительницы от него почти не отстают. К полудню они забрались на самую высокую точку кряжа и вышли на небольшое плато, покрытое редкой травой. Со всех сторон, кроме северной, были видны вершины окрестных гор.

— Там, впереди, — показала предводительница, — крутой обрыв, а дальше — долина.

Они шли быстро, почти бежали, по ровной твердой земле и скоро вышли к обрыву. Конан подошел к краю и поразился грандиозности открывшегося перед ним зрелища.

Словно гигантская пасть откусила край горного хребта и проглотила огромный кусок. Отвесная стена уходила прямо до самого дна долины и тянулась вправо и влево почти до горизонта.

— Смотри! — Энида указала на запад.

Варвар пригляделся и увидел, как между дальними холмами движутся несколько еле различимых точек, то скрываются в зарослях, то вновь появляются на открытых местах.

— Это они!

Проводница направилась к двум огромным черным камням, жестом позвав за собой остальных. Между камнями Конан увидел узкую расселину — по ее крутым стенам им предстояло спуститься.

Путь был не из легких, то и дело приходилось повисать на вытянутых руках над бездной, но девушки справились со спуском, и отряд оказался в долине задолго до того, как солнце склонилось к горизонту.

— Быстрее, быстрее! — подгонял киммериец своих спутниц.

Они бежали по узкому ущелью вдоль неширокой речки, которая расширялась перед каждым порогом, так что почти все время приходилось идти по пояс в воде. Варвар часто поглядывал на девушек и замечал на их лицах признаки огромной усталости, хотя никому даже в голову не пришло пожаловаться вслух.

«Все-таки мужчина он и есть мужчина», — мелькнуло в голове у варвара, но потом он сообразил, что вряд ли кто, кроме него самого, выдержал бы такой переход, и он невольно проникся уважением к этим мрачным и немногословным воительницам.

Они выбежали из ущелья на небольшую полянку, и предводительница жестом велела остановиться.

— Караванная тропа в ста шагах отсюда, — бросила она в ответ на недоуменный взгляд Конана.

Теперь надо было действовать очень осторожно. Они вышли на тропу и тщательно осмотрелись. Скорее всего, отряд Бризейс прошел здесь недавно — следы конских копыт на участках, где среди каменных осыпей пробивалась редкая трава, были совсем свежи. Даже запах конского пота не успел рассеяться.

— Скорее всего, они заночуют у озера, — сказала Энида, — мы всегда разбиваем там лагерь.

— Это далеко? — спросил варвар.

— До сумерек как раз успеем.

— Тогда есть смысл немного отдохнуть и подумать, как мы них нападем.

— Согласна, — кивнула амазонка, и варвару показалось, что девушки смотрят на него уже без ненависти.

Все-таки общее дело и общие трудности сближают даже таких разных людей. Воительницы хорошо знали местность — как-никак, это была их земля. На песке начертили кроки: озеро, подходящие к нему тропы, лесок на берегу, река.

— Обычно лагерь разбивают здесь, — Энида ткнула острием кинжала в песок, — а караулы выставляют тут, тут и, — задумалась она на мгновение, — тут.

— Но их всего десять человек, — возразил киммериец, — поэтому столько караулов им не выставить. Скорее всего, они перекроют тропу вот здесь, — он показал на карту, — и здесь. С северной стороны они могут и не поставить никого, потому что оттуда они нас не ждут.

— Правильно, — взглянув еще раз на рисунок, согласилась воительница, — тогда мы можем рассчитывать, что здесь и здесь, — она вновь ткнула в план концом кинжала, — будет по два человека.

— Почему по два? — не понял варвар.

— У нас такое правило: в карауле на каждом посту стоят двое, — отрезала предводительница.

Киммериец недоуменно почесал в затылке: двое так двое, ему все равно, но про себя решил, что когда людей слишком мало, устав можно и нарушить.

— Их всего десять, — вслух повторил варвар, — значит, в самом лагере останется шесть. Если мы снимем караулы, то нас будет вдвое больше, чем их.

Сидевшие до тех пор молча амазонки дружно фыркнули, что должно было означать: ты сначала попробуй сними наших караульных!

Киммериец пропустил этот выпад, рассчитывая, что он один справится с двумя караульными без особых сложностей.

«Это, дорогие мои, — усмехнулся он про себя, — вам не с гирканцами воевать. Посмотрим, как у вас получится с варваром из Киммерии!»

Когда стало смеркаться, весь отряд направился по тропе на предполагаемое место стоянки их противниц. Решили, что Конан и еще три воительницы попытаются аккуратно снять караульных, а остальные в это время будут ждать команды неподалеку. Если рухнет первый план, придется напасть на лагерь в открытую, и тогда уж будь что будет.

Предводительница отряда амазонок не ошиблась: бивак был там, где она и рассчитывала. Издалека они увидели костер, и тогда по сигналу варвара три девушки, с которыми пошел и он, начали скрытно приближаться к лагерю, а остальные с оружием наизготовку остались ждать на месте.

Когда до цели осталось шагов двести, киммериец и его спутницы опустились на траву и поползли вперед, прислушиваясь к каждому шороху. Тишину нарушало только потрескивание веток в костре.

Конану эта тишина совсем не нравилась. Казалось, все в округе вымерло или спало безмятежным сном. Караульных не было видно, у огня вообще ни одной живой души. Опять что-то нечисто! Ему не было видно с этого расстояния — мешала стена травы, — есть ли кто-нибудь в лагере.

«Может, ловушка? — мелькнула мысль. — Надо быть осторожным».

Варвар обернулся к ползущим вслед за ним воительницам, чтобы предупредить, но никого не увидел.

«Рога Нергала! — выругался он. — Только что они были рядом!»

Он повернулся и пополз назад по примятой траве. И через несколько шагов наткнулся на своих спутниц. Они совершенно неподвижно лежали на траве, как будто их мгновенно сморил сон. Варвар подполз поближе и приложил ухо к груди одной из девушек. Ее дыхание было ровным и спокойным — нормальное дыхание здорового спящего человека.

«Демоны! — ошарашенно подумал киммериец. — Что же это такое?»

Он попытался растормошить своих спутниц, но с таким же успехом можно будить каменные изваяния.

«Что делать? — лихорадочно заметались мысли в голове Конана. — Что за проклятые места, не иначе снова какая-то волшба…»

Рука непроизвольно дотронулась до шеи. На месте! Он нащупал кожаный ремешок с мышиным черепом, который подарила ему Тамина.

«Помни, что вокруг тебя сейчас вихри магических сил, — вспомнил он ее слова, — этот талисман будет тебя охранять».

Варвар перевернулся на спину и полежал так несколько мгновений, глядя в темную бездну, усыпанную яркими мерцающими огоньками.

«Ждать нечего, — решил он, — что бы ни случилось, все равно надо попытаться найти Акилу и вытащить ее отсюда»

Конан вновь пополз вперед, удвоив осторожность, но ничто, казалось, вокруг него не двигалось. Даже стебли травы не колыхались от легкого ветерка. Не встреченный никем, он приблизился к самому лагерю и увидел воительниц, безмятежно спящих на расстеленной возле огня кошме.

Чуть поодаль стояли их лошади. Они тоже выглядели странно — совершенно неподвижные, будто скованные какой-то силой. Варвар оглянулся по сторонам еще раз, но не увидел никого, кто бы охранял сон этих людей.

Он протер глаза, не веря им, но ничего нового не увидел.

Ровно горел костер, даже языки пламени были какие-то безжизненные, они совсем не колебались, а просто тянулись вверх, как нарисованные.

Глава десятая

Киммериец приподнялся на локтях, высматривая среди спящих Акилу, и вдруг почувствовал на своей шее подошву чужого сапога.

— Не шевелись, — услышал он мягкий и, как ему показалось, знакомый голос, — мне бы не хотелось, чтобы твоя жизнь закончилась так нелепо. Но я тебя сразу прикончу, если дернешься. — В подтверждение слов острый металл уперся ему в шею справа, прямо за ухом, под черепом.

«Нергал мне в печень! — промелькнуло в мозгу варвара. — Как же это я так оплошал? Как я мог ничего не заметить? И где я уже слышал этот голос?»

— Кто ты? — хрипло спросил он, пытаясь чуть повернуть шею, чтобы увидеть обладательницу знакомого голоса.

— Не оборачивайся. — Острие надавило чуть сильнее. — В свое время узнаешь. Скажи лучше, зачем ты здесь?

«Надо что-то придумать, — лихорадочно заметались мысли киммерийца, — так я выиграю время. Если она не убила меня сразу, значит, есть шанс выкарабкаться».

— Я разбойник, — начал он, — хотел поживиться имуществом этого каравана…

— Что ты разбойник, Конан, — послышался сверху тихий смешок, — это всем известно, но сюда ты пришел не за этим.

— А зачем же тогда? — тихо спросил варвар, и тут же почувствовал, насколько глупо это прозвучало.

— Во-первых, можешь говорить и погромче, — ответила женщина, — все, кто попал в этот круг, будут спать, пока я не позволю им проснуться. А во-вторых, я могу тебе сказать, зачем ты здесь. Ты пришел, чтобы освободить эту великаншу Акилу, не так ли?

«Откуда она знает? — подумал киммериец. — Я же никому не говорил, кроме сторонниц Акилы».

— Можешь не отвечать. — В женском голосе послышалась издевка. — Я знаю, что у тебя было с этой слонихой, а также знаю, зачем она здесь, и зачем здесь ты.

Варвар попытался что-то сказать, но женщина резко перебила:

— У меня такое впечатление, что ты любишь эту великаншу. Ну, что ж, как полюбится, так и разлюбится. Я предлагаю сделку.

— Какую?

— Очень простую. Ты мне сразу понравился, еще при первой нашей встрече. Мне нужен как раз такой мужчина, как ты. К тому же, мне кажется, ты знаешь, где найти чашу Гуйюка.

«Откуда ей все известно?» — металось в голове киммерийца.

— Ты ничего не сказала о своем предложении, — напомнил он.

— А ты еще не догадался? — Голос звучал мягко, но в нем все-таки сквозили нотки презрения. — Я отпущу твою королеву, потому что мне совершенно все равно, кто будет править этой дикой страной, но ты…

— Что — я?

— Дашь слово, что будешь сопровождать меня и заодно покажешь, где чаша.

— Я могу рассказать тебе, где чаша, — попытался торговаться варвар, — в обмен на свободу для меня и Акилы.

— Ты меня не понял, — укоризненно сказала женщина. — Мне нужны и чаша, и ты сам.

«Кто она такая? — Он напряг память. — Голос. Где же я все-таки его слышал? — Догадка, как молния, опалила мозг. — Кром! Да ведь это женщина в белом, которую я встретил тогда на реке! Она наверняка колдунья. Только этого мне и не хватало!»

— Какие гарантии, что ты меня не обманешь? — осторожно спросил киммериец,

— Сейчас я свяжу этих воительниц, кроме твоей возлюбленной и ее грубиянки-прислужницы, — ответил ему голос сверху, — потом мы с тобой сядем на коней, и я сниму сонное заклятие.

— А если я после этого решу с тобой расстаться?

— Куда ты денешься? Я тебе тоже свяжу руки, а потом, когда мы будем далеко отсюда, посмотрю, как ты сможешь меня одолеть! — Колдунья опять засмеялась.

— Согласен. — Варвар чуть шевельнул затекшей шеей.

— Не торопись, — предупредила женщина. — Заложи руки за спину, я надену оковы.

Конан медленно завел обе руки за спину. Женщина на мгновение ослабила нажим клинка и, видимо, наклонилась к нему, чтобы сковать руки. Киммериец только этого и ждал: он прогнулся в спине, ударил обеими пятками, и женщина повалилась ничком перед ним. Он тотчас вскочил на ноги и выхватил меч.

— Мерзавец! — взвизгнула женщина.

Очевидно, она не очень пострадала от падения, поскольку оказалась на ногах едва ли не быстрее варвара и стремительным выпадом чуть не проткнула ему живот.

Конан отразил удар. Да, он не ошибся — перед ним, словно разъяренная змея, выжидая мгновение для нового броска, стояла та самая женщина в белом. Ее черные густые волосы были растрепаны, белизна одеяния отчетливо выделялась в темноте.

— Сука! — яростно прошипел киммериец. Его выпад тоже был стремительным и мощным. — Тебе не помогут мерзкие колдовские штучки!

Однако противница была под стать Конану. Она ловко уклонилась от свистящей стали и тут же нанесла ответный удар. Клинки встретились, их звон, наверное, был слышен далеко вокруг. Варвар парировал выпад и почувствовал, как не по-женски тверда рука его

противницы. Он сделал шаг вправо, пытаясь поймать ее на ложном движении, но она почти опередила его, и если бы киммериец не успел увернуться, острие меча вонзилось бы ему прямо в грудь.

Противники были одинаково искусны в фехтовании, на выпад одного следовал удар соперника, они кружили друг против друга, как танцоры, но ни у кого не было преимущества. В быстроте и ловкости движений женщины было что-то демоническое.

«В точности, как Герарда, — пришло на ум варвару, и внезапно его, словно гром, поразила догадка.

— Я тебя узнал, Герард! — крикнул киммериец.

Женщина в белом вздрогнула и на мгновение отвлеклась. Этого мига Конану хватило, чтобы выбить меч у нее из рук. Крутясь в лунном свете, словно волшебный диск, клинок отлетел в сторону. Варвар сделал свой коронный выпад, чтобы разрубить колдунью от плеча до бедра, но она каким-то непостижимым образом уклонилась и, отпрыгнув в сторону, побежала к лошадям. Киммериец на миг пошатнулся, потеряв равновесие, поскольку всю свою силу вложил в этот удар, потом бросился за ней, но женщина уже вскочила на вороного коня. Неподвижный до этого момента, как каменная статуя, конь взвился на дыбы, и до варвара донесся ее возглас:

— Ты еще пожалеешь, что отверг меня, Конан!

Киммериец, почти не надеясь на успех, остановился и метнул нож, но тщетно — она была словно заколдована от ударов, а может, так оно и было на самом деле. Нож просвистел над головой женщины, не причинив ей вреда. Ответом варвару был стук копыт уносящегося бешеным галопом коня. Конан оглянулся, почувствовав движение за спиной. Он не ошибся, колдунья сняла заклятие, и весь лагерь зашевелился. Воительницы просыпались и привычно хватались за оружие. Теперь киммерийцу предстояло сразиться с десятком сильных противников.

Он на мгновение замер, оценивая обстановку, но услышал шум со стороны дороги — это бежали на подмогу его девушки. Все же у Конана было небольшое преимущество во времени.

Пока амазонки продирали глаза, он, увидев среди них Акилу, успел подскочить и кинжалом перерезать ее веревки. И толкнул ее в спину.

— Беги!

В следующий миг варвару пришлось отбиваться сразу от трех подскочивших воительниц. Их кривые ятаганы грозили ему со всех сторон, и Конан был вынужден призвать на помощь все свое умение и ловкость, чтобы не попасть под разящий удар. Отбиваясь, он пятился к деревьям, возле которых стояли лошади. Киммериец рассчитывал повторить маневр колдуньи, внезапно вскочить на коня и ускакать; он понимал, что против десятка противниц ему не устоять. Краем глаза он увидел, что Акила поняла его намерения и уже бежит к лошадям.

Конан, отбив два удара ближайших к нему воительниц, сделал резкий выпад и поразил одну из них, но тут же почувствовал, что острие клинка задело и его. Варвар отпрыгнул назад, поближе к костру и, когда противницы сделали два шага вперед, прыгнул изо всех сил. Такой прыжок мог совершить только киммериец — нападавшие на мгновение оказались под ним и слегка растерялись. Снижаясь, он успел двумя ударами покончить с обеими женщинами. Третья, находившаяся позади них, пыталась зарубить его, но варвар успел отскочить в сторону.

Он бросил взгляд на поле боя: остальные амазонки были уже в нескольких шагах от

него, и Конану предстояло сразиться сразу с восемью разъяренными женщинами.

— Я с тобой! — услышал он голос Акилы, которая, подобрав ятаган одной из убитых, встала с ним рядом.

— Спина к спине! — крикнул варвар, но Акилу не надо было учить, она уже заняла эту позицию.

Им пришлось потрудиться совсем немного, потому, что как раз подоспели сторонницы Акилы. Конан увидел, как его девушки ворвались на поляну, и теперь нападавших было четырнадцать против восьми, и среди них — такие бойцы, как Акила и Конан. Шансов на победу у женщин Бризеис не осталось.

— Сдавайтесь! — крикнула Акила. — Я сохраню вам жизнь!

Женщины побросали оружие. Победа была полной. Конан двинулся к Акиле, но она холодно осадила его:

— Не подходи! То, что было, прошло, сейчас у меня другие заботы. А за помощь спасибо.

Она сделала несколько шагов в сторону от костра. Варвар, хоть и обиженный столь суровым приемом, не сдержал улыбки: там билась, силясь освободиться от веревок, верная подруга опальной королевы. В пылу схватки все забыли о Паине. Когда они с Акилой подошли к остальным, Конан дружелюбно обратился к девушкам:

— Я пришел помочь вам.

— Мы тебя об этом не просили! — отрезала королева. — Хотя, — она задумалась на мгновение, — подожди, раз уж ты здесь…

Акила подошла к пленницам, сидевшим на земле под присмотром ее девушек.

— Кто согласен перейти на мою сторону?

Встали все.

— Ну вот, — указала на них Акила, — теперь это твой отряд. Будешь у них командиром.

Услышав эти слова, пленницы побледнели так, что это было заметно даже в неярком свете костра. Идти под начало двуногого животного? Наверное, смерть принять куда легче.

Девушки бросились на колени, умоляя Акилу изменить решение. Варвар от души рассмеялся, глядя на эту сцену.

— Хватит! — прервала Акила мольбы своих бывших противниц. — Как сказала, так и будет! Это же, в конце концов, не на всю жизнь, — слегка смягчилась она, — и потом, вам будет только польза. Другого такого воина, как Конан, я не встречала.

Смягчив, таким образом, суровый прием, который был оказан киммерийцу, она отошла в сторону с Энидой. Варвар приблизился к бывшим пленницам, те на него взирали со страхом и плохо скрываемой ненавистью.

— Ничего, красавицы! — разглядывая их, сказал Конан. — Привыкнете со временем, клянусь брюхом Крома! Что так смотрите, — поддразнил он их, — мужика не видели, что ли? Вот ты, — он ткнул пальцем в женщину постарше, — наверняка ведь знаешь, что это такое!

Женщина одарила его таким взглядом, что стало ясно — общение с мужчиной не доставило ей ровным счетом никакого удовольствия, скорее наоборот.

— Да, — вздохнул варвар, — извини, тебе, видимо, не повезло. Ну, боги нас простят — я ведь, как ни крути, за всех мужчин не ответчик. Сейчас получим приказы на завтра, а там и поспать будет время, все-таки ночь, — добавил он, позевывая — как-никак, не спал вторую ночь подряд.

Он не ошибся. Подошедшая Акила назначила караульных из числа своих сторонниц, а остальные дела оставила на утро.

— Завтра все объявлю!

Конан отошел в сторонку, растянулся на траве, подложив могучие руки под голову, и мгновенно заснул.

Несмотря на жаркий бой с амазонками и встречу с колдуньей, ему снилось только съестное: баранья нога, запеченная с чесноком, аппетитные ломти королевского осетра и другие вкусности — мало того, что не спал двое суток, у него за это время в животе погостила только сухая лепешка. Любимая женщина, столь сурово встретившая его после долгой разлуки, не снилась.

Глава одиннадцатая

Утром Конан проснулся от радостных криков и звонкого смеха. Он приподнялся на локте и посмотрел в ту сторону, откуда доносился шум. Увиденное заставило его только горестно вздохнуть и перевернуться на другой бок, чтобы не терзать себя понапрасну: в озерце неподалеку от бивака купались воительницы. Крепкие загорелые тела, щедро позлащенные утренним солнцем, мелькали в радужной туче водяных брызг. Это зрелище, наверное, и мертвого подняло бы из могилы, а киммериец далеко еще не был трупом.

«Пожалуй, зря я сунулся в эту компанию, — вздохнул он, — хотя нет, все-таки вряд ли они спасли бы Акилу без моего участия».

Правда, настроение слегка улучшилось, когда женщины окликнули его, приглашая на завтрак: в отряде припасов еще хватало, поэтому варвар, не стесняясь, набил себе желудок, памятуя о том, что никогда не надо откладывать на завтра то, что можно съесть сегодня. Женщины старались не встречаться с ним взглядом. Чувствовалось, что его присутствие им не очень приятно, но они не решаются перечить воле Акилы, сохранившей им жизнь.

— Теперь слушайте меня, — объявила Акила, когда с едой было покончено. — Я возьму с собой шесть человек, и мы поедем в Куюпху. Ты, Конан, с остальными встретите караван, который идет за нами следом. Вы должны их остановить и, если не захотят перейти на нашу сторону, убить всех. Их больше, но ваше появление будет для них неожиданностью.

Киммериец слушал молча, ковыряя в зубах кинжалом. Он еще не знал, долго ли будет вместе с Акилой, но решил не торопить события, тем более что его участие, по-видимому, могло оказаться полезным Акиле и ее сторонницам.

— Будь осторожна, — напутствовал варвар королеву, — колдунья уже в селении.

— Не беспокойся, — Акила бросила на него холодный взгляд и, огрев плетью коня, помчалась вперед.

Конан со своим отрядом двинулся навстречу каравану. Женщины хорошо знали эти места, они решили встретить противниц в узком ущелье, лишить их маневренности. Как и вчера, им пришлось бежать, чтобы подойти к ущелью раньше каравана. Варвар не уставал восхищаться выносливостью амазонок.

— Вот здесь, — указала одна из них на узкую расселину между двумя высокими

скалами.

Киммериец осмотрел ущелье — тропа здесь была настолько узкой, что с трудом могла протиснуться лошадь с вьюками. О лучшем месте для встречи противника нельзя было и мечтать. Чуть дальше за тесниной дорога шла вдоль крутого обрыва. Конан заглянул за край — голый склон уходил вниз почти отвесно, и только на самом дне пропасти он расширялся и полого переходил в поляну, за которой виднелся лес, тянущийся далеко к горизонту.

— Почему вы не ходите к морю **низомов** — не удержался он от очередного вопроса. — По-моему, это легче, чем карабкаться по этим тропинкам.

Женщина смерила его презрительным взглядом.

— Ты видишь лишь клочок этой земли. Вокруг — непроходимые болота.

Варвар послал двух женщин с луками на левый обрыв — единственное место, где они могли взобраться, поскольку вторая скала, вернее, огромный камень, прилепившийся к обрыву, был настолько крут и гладок, что даже киммериец вряд ли бы влез на него. Остальные воительницы спрятались за изгибом скалы и стали ждать каравана. Когда караван показался из-за поворота, одна из амазонок вошла в проем между скалами и встала на пути неприятеля, подняв правую руку.

— Стойте! Вам лучше сдаться по-хорошему! — крикнула она. — Мы перешли на сторону Акилы, и скоро она сбросит с трона мерзавку Бризейс.

— Изменницы! — услышала она. — Прочь с дороги, или от вас останется мокрое место!

Расчет киммерийца на то, что его лучницам удастся перестрелять большую часть вражеского отряда, не оправдался. Караван растянулся так далеко, что последних воительниц нельзя было достать выстрелом. Все они мгновенно спешились и укрылись за лошадьми с поклажей.

Пришлось идти вперед напролом. Вряд ли без киммерийца сторонницы Акилы могли надеяться на победу. Он, как таран, шел впереди всех и расчищал путь остальным.

«Все-таки сила кое-что значит, — удовлетворенно подумал варвар, когда очередная его противница не удержала меч в руках после того, как они сшиблись в схватке, — это вам не гирканцев-малорост ков гонять».

Но надо было отдать должное его противницам: бой продолжался очень долго, пока ему не удалось оттеснить уцелевших сторонниц Бризейс на более широкое место, где обрыв уходил вниз к зеленым полянам. Конан вывел из строя человек пять-шесть — он точно не считал, — и теперь амазонок было почти поровну с каждой стороны.

На поляне схватка закипела с новой силой. Но отряд Конана все-таки одолевал, командир бился разом с двумя, а то и тремя воительницами, и под ударами длинного меча падали все новые жертвы.

Киммериец, отбив последний удар, отпрыгнул к краю обрыва и оглядел поле битвы. Его соратницы в разных местах поляны добивали последних сторонниц Бризейс.

«Дело сделано». Конан перевел дух.

Это было последнее, о чем варвар успел подумать. Когда он услышал свист стрелы, было уже поздно.

Одна из противниц, спрятавшаяся в расселине скалы и никем не замеченная, сумела-таки отомстить за своих подруг: киммериец почувствовал удар в грудь, пошатнулся, взмахнул рукой, стараясь в последней судороге сознания восстановить равновесие, но ему это не удалось. Он падал очень долго, увлекая за собой мелкие камни, которыми был усеян склон, ломая хрупкие ветви кустов уже внизу, и не видел и не знал, как закончился бой.

— Он нам хорошо помог. — Женщины без особого сожаления глядели на распростертое внизу тело их бывшего командира. — Оно и к лучшему, — решили они, — все равно мужчине среди нас не место.

Часть шестая

ЧАША ХОЛОДА

Глава первая

— Так ты говоришь, что в отряде Акилы мужчина? Ее любовник? — Губы Бризейс сжались в зловещую тонкую линию. — Мерзавка совсем сошла с ума, но это и к лучшему — такое нарушение наших обычаев настроит против самозванки большинство моих подданных.

Бризейс сидела на троне, покачивая правой рукой царский посох, и жадно слушала рассказ Гермии. Колдунья, избежав меча киммерийца, прискакала в Куюпху, откуда наместница королевы, не мешкая, отправила ее в столицу в сопровождении большой охраны, дабы с обладательницей столь важных сведений ничего не случилось. И вот теперь колдунья рассказывает Бризейс обо всем, что происходит сейчас на южных окраинах ее государства.

— Говоришь, он очень силен? — недоверчиво взглянула она на рассказчицу.

— Не думаю, что кто-то из твоих подданных может оказать ему сопротивление, даже если их будет пятеро против него одного, — подтвердила Гермия. — Исключая, конечно, тебя, — слегка поправилась она, и добавила, подумав: — И твою сестру.

— Да. — Бризейс самодовольно повела могучими плечами. — Нам нет равных. Что ж, после того, как я раздавлю эту самозванку, такой мужчина нам пригодится, — усмехнулась она. — Для продолжения рода, конечно, а на что еще они годны, эти двуногие животные? — сплюнула она на пол.

— Твоя сестра, кажется, думает немного иначе, — заметила Гермия.

— Поэтому я во дворце, — стукнула посохом королева, — а она — там! Сейчас она прячется в степях, — добавила она, скривив губы в злой усмешке, — а скоро будет здесь, на дыбе, а потом я насажу ее голову на кол!

Она некоторое время молчала, покусывая полную нижнюю губу. Хотя Бризейс и старалась не выдавать беспокойства, в ее душе был страх. Шпионы доносили, что у нее много врагов, что далеко не все довольны ее правлением, а теперь еще и поговаривают, что она незаконно лишила Акилу трона, И вот появилась она, ее сестра, которая столько лет скиталась где-то, но которую почему-то не забыли.

Холодок пробежал по спине королевы, на миг она почувствовала бесконечную

ледянящую тоску. Никому нельзя доверять!

И это сильнее всего терзало ее душу. Отовсюду можно ждать удара, даже от самых, казалось бы, преданных… Бризейс стиснула зубы. Эта мерзавка Оримби, которой она верила, как себе самой, командир личной гвардии! Как она умоляла пощадить ее, как клялась в верности! Но Хемилья развязала ей язык, она прекрасно умеет это делать, все рассказала предательница. Но лучше бы этого и не слышать… По словам изменницы, почти все командиры отрядов спят и видят, как бы поскорее сбросить ее с трона.

Надо срочно послать войско в Куюпху, чтобы не дать сестренке развернуться. И объявить всем, что она связалась с мужиком! Вот это будет удар под дых!

— Хорошо. — Она оторвалась от своих дум и благосклонно взглянула на Гермию. — Ты мне очень помогла. Я могу чем-нибудь отблагодарить тебя?

— Да, королева. — Черные глаза колдуньи встретились с тяжелым взглядом Бризейс. — Может быть, кто-нибудь из твоих подданных знает про чашу Гуйюка?

— Чаша Гуйюка? — Бризейс опустила веки, на мгновение задумавшись. — Я слышала давным-давно легенду об этой чаше… уже плохо помню. — Она наморщила лоб. — Что-то связанное с кем-то из двуногих скотов-производителей?

— Почти, — улыбнулась Гермия краешком рта, вспомнив анатомические особенности каменного божка. — Его имя бог Этан. Но это не сказка. Чаша существует на самом деле, и она находится где-то в твоих землях.

— Хм. — Бризейс оперлась о подлокотник трона. — Интересно. Может быть, Питфея знает. Она вообще все знает.

Словно по неслышному приказу в стене отворилась потайная дверь. Крепкая старуха с пучком седых волос на затылке подошла к королеве.

— Молодец, — похвалила ее Бризейс, — ты, как всегда, не пропускаешь ни слова.

— Я знаю, где эта чаша. — Старуха склонила голову, ожидая, какой будет реакция королевы.

— Рассказывай, — разрешила та, указав кивком головы на Гермию, застывшую в ожидании.

— На севере, в десяти днях пути от нас, стоит Красная гора. Там должна быть пещера, в ней и находится эта чаша.

— В десяти днях, ты уверена? — переспросила Бризейс. — Ведь в этих местах вечные снега!

— Насчет Красной горы уверена, — подтвердила Питфея, — но добраться туда очень непросто. Перевалив через Северные горы, надо ехать несколько дней по тундре на оленях. Сама я там не бывала, но мне рассказывали караванщики, торгующие там со снежными гирканцами. Оттуда мы привозим белые шкуры и жир, он хорошо помогает от морозов, если зимой смазывать им кожу. Что же касается этой чаши, то я сказала все, что знаю.

— Я тебе дам проводницу и несколько бойцов. Они доведут тебя до снегов. Дальше уже не наши земли.

— Благодарю тебя, королева, — склонила голову Гермия.

Она была чрезвычайно довольна собой, и близость желанной цели согревала ей душу.

Глава вторая

Конан с трудом разлепил веки, тяжелые, словно отлитые из свинца. Шея затекла, он с усилием повернул голову и завращал глазами, силясь определить, где он и что с ним.

«Стрела!» — подумал варвар, и все приключившееся в тот проклятый день стало медленно всплывать из глубин памяти.

Киммериец пошевелил руками и пальцами ног и с некоторым удивлением почувствовал, что может ими двигать. Потом поднял глаза. Он лежал на спине в просторной комнате со стенами из толстых бревен.

Низкий потолок из такого же кругляка нависал над ним, точно свод пещеры. Свет проникал через единственное оконце. Под потолком по стенам висели пучки трав и веток, сухие венки из полевых цветов. В комнате стоял тяжеловатый, но приятный дух, придававший этому странноватому жилищу домашний уют.

— Очухался, приятель?

В противоположной стене открылась дощатая дверь, и в потоке яркого солнечного света появился высокий, почти не уступающий ростом киммерийцу, широкоплечий человек. Солнце било Конану почти в глаза, и он не мог разглядеть лица, но подсвеченная солнечными лучами седина не оставляла сомнений — это был старик.

Когда он сделал несколько шагов вперед, варвар разглядеть резкие, будто вырубленные из камня, черты его лица, глубокие морщины под глазами и на лбу, прямой крупный нос, четко очерченный рот и серые, глубоко посаженные глаза. Глаза эти смотрели внимательно и слегка насмешливо.

— Как же это тебя угораздило поймать стрелу и не раскроить себе череп, упав с такой высоты? — спросил старик. — Вот, благодари его, а то бы так и подох на опушке.

Варвар скосил глаза и увидел рядом со стариком огромного лохматого пса. Он был величиной с шандаратского мастафа, но казался еще крупнее благодаря густой рыжеватой шерсти. Пес подошел к Конану и дружелюбно лизнул ему руку, потом сел на задние лапы и, высунув язык, внимательно, как и его хозяин, уставился на киммерийца.

— Видишь, — со смешком сказал старик, — понравился ты ему, не иначе. А то бы не стал спасать.

— Как я попал сюда? — с трудом ворочая языком, спросил Конан.

— Боги решили, что по пути на Серые Равнины ты можешь отдохнуть здесь, — широко улыбаясь, сообщил ему старик. — Вот я и ждал, заберут они тебя или оставят пока мне. Похоже, они решили, что еще рановато приходить за тобой. А если без шуток, то я подобрал тебя два дня назад на поляне у обрыва. Шуркан нашел и привел меня к тебе. Сначала я думал, что лучше тебя оставить, но когда увидел знак Кушада, решил: попробую вылечить. Тяжелый ты, — пожаловался он. — В мои-то годы таскать на плечах таких медведей…

— Что еще за знак Кушада? — не сразу понял варвар.

— Мышиный череп. — Старик нахмурился. — Откуда он у тебя?

— Ах, да, — вспомнил киммериец. — Это Тамина дала.

— Хорошая девочка, — сказал старик. — Давно ты знаком с Таминой и ее отцом?

— Давно, — вздохнул Конан и поморщился от боли, в груди жгло, каждый глоток воздуха давался с трудом. — Лет десять уже, наверное.

— Не знаешь, как они сейчас?

— Почему не знаю? — Киммериец сглотнул слюну. — Луну назад мы виделись.

— Потом расскажешь. — Старик протянул ему деревянную плошку: — Вот, выпей, полегчает.

Конан с трудом сделал несколько глотков буроватой и маслянистой, но удивительно свежей на вкус жидкости, и ему сразу же задышалось легче и стихла боль в голове.

— Теперь отдохни. — Старик накрыл его медвежьей шкурой, и варвар опять провалился в глубокий сон.

* * *

Через два дня киммериец стараниями старика был поставлен на ноги. Рана затянулась, хотя еще побаливала при резких движениях.

— Эти сучки смазывают наконечники стрел соком ядовитых грибов, — сообщил варвару старик. — Тебе еще повезло — видать, зелье было старое, подсохшее. Или ты очень здоровый, поэтому в тебя надо было всадить две или три такие стрелы…

Они вели неспешный разговор, сидя на крыльце лачуги колдуна. Старик, имя которого было Мерид, очень давно жил в этом краю, среди густых лесов и непроходимых болот.

Люди сюда забредали редко, и он был рад поговорить с киммерийцем, особенно когда узнал, что Конан старый друг его давнего приятеля Кушада.

— Сюда почти никто не попадает по своей воле, видишь, какие места? — Мерид повел рукой, показывая на густой и высокий лес вокруг поляны, на которой стоял его дом — настоящее жилище лесного чародея, срубленное из огромных, в два обхвата, бревен.

— А эти, воительницы? — спросил киммериец.

— Иногда приходилось вытаскивать их из болота или выводить из леса. Хорошие были девки! — Он, хитро улыбнувшись, щелкнул языком, и варвару стало понятно, что, наверное, немало девушек в этой стране обязаны Мериду своим появлением на свет.

— Пора и мне покинуть твой гостеприимный кров, — начал варвар.

— Не торопись, побудь еще денек-другой, пока не наберешься сил. За что демоны забросили тебя в эти края? — полюбопытствовал старик.

Киммериец рассказал обо всем, что произошло с ним за последнее время, стараясь не упустить ни одного события.

— Думаю, надо тебе забыть эту Акилу, — сочувственно выслушав Конана, посоветовал Мерид. — Поверь мне — а я этих женщин знаю хорошо, слава богам, уж сколько лет живу рядом, — ничего путного из этого не выйдет. Они странные, их обычаи непонятны мне, тем более отношение к нам, мужчинам. Мало с кем удавалось мне найти общий язык, а уж я старался, как мог… В молодости, знаешь ли, у меня это получалось неплохо.

— Мне это не в диковинку. — И Конан поведал старику о странной впадине в заморанской пустыне, которая называлась Тангой, и где ему довелось побывать в юности.

— Там нашего брата тоже не жаловали, — подытожил он свой рассказ, — но все-таки не убивали, как эти амазонки.

— Слыхал я об этой Танге, — выслушав его, сказал Мерид. — Кажется, это рядом с

проклятым городом Ларша?

— Точно, — подтвердил киммериец. — Нечистое местечко, колдовское. Наверное, магия как-то воздействует на женщин, вот они и сходят с ума. Здесь тоже, наверное, какое-то сильное магическое влияние, потому-то воительницы маленько того… — Он покрутил пальцем у виска.

— Может, и так, — усмехнулся старик. — Возьми-ка, чтобы руки не скучали. — Он бросил Конану зайцев, вытащенных утром из силков. — Освежуй, а я приготовлю ужин.

Мерид был еще крепок, хотя его волосы были белы, как шкура северного медведя. Умением работать челюстями он не уступал киммерийцу, и скоро от четырех довольно крупных длинноухих зайцев остались одни косточки, их с довольным урчанием приканчивал лохматый пес.

— Вот чего у меня нет, так это вина, — с сожалением сказал старик, вытирая рот рукавом рубахи, — кончилось. Кстати, расскажи-ка мне подробнее про эту чародейку, которая превращалась в мужчину. Кого-то она мне напоминает…

Стараясь не упустить ни малейшей подробности, Конан описал Мериду свои встречи с колдуньей.

— Что ж ты мне сразу не сказал, что она ищет чашу Гуйюка? — упрекнул тот киммерийца. — Это совсем плохо и чревато большими несчастьями для многих, — добавил старик, и его лоб избороздили морщины.

— Почему? — полюбопытствовал Конан.

— А вот слушай…

И старик рассказал ему длинную легенду, которую в свое время, слышал от матери, а та — от бабки, в общем, начало этой истории терялось в такой глубине времени, что и умом не охватить. По его словам выходило, что чаша эта в давние времена принадлежала гиперборейцам, но в войнах против номадов она была утеряна, и никто не знает, где она сейчас.

С давних пор они разыскивают ее, и особенно в этом заинтересована ведьма Лоухи из Похьелы. Говорили, что там, где находится эта чаша, кончается вечный холод, и если ее перенести в другое место, то граница вечного холода двинется вслед за ней. Это произойдет не сразу, может быть, пройдут десятилетия, но вечный холод может оттеснить соседние племена к югу, и их земли достанутся гиперборейцам.

— Очень похоже, что твоя колдунья — дочь Баэлины, — озабоченно сказал Мерид.

— А кто такая Баэлина?

— Дальняя родственница ведьмы Лоухи, очень дальняя, так мне рассказывали, — ответил Мерид. — Но дело в том, что весь этот клан повязан клятвой Белой Руки, и где бы ни находились родичи, они помнят о своем главном предназначении — крепить могущество Гипербореи. Они как угри, которые возвращаются из дальних морей в родную реку. Люди из этого клана всегда помнят, что их предки были гиперборейцами.

— Так ты думаешь, эта мерзавка хочет завладеть чашей и перенести ее на юг? — обеспокоенно спросил варвар.

— В том-то и дело, — медленно проговорил старик. — Представь, что она привезет ее в Султанапур или еще куда-нибудь. Тогда, если легенда не обманывает, через сколько-то лет вечная мерзлота дойдет до тех мест. Море Вилайет будет зимой покрываться льдом до самого Острова Железных Идолов. Холод постепенно проникнет до самого Хаурана, все покроется снегом, не будет ни пастбищ, ни таких лесов, как этот. Ты был когда-нибудь в тундре?

— Мне пришлось в молодости побывать в Гиперборее, — усмехнулся киммериец, вспомнив ненавистную Халогу, — в самой ледяной пустыне.

— Вот такое может быть и здесь, — мрачно кивнул Мерид. — Кушад давным-давно рассказывал мне, что, по его сведениям, Баэлина ищет эту чашу, но у нее что-то не ладится с магией. Среди магов тоже ходят слухи, — усмехнулся он, — по нашей, по колдовской части: кто что поделывает, кому что удалось, а кому нет, клянусь Эрликом!

— И что же теперь делать?

— Боги не должны допустить этого, но, — старик с сомнением покачал головой, — все может случиться. Если эта молодая стерва заполучит чашу в свои руки, то нарушится Великое Равновесие, и никто не знает, что может тогда произойти. Эх, обленился я здесь! — Он сокрушенно ударил ладонью по коленям. — Не слежу за тем, что творится в мире. Сами боги послали тебя ко мне, киммериец! Мне кажется, сейчас один ты способен помочь — не только мне, но и многим другим.

— Говори, что я должен делать. — Варвар истосковался без дела. — Я готов, клянусь бородой Крома!

— Будь я неладен! — опять обругал себя Мерид. По его лицу было видно, что он сильно расстроен. — Я не могу тебя быстро переместить, потому что Серую Шкуру одолжил Ток-тогулу, к которому и надо тебе попасть. Эх, кто же мог знать! Я же говорю — обленился, не слежу. Если бы я вовремя узнал, что произойдет в ближайшем…

— А где этот Ток-тогул? — перебил киммериец.

Его не пугали большие расстояния: жизнь научила многому, и трудным переходам в том числе.

— Он живет на краю тундры, за Северными горами, где начинаются земли снежных гирканцев. Туда дней десять пути верхом.

— Ну, так это не дорога! — рассмеялся Конан. — Десять дней, тоже мне путешествие, клянусь Кромом!

— Дело в том, что эта колдунья придет туда раньше, чем ты доберешься до Ток-тогула, а он ничего не знает о ней, да и неизвестно, сможет ли ей помешать.

— Но она же не знает, где искать чашу!

— А ты знаешь?

— Знаю!

— Как узнал ты, так мог узнать и другой. Эти воительницы живут здесь с незапамятных времен, может, кто-нибудь из них и слышал о чаше.

— Я об этом не подумал, — сокрушенно потупился варвар.

— Ничего страшного, — махнул рукой старик, — человек не может предусмотреть всего. Главное, что у тебя есть защита от чародейки, и ты в силах ей помешать. Вот только как бы предупредить Ток-тогула, чтобы он задержал ее на несколько дней…

Старик погрузился в глубокие раздумья. Киммериец, заложив руки за голову, прислонился к нагретой солнцем бревенчатой стене старого дома и тоже задумался. Он вспомнил ледяную пустыню — не в Гиперборее, а в Асгарде, — где как-то пришлось провести несколько дней.

Это было давно, но он будто наяву видел припорошенные снегом синеватые глыбы и острые, как стекло, ледяные осколки под ногами.

«Бр-рр… — поежился варвар. — Однако ничего не поделаешь, если надо, то придется еще раз прогуляться в такие места».

— Кажется, придумал, — оторвался от своих размышлений Мерид. — Правда, тебе придется сделать небольшой крюк, но это все-таки выход из положения. Поедешь на запад, там начинается тундра и там живет старая Акаста. Она моя родственница, и должна помочь тебе. Возьмешь моего лучшего коня и через два дня будешь там.

— Сделаю все, что скажешь, — заверил старика киммериец, — можешь на меня положиться.

Глава третья

Мерид сам проводил варвара лесными тропами, известными только ему, к последней гряде гор, за которыми начиналась степь, переходящая в тундру.

— Пройдешь перевалом между этими горами, — указал старик на плоские, изъеденные временем голые вершины, — а когда спустишься на равнину, то держись края леса, чтобы не угодить в болото, и выйдешь прямо к Акасте. Других жителей в атом месте нет, так что не промахнешься. Передашь ей привет от меня и расскажешь то, что поведал мне. — Старик подержался за стремя его коня. — Ну, прощай, пусть боги нам помогут.

— Спасибо тебе за все. — Конан тронул поводья и направился по узкой, почти незаметной тропинке к видневшейся вдали впадине на горном кряже.

Дорога была нетрудной, а коня старик дал доброго, так что киммериец еще до конца дня перевалил через хребет и спустился в долину. На той стороне гор, еще на склоне, он почувствовал холодное дыхание зимы. Будто и не приходила сюда весна, травяной покров был еще желтым и только кое-где пробивались островки юной зелени. Лес, края которого велел держаться Мерид, был низкорослым и чахлым — сосны и ели, что по ту сторону гор были высокими и могучими, по эту напоминали высокий кустарник.

Слева, насколько хватало глаз, тянулась бесконечная кочковатая равнина, покрытая редкой травой, озерцами темной воды и торчащими кое-где хилыми деревцами. Варвар, каждый раз поминая демонов, с трудом находил путь между болотной жижей и усыпанным камнями чахлым лесом. Все время навстречу ему дул злой колючий ветер, иногда приносивший с собой хлопья редкого мокрого снега.

«Хорошо, что старик дал мне этот плащ. — Конан поглубже надвинул капюшон, стараясь укрыться от холодных порывов ветра. — Понятно, почему здесь никто не живет», — усмехнулся он, окидывая взглядом тоскливую буровато-желтую поверхность болот.

Он с трудом нашел более-менее сухую поляну, пригодную для ночлега, пустил коня попастись на опушке чахлого леса, где приметил островки свежей травы, а сам, наломав сучьев, разжег костер. Сырое дерево горело неохотно, но все-таки давало тепло, и киммериец смог переночевать у огня, поплотнее завернувшись в плащ. Старик щедро снабдил его в дорогу едой, и это грело душу даже лучше, чем скудное тепло тлеющих коряг.

Утром, едва рассвело, варвар продолжил свой путь. Лес кончился вместе с последними отрогами гор, точнее, уже плоских холмов, и теперь Конана окружал со всех сторон унылый простор болота; за ним едва угадывалась тропа, по которой он надеялся добраться до старухи. Все время, пока его конь ступал по зыбкой, хлюпающей под копытами почве,

мертвая тишина, окутавшая все вокруг, нарушалась только порывами ветра да чавканьем болотной жижи. За весь день киммериец не встретил по пути ни зверя, ни птицы.

«Вот уж местечко так местечко. — Он вертел головой, тщась найти хоть малейший признак жизни. — Сам Нергал вряд ли захотел бы здесь поселиться!»

Когда солнце склонялось к горизонту, он учуял дым, а еще через некоторое время увидел стелющееся почти по самой поверхности болота клочковатое марево.

«Слава Митре, доехал», — с облегчением вздохнул киммериец, направляя коня к видневшемуся вдали небольшому холму, где, как он предполагал, и жила та самая старуха.

Однако попасть к ней оказалось не таким простым делом. Конан объехал вокруг всего холма, но нигде не нашел хотя бы намека на вход. Не было и дымохода, дым просто сочился откуда-то снизу, как будто горел весь пригорок.

— Акаста! — заорал Конан во всю мощь своих легких. — Где ты прячешься? Меня прислал Мерид!

— Ну вот, так бы сразу и сказал, — послышалось откуда-то сверху. — Можешь заходить.

Варвар поднял голову, но кроме белесоватого, покрытого клочками облаков неба, ничего не увидел.

— Не туда смотришь, парень, — снова раздался тот же голос, — гляди перед собой.

Киммериец присмотрелся и только теперь увидел, что у пригорка менялись очертания: он рос ввысь и в то же время проваливался, напоминая гигантскую воронку. Конь испуганно заржал и попятился назад, но было уже поздно, земля под ними поехала, и какая-то сила начала затягивать и коня, и варвара внутрь этой воронки. Скоро они очутились между двумя высокими стенами, сложенными из желтоватого камня.

Сила продолжала тащить их все глубже и глубже, пока не скрылось и небо, и чахлая болотная равнина, и вообще все вокруг — и снизу, и сверху, и с боков — была только каменная поверхность.

Наконец движение прекратилось, и Конан очутился в большом круглом зале без окон и дверей. Мягкий свет зажженных по углам больших светильников делал помещение просторнее, чем было на самом деле. Зал был почти пуст, если не считать каменного подиума напротив киммерийца; на подиуме в большом старинном резном кресле сидела сморщенная старушонка, с любопытством глядевшая на гостя.

— Слезай с коня, — посоветовала она варвару, — чего застыл?

Конан, несколько ошарашенный всем происшедшим, при звуках ее голоса соскочил с седла и поклонился.

— Здравствуй, почтенная, меня прислал Мерид.

— Слышала уже, — отмахнулась старуха. — Заберите у него коня, — приказала она кому-то, стоявшему, по-видимому, за спиной варвара. Он оглянулся, но никого не увидел — как, впрочем, и своего коня, который мгновенно исчез, словно растворился в воздухе.

— Ну, подходи, садись да расскажи, что поделывает этот старый пень, — поманила его старуха.

Конан подошел поближе, и хотел уже, было, присесть на подиум, но тут заметил невесть откуда появившееся кресло, такое же, как у старухи.

— Садись, садись, — подбодрила его Акаста, — а то все седло да седло, притомился, небось.

Киммериец был несколько смущен встречей и удивлен творящимися вокруг чудесами, поэтому он потрогал кресло, убедился, что оно твердое, и лишь после этого осторожно

присел на краешек.

— Не бойся, не развалится, — успокоила его старуха, — единственное, что может здесь развалиться, — это я сама.

Варвар взглянул на нее повнимательнее: действительно, с виду она была очень древняя, глубокие морщины покрывали все лицо и сложенные на коленях руки. Кожа была темного, почти орехового цвета, какая бывает у стариков, проживших много-много лет.

— Небось, обленился совсем мой племянничек? — спросила старуха, не дождавшись, когда киммериец соберется с мыслями. — Гонять его надо хорошенько! — Она вдруг сурово поджала тонкие губы. — Совсем отбился от рук без присмотра!

Было видно, что колдунью не так интересовало, что расскажет гость, как хотелось выразить свое недовольство поведением племянника. Варвар, несколько удивленный ее суровым тоном и осведомленностью в делах живущего далеко отсюда Мерида, молчал, не зная, с чего начать.

— Или это девки сбивают его с толку? — Старуха то ли задала вопрос, то ли продолжала говорить сама с собой. — Старый пень, а туда же, мать его… — энергично выразилась она напоследок и взглянула на Конана.

Варвар открыл рот, чтобы вставить слово, но не успел.

— И не защищай его! — замахала ведьма руками. — Тоже, наверное, такой же кобель! Все вы одинаковы, — продолжала развивать она мысль, которая, видимо, давно не давала ей покоя. — Дела забываете, клянусь Митрой, когда только почуете…

Она вдруг съежилась и долго ловила ртом воздух, Конан испугался, не хватил ли ее удар, но она только чихнула, зато с такой силой, что закачалось пламя светильников.

— Пока он там гуляет по лесу, да лапает амазонок, мне приходится делать за него его работу, — пожаловалась Акаста варвару, как будто он понимал, о чем идет речь, и, по крайней мере, мог повлиять на нерадивого племянника. — А я уже в возрасте, — подняв палец, продолжала она. — Ведь его обязанность — никого не допускать на остров. Впрочем, — старуха подозрительно посмотрела на Конана, — тебе это знать ни к чему. Но за птицей присмотреть бы мог, — все-таки желание пожаловаться было выше ее сил, — сколько раз ему твердила, да он все не слушает, ленивый обалдуй! Вот и добездельничался, птица стала слабее курицы и, конечно, сразу же нашелся какой-то мерзавец, который прикончил нашу кроткую пташку. А это не к добру, если кто-то побывает на острове и сможет унести оттуда ноги. — Старуха опять замолчала, видимо, соображая, какое отношение может иметь варвар к неизвестному ему острову.

Вспомнив, что киммериец явился сюда совсем по другому делу и вряд ли может посочувствовать ей в потере столь нежного создания, каким, несомненно, была птица со стальным оперением, она обреченно махнула рукой.

— Думаешь, если колдунья, так все и могу? Нет! — печально вздохнула старуха. — У каждого свое предназначение. Ну, хорошо, — успокоилась Акаста и, как показалось Конану, взглянула на него благосклонно. — Спасибо, что порадовал бабку новостями.

Варвар разинул рот от удивления: он же ни слова не сказал. Но затем решил, махнув про себя рукой: и у колдунов бывает маразм.

— Ты ведь с дороги, наверное, есть хочешь?

Конан, не раскрывая рта, просто кивнул, сочтя за благо не провоцировать старуху на новое словоизвержение.

— Дайте ему поесть, — кивнула старуха пустоте, и рядом с киммерийцем тотчас возник

стол, уставленный кушаньями. Нельзя сказать, что пища была особо изысканной, однако она казалась сытной и обильной: жареная оленина, копченая рыба, какие-то мелкие печеные птахи под ароматным соусом, и — самое приятное и неожиданное для киммерийца, — большой кувшин вина. Он взял кувшин и с сомнением понюхал, но из горлышка действительно пахло вином и, похоже, неплохим. Чудеса, да и только!

— Угощайся, — показала на стол старуха и отправила себе в рот большой кусок рыбы. — Особо побаловать тебя нечем, но голодным не останешься.

Акаста оказалась неплохой сотрапезницей. Конан дивился, как такое тщедушное существо способно поглощать количество пищи, с каким даже ему вряд ли справиться. А ведь он не считал себя плохим едоком.

«Наверное, это у них семейная черта, — вспомнив отменный аппетит Мерида, решил киммериец. — Собственно, наплевать мне на это, здесь хватит на всех, клянусь брюхом Крома!»

— Ну, — сытно рыгнув, обратилась к нему старуха, когда блюда опустели, — теперь и отдохнуть пора. Знаю я вас, кобелей. — Она погрозила ему пальцем. — Тем более, что ты дружок моего племянника. Отведите его в спальню! — опять кивнула она кому-то невидимому.

Конан поднял голову — выяснить, куда его поведут, и тут же очутился в другом помещении, меньших размеров. Стены были увешаны дорогими туранскими коврами, а посередине находилось большое ложе с десятком мягких подушек. Киммериец не успел в очередной раз открыть рот от удивления, как вдруг невесть откуда в комнате появилась молодая красивая женщина с распущенными по плечам роскошными волосами, все ее одеяние составляла узенькая, не шире ладони, расшитая бисером полоска на бедрах.

— Если я тебе нравлюсь, я проведу с тобой ночь, — нежным голосом проговорила незнакомка.

«Не снится ли мне все это? — задал, наконец, себе вопрос варвар, разглядывая девушку. — Может, я просто сплю на этом проклятом богами болоте?»

Красавица откинула назад густые светлые волосы, закрывавшие ее грудь, и протянула руки к киммерийцу.

— Что же ты стоишь? Или я тебе не по вкусу?

Конан шагнул вперед, уже не различая, где кончается явь и начинается сон. Ему было все равно.

* * *

— Вижу, что ты хорошо отдохнул, — приветствовала его старуха.

Конан не помнил, как он опять очутился в большом зале, где перед ним, как и вчера, стоял стол с едой.

— Подкрепись хорошенько, — посоветовала ему Акаста, принимаясь за еду, — у косоглазого Ток-тогула тебя так не попотчуют.

«Откуда она все знает, — подумал варвар, — ведь разговора об этом еще вроде не было».

Но он не стал обременять себя лишними думами, тем более, что в волшбе разбирался

весьма слабо — хотя ничуть не жалел об этом.

«Знает — и хорошо, — налегая на оленину, думал Конан, — спасибо, что не превратила в паука или кучу дерьма, а накормила и… — он припомнил подробности минувшей ночи, и остатки сомнений улетучились как дым, — чего, спрашивается, еще желать?»

— Теперь садись на эту шкуру, — сказала старуха, когда трапеза закончилась,

Варвар спрыгнул с подиума и, выполнив приказание Акасты, сел на шкуру белого медведя, расстеленную на полу.

«Здоровый был зверюга, — разглядывая потертый мех, прикинул он, — кому-то пришлось сильно потрудиться, чтобы добыть такого».

— Твой дружок Мерид был неплохой охотник, — подтвердила старуха его мысли. — Отправьте его к Ток-тогулу, — махнула она кому-то рукой.

Глава четвертая

Колючая пурга вихрем налетела на киммерийца, норовя набить снег во все отверстия его одежды. Конан поднялся на ноги и огляделся: белая равнина, смыкавшаяся со столь же белым небом так плотно, что дальше пятидесяти шагов ничего не разобрать. Порыв ветра снова хлестнул его снегом по лицу. Варвар потуже затянул пояс плаща.

Мгновение назад он был еще в теплом и уютном жилище Акасты, и то, что его выбросили в снег и метель, не могло особо радовать.

«Ну и шуточки у этой карги, — сокрушался Конан, прикидывая, что же теперь делать, — хоть бы предупредила, что ли!»

Он пребывал в замешательстве, не имея понятия, где он находится и куда нужно направляться. Помнится, старуха упомянула Ток-тогула, к которому еще надо попасть, но больше ничего не сказала.

«Может, забыла, старая ворона? — подумал киммериец, растирая руки, уже начинающие мерзнуть. — Или забросила куда-нибудь не туда, ошиблась по дряхлости, а мне теперь ломать голову, как выбираться отсюда…»

Снежный вихрь кружил по-прежнему, не давал возможности хотя бы определить, в какую сторону идти.

«Отсюда, эка хватил, — передразнил себя варвар. — Если бы знать, где я, то можно и подумать, откуда выбираться. Хорошо хоть, есть шкура, — не сразу замерзну».

Он сошел с медвежьей шкуры и нагнулся, чтобы взять ее за край, но не успел: с тихим свистом шкура скукожилась до лоскутка и растаяла в пурге.

— Эти колдовские штучки, дерьмо ослиное! — выругался киммериец.

Он решил двигаться хоть в каком-то направлении — если стоять на месте, то и в сосульку превратиться недолго. Варвар довольно долго шел по равнине, пока не заметил впереди темное пятно.

«Слава богам, — обрадовался он, — хоть какое-то разнообразие, а то снег и снег, спятить можно».

Конан прошел еще немного вперед, и ему показалось, что пятно тоже перемещается. Он

присмотрелся, и сомнений не осталось: какой-то предмет двигался в его сторону. Через некоторое время киммериец различил сани, запряженные четверкой низкорослых животных с ветвистыми рогами. Киммериец сложил ладони воронкой, и могучий голос, споря с завываниями ветра, огласил снежную равнину:

— Эй! На санях!

Седок приподнялся, видимо, услышав крик варвара, и сани повернули к Конану. Через некоторое время киммерийца приветствовал узкоглазый маленький человечек, одетый в штаны и куртку из оленьего меха, и мохнатую медвежью шапку.

— Я тебя чуть не полдня ищу! — пожаловался он киммерийцу. — Меня послал Токтогул. Эта Акаста вечно что-нибудь перепутает… Садись.

Варвар сел рядом с ним в сани, и человечек набросил ему на плечи мягкую накидку из пышного желтоватого меха.

— Наверное, замерз? У нас здесь не разгуляешься без теплой одежды, — он тронул оленей длинной тонкой палкой, и сани помчались сквозь пургу. — Я знаю, что тебя зовут Конан и что Мерид прислал тебя, чтобы помешать Гермии достать чашу.

— Откуда тебе это известно? — не удержался от вопроса варвар.

— У хозяина свои секреты, — усмехнулся человечек и прикрикнул на оленей, и те, повинуясь его голосу, рванули быстрее.

Через некоторое время равнина сменилась холмами, и между ними запетлял санный след. Склоны были безлесые, почти сплошь покрытые снегом, и лишь кое-где из-под белого покрова проглядывали камни и редкая трава.

Сани обогнули холм, и Конан увидел темное углубление, по-видимому, вход в пещеру, которое отчетливо выделялось на белом снежном покрывале.

— Ну, вот и приехали, слава Митре! — удовлетворенно сказал возница, придерживая оленей. — Ступай туда. — Он указал на темный зев пещеры. — Тебя ждут.

Киммериец повиновался и, сделав несколько шагов под каменным сводом, обнаружил потемневшую от старости дверь. Он толкнул ее и, войдя в полутемное помещение, огляделся по сторонам. Небольшой зал, вырубленный прямо в скале, освещался одним большим светильником в виде широкой чаши на каменной колонне. Пламя колебалось от сквозняка, и причудливые тени на неровных стенах, казалось, плясали в такт движениям огня. Отворилась дверца на противоположной стене, человек в такой же, как у возницы, одежде, поманил варвара пальцем. Конан, пригнувшись, вошел в соседнее помещение.

Этот зал был в несколько раз больше предыдущего. Варвар поднял голову, но не увидел потолка пещеры, так высоко уходили каменные стены. Вокруг разложенного посреди зала большого костра, помогая себе ударами в бубен и высоко подбрасывая колени, кружился человек в одежде из лисьего меха. Его тонкое смуглое лицо было сосредоточенно и неподвижно, сполохи красноватого пламени очерчивали выступающие скулы и слегка приплюснутый, как у всех гирканцев, нос. Человек скакал вокруг огня, выводя высоким голосом заунывную мелодию, лисьи хвосты, украшавшие его одежды, подпрыгивали в такт его движениям.

Чуть поодаль от костра, шагах в десяти от танцующего, сидели кружком еще около десятка человек, хлопками в ладоши и протяжными выкриками они сопровождали каждый удар бубна.

Варвар прошел несколько шагов вслед за впустившим его человеком и остановился недалеко от огня. И застыл в ожидании, заложив руки за спину.

— Вижу, вижу, — разобрал варвар слова танцующего, — вижу женщину в белых одеждах…

Сидящие кружком опустили головы на ладони и глухо повторяли вслед за человеком в лисьих одеждах:

— Видим… видим…

Все реже звучали удары бубна, а вместе с ним затихала и тягучая песня, и замедлялись движения человека у костра, пока, наконец, он не остановился и не рухнул в изнеможении на каменный пол. Вслед за ним участники церемонии дружно повалились ничком и затихли. Киммериец с любопытством взглянул на человека, который привел его сюда, однако смолчал, ожидая, что же последует дальше.

Человек, в свою очередь, посмотрел на Конана, и приложил палец к губам, потом отошел немного в сторону и присел на корточки, дожидаясь, когда участники церемонии придут в себя и смогут говорить. Прошло немного времени, человек с бубном поднялся с земли и, как ни в чем не бывало, направился к киммерийцу.

— Хорошо, что ты здесь, — произнес он, — Колдунья уже в наших землях, а духи говорят, что, кроме тебя, никто не сможет ее остановить, Меня зовут Ток-тогул, я главный шаман этого края.

Он направился в дальний угол пещеры, сделав варвару знак следовать за собой. Когда они прошли через весь огромный зал, Конан увидел, что в каменной стене есть еще одна маленькая дверца. Колдун открыл ее и пропустил киммерийца вперед. Тому пришлось снова согнуться чуть ли не до пояса, чтобы протиснуться сквозь узкий проход.

Следующий зал был совсем небольшой и скорее напоминал камеру темницы, потому, что освещен был весьма скудно, а из мебели в нем стояло лишь небольшое деревянное ложе.

— Садись, — предложил Ток-тогул киммерийцу и сам опустился на отполированные временем темные доски ложа. Варвар сел и приготовился выслушать очередного колдуна — после визита к старой карге Акасте ему казалось, что все в этих краях обожают поговорить.

— Ты с дороги, — начал Ток-тогул, — так что для начала следует подкрепиться.

Конан по своему обыкновению не возражал, хотя совсем недавно он плотно набил желудок яствами колдуньи. Ток-тогул сбросил меховую куртку, под ней оказалась красиво расшитая цветным бисером кожаная рубаха. Непонятно откуда он достал резной костяной свисток, из которого извлек, надувая щеки, смешные хрюкающие звуки.

Дверца отворилась, и в комнату вошли люди в таких же мягких рубахах из оленьей кожи. Каждый нес в руках уставленный снедью поднос и, опустив его перед Ток-тогулом и Конаном, выходил. Люди сменяли друг друга так быстро, что у варвара зарябило в глазах, а когда мельтешение прекратилось, на ложе между ним и Ток-тогулом остались скатерть и деревянные блюда, на которые были навалены ломти соленой и копченой рыбы, куски горячей, только что с огня, оленины, печеные яйца и небольшие плошки с северными ягодами.

— Угощайся, — предложил шаман.

Кимммерийца не надо было просить дважды. Он отведал всего, что лежало перед ним.

«С чем хорошо в этой стране, — подумал он, шумно высасывая мозговую кость, — так это с едой. Здешний народ и поесть любит, и на угощение не скупится».

После трапезы Ток-тогул велел слугам найти для киммерийца что-нибудь из теплой одежды, но сделать это оказалось не просто — Конан был чуть ли не вдвое выше и шире любого из местных богатырей.

Вздохнув, Ток-тогул усадил дюжину мастериц шить теплые вещи для варвара. Пока девушки, напевая какую-то грустную песню, трудились в большой пещере над принесенным ворохом различных шкур, колдун напутствовал киммерийца:

— Красная Гора находится в трех днях пути отсюда. Как поведали мне духи, эта черноволосая колдунья уже направилась туда. Но это не страшно, потому что я дам тебе шестерку самых быстрых оленей и лучшего погонщика. Ты настигнешь ее, в этом нет сомнения, а что будет дальше — зависит от тебя. Покажи мне свой талисман.

Киммериец вытащил из-за ворота рубахи мышиный череп с агатовыми глазами. Ток-тогул внимательно посмотрел на него.

— Однако, — пожевал он губами, — вижу, что заклятие уже немного ослабло. Давай-ка я защищу тебя дополнительно своей силой.

Варвар не возражал, тем более что он не понимал в этих делах ровным счетом ничего. Колдун принес кожаный мешочек, вытащил из него несколько медвежьих клыков, шкурку белой мыши, две шкатулки, вырезанные из бивней моржа. Он долго шептал над мышиной шкуркой, потом посыпал ее белым порошком и положил сверху самый большой клык, уже пожелтевший от времени.

Порошок стал обугливаться, и вдруг шкурка вспыхнула ровным голубым пламенем. Ток-тогул сунул в пламя кусочек шерсти, потом свой палец и, удовлетворенно хмыкнув, обратился к киммерийцу:

— Поднеси поближе свой талисман.

Конан снял мышиный череп с шеи и поднес к пламени. Он удивился: огонь совершенно не грел, и, казалось, был даже холоднее, чем воздух в пещере.

— М-мм, м-ммаа, м-ммооо… о-о-о… — замычал Ток-тогул.

Агатовые глаза черепа вдруг вспыхнули красноватым блеском и, мигнув несколько раз, снова погасли. По телу Конана прошел легкий озноб, но это длилось лишь мгновение.

— Надевай, — скомандовал колдун, — теперь ей тебя ни за что не усыпить.

— Ты знаешь, где чаша? — спросил варвар.

— Нет, — ответил, прищурившись, Ток-тогул. — Я никогда не бывал у Красной горы, потому что мне туда путь заказан. Табу, — пояснил он. — Но мой человек знает путь.

Мастерицы работали не покладая рук, и после полудня одеяние для киммерийца было готово. Он надел штаны и куртку из двойного меха: верх из оленьих шкур, а подбой из заячьих, — и стал похож на местных жителей, если, конечно, не брать в расчет его громадный рост и могучие плечи. Варвар нацепил свой пояс с мечом и кинжалом и, надев шапку из лисьих хвостов, вышел из пещеры.

— Ну, вот и хорошо! — обрадовано воскликнул Ток-тогул, увидев преображенного варвара. — Сейчас приедут сани, и можешь ехать. Да вон они, — указал он на клуб пороши, летящий к ним от ближайшего холма.

Через некоторое время четверка оленей замедлила свой бег, и погонщик, что привез сюда киммерийца, соскочив на ходу с саней, побежал к Ток-тогулу. Шаман, увидев погонщика, нахмурился:

— Почему ты вернулся один? — недовольно спросил он. — Где наша лучшая шестерка и проводник?

Тот, покосившись на киммерийца, что-то зашептал на ухо Ток-тогулу. Шаман напряженно внимал, и лицо его мрачнело все сильнее. Наконец он, не в силах сдержать раздражение, бросил под ноги свою шапку.

— Мешок с дерьмом, я ему сейчас покажу! — Он кинулся к саням, взмахом руки позвав варвара за собой.

— Гони! — закричал Ток-тогул, и сани вихрем понеслись по снежной дороге.

Глава пятая

Путь оказался недолог. Едва они обогнули холм, как появилось селение в несколько десятков конических жилищ из жердей и тюленьих шкур. Видимо, там в самом разгаре был праздник — слышались звуки бубна, радостные возгласы, смех и пронзительный женский визг. У большого костра человек пятьдесят самозабвенно кружилось в веселом хороводе. Сани подлетели к костру, и погонщик резко остановил оленей.

Пляска чуть замедлилась, некоторые танцоры мельком взглянули на вновь прибывших, но тут же вернулись к прерванному занятию. Конан слез с саней и посмотрел на веселящихся. Все до одного были в стельку пьяны.

— Отрыжка бешеного волка, ублюдки! — заорал на них Ток-тогул, соскакивая с саней. — Где этот вонючий червь Кунанбай?

Плясуны остановились и тупо уставились на шамана, бубен затих. Наступила тишина, слышалось только прерывистое дыхание десятков людей. Наконец один человек, видимо наименее пьяный и сохранивший остатки соображения, заулыбался и повалился в снег, норовя облобызать шаманские сапоги.

— Ток-тогул, однако! — радостно завопил он. — Смотрите, великий шаман приехал! — сообщил он односельчанам.

Те, слегка протрезвев, уставились на Ток-тогула, некоторые узнавали его и приветливо махали руками.

— А, чтоб тебя, моржовая задница! — Ток-тогул в сердцах пнул гуляку, и тот с радостным смехом опрокинулся на спину.

— Где, я тебя спрашиваю, где Кунанбай, этот мешок с дерьмом? — В ярости шаман принялся пинать своих соплеменников.

— Он устал, он спит, — покачиваясь на носках взад-вперед, словно колодезный журавль, сообщил один из гирканцев.

— Я вырву его печень и брошу псам! — закричал шаман, белея от ярости, и побежал к одному из шалашей.

За ним помчался погонщик; киммериец, сопровождаемый восхищенными возгласами пьяных местных красавиц, не спеша последовал за своими спутниками. Когда он подошел к шалашу, оттуда с воплями и ругательствами погонщик и шаман вытащили какого-то человечка и, осыпая пинками и затрещинами, принялись возить его лицом по снегу — видимо, надеялись привести в чувство. Все их попытки, однако, оказались тщетными, и наконец Ток-тогул, оставив в покое Кунанбая и его соплеменников, принялся расспрашивать бегающих по селению детей — только они и остались трезвы. После долгих мытарств удалось выяснить, что сегодня утром в селение приехали несколько женщин.

Все они были светловолосыми, рослыми и красивыми, но самая красивая была с

черными волосами. Они привезли много вина, очень много — несколько бочонков, и все селение пило это вино. Женщины уехали обратно, а самая красивая уехала туда — дети показали на север, — на самых быстрых оленях, которые дал этой женщине Кунанбай.

Выслушав рассказы детворы, Ток-тогул и Конан хмуро переглянулись. Все было ясно: в селение приехала Гермия с воительницами и, хорошенько подпоив жителей, падких на дармовую выпивку, колдунья умчалась на лучшей оленьей упряжке к Красной горе.

— Чтоб тебя бешеный волк обмочил! — В сердцах Ток-тогул пнул все еще валявшегося в снегу и блаженно мычавшего Кунанбая. — Затащи его обратно, — велел он погонщику, — да врежь еще раз как следует…

Расстроенный шаман приказал погонщику запрячь в сани свежих оленей, и поскольку тот, кого намечали в проводники, был не более трезв, чем его односельчане. Ток-тогул решил, что киммерийцу надо добираться до места самому, а там положиться на милость богов. Отчасти варвар был даже рад такому повороту событий, потому что от него почти ничего не зависело — он, как щепка в водовороте, вынужден был следовать указаниям передававших его из рук в руки колдунов и чародеев. Конан не стал дожидаться, чем закончится праздник в селении. Взяв еды на дорогу, он распрощался с Ток-тогулом.

— Не горюй, — успокоил он шамана, — клянусь Кромом, я постараюсь все сделать как надо.

Он запахнул новую меховую куртку, поудобнее устроился на маленьких легких санях и тронул переднего оленя длинным шестом. Послушные животные, дружно перебирая тонкими ногами, понесли его на север. Пурга прекратилась, и на снегу были отчетливо видны следы саней, на которых совсем недавно промчалась колдунья.

«Зачем мне проводник? — рассуждал варвар, погоняя оленей. — Если боги удержат погоду, следы сами приведут меня к этой мерзавке».

* * *

Удача не оставляла Конана: след бесконечной лентой тянулся впереди, ему оставалось только погонять оленей.

Когда темнота опустилась на равнину, пришлось остановиться на ночлег, но утром, как только мутный серенький рассвет слегка обозначил восточный край неба, варвар снова пустился в погоню за колдуньей. Он не боялся ее магии, так как был вполне уверен, что подарок Тамины защитит его от волшбы. А если Гермия возьмется за оружие, то на этот раз великолепное владение клинком не спасет ее от смерти.

Боги пока благоволили ему, было хоть и пасмурно, но безветренно, и снег не падал, и киммериец только направлял оленей, поглядывая вперед, не появится ли на снегу черная точка. Но, видимо, олени, которых Кунанбай дал Гермии, действительно были самыми быстрыми.

Прошел еще один день, а сани колдуньи так и не показались впереди. Пришлось заночевать во второй раз. Это несколько обеспокоило Конана, потому что до Красной горы, по словам Ток-тогула, было всего три дня пути, и может случиться так, что он доберется слишком поздно.

Однако Гермия приготовила киммерийцу небольшой сюрприз. На следующее утро, едва он покинул свой бивак, олени вдруг замедлили бег и через несколько шагов встали. Варвар, соскочив с саней, подбежал к животным. Они спали, и как ни пытался он их расшевелить, не желали просыпаться.

«Вот сука! — выругался киммериец, припомнив, как то же самое случилось с конями воительниц. — Опять заколдованный круг».

Ему пришлось распрячь оленей, перетащить на плечах на то место, где чары не действовали, и снова запрячь. За день он был вынужден это проделать несколько раз, поминая недобрым словом Нергала и даже других, куда более приличных богов. Но после полудня, когда он проделывал это в последний раз, далеко впереди показалась вершина большой горы.

«Неужели? — обрадовался Конан. — Красная гора! Догоню, теперь ведьма от меня не уйдет, клянусь Солнцеликим!»

Олени, словно чувствуя за собой вину, быстро мчались по снегу, и гора росла буквально на глазах. Скоро стало ясно, видно, что такое название ей дали не напрасно — кое-где слой снега был сметен ветрами, и большие рыжевато-бурые пятна четко выделялись на белом фоне. Чуть позже Конан заметил впереди темное пятно, и сердце его радостно забилось.

— Не уйдешь! — крикнул он, хотя понимал, что с такого расстояния его слова колдунья не услышит.

Киммериец безжалостно погонял своих оленей, но когда они встали и свесили головы в очередной раз, он не стал их выпрягать, а побежал к горе. Он мчался изо всех сил, стараясь не упустить из виду маячившие впереди сани Гермии.

Стало жарко, и варвар сбросил сначала куртку, потом меховые штаны и остался в старой легкой одежде. Пар валил от него, как от скакуна, но Конан, стиснув зубы, бежал и бежал вперед, как будто за ним гналась стая голодных волков. Он почти догнал колдунью, но когда ее сани остановились у подножия горы, она оглянулась назад и увидела бегущего варвара. До нее еще было шагов двести-триста. Киммериец припустил быстрее, грозя ей кулаком, но Гермия, не обращая на него внимания, спрыгнула с саней и исчезла из виду. Через некоторое время Конан добежал до того места, где видел колдунью в последний раз, но нашел только пустые сани и шестерку оленей, — наверное, они наслаждались отдыхом после долгой скачки.

«Куда же она сгинула?»— лихорадочно соображал варвар, оглядывая снег.

— Не уйдешь! — он заметил цепочку узких следов, огибающих подножие Красной горы.

Киммериец бросился по следам колдуньи, и те вскоре привели его к узкой расселине в толще скал, куда он еле протиснулся. Пройдя несколько шагов, он наткнулся на железную дверь.

— Открывай, сука! — Конан так шарахнул кулаком по двери, что она загудела, словно барабан.

Из-за нее послышался короткий смешок, а потом из щели под дверью с гудением вырвался язык пламени. Варвар едва успел отпрянуть.

— Ты еще пожалеешь, что пренебрег мной, дикарь! — донеслось изнутри, потом раздался быстрый топот ног, и все стихло.

— Мерзавка! — Конан огляделся в поисках чего-нибудь подходящего для взлома, но вокруг были только снег, да камни.

Он попробовал ударить самым большим, какой только смог поднять, валуном, но не

смог протаранить дверь, металл был слишком толст. Только гул от ударов камня о сталь — вот и все, чего он добился. Киммериец бросил бесполезный камень, надо было искать другой способ.

«А вдруг есть еще один выход? — Эта мысль словно ожгла его мозг. — Пока я тут топчусь, она просто-напросто удерет через него!»

Он бросился к оленям колдуньи, решив проехать на них вдоль этого склона и посмотреть, не окажется ли верной его догадка. Уже садясь в сани, он подумал:

«Пока я тут катаюсь на оленях, она может уйти с чашей. Погоди же, я тоже сделаю тебе подарок!»

Варвар соскочил с саней и принялся носить к двери валявшиеся поблизости камни. Он так торопился, что обдирал руки, но куча камней все росла и росла, пока не завалила всю дверь. Несмотря на свою силу, он испытывал страшную усталость, но не покладая рук работал до тех пор, пока не заполнил камнями всю расселину.

«Вот теперь пусть попробует выйти!»

Довольный собой, киммериец уселся в сани и поехал вдоль склона горы. Он проделал довольно большой путь в одну сторону, потом, решив, что этого достаточно, направился обратно. Конан разогрелся от бега и работы и не чувствовал холода, но поездка в санях напомнила ему о том, что сюда весна еще не пришла. Он соскочил на снег и побежал рядом с оленями. Варвар быстро согрелся, он не задумывался, что будет потом, как он отсюда выберется, весь его ум был поглощен одной мыслью — не допустить, чтобы колдунья завладела чашей Гуйюка.

Глава шестая

До расселины оставалось еще шагов триста, когда киммериец вдруг услышал глухие удары — как будто кто-то огромный долбил гигантским молотом внутри горы. Конан ударил оленей жердью, они побежали быстрее; наконец он соскочил с саней и побежал к заваленной им двери. Удары доносились оттуда. Куча камней, которыми варвар завалил вход, подрагивала, но не сдвигалась с места: он поработал на славу, и надо обладать чудовищной силой, чтобы отворить дверь изнутри.

— Ну, как тебе мой подарочек? — не в силах сдержать радость, крикнул Конан.

Ответа изнутри не последовало, но удары посыпались с новой силой. Через некоторое время варвар увидел, как подножие горы чуть повыше заваленной расселины стало покрываться трещинами и из них потекли струйки зеленоватого дыма. Погода стояла безветренная, и дым, словно туман, окутал склон горы. На всякий случай киммериец отошел подальше и приготовился к любым неожиданностям.

Дым сгущался, тянулся вверх по склону, устремляясь к самой вершине Красной горы. Удары раздавались с равными промежутками, как будто внутри раскачивался гигантский маятник, которому не хватало места. Трещины в каменном монолите расползались, дыма все прибавлялось, и уже не было видно ни красного цвета самого камня, ни белизны снега: все пространство скрыл зеленоватый туман, и гора напоминала замшелый, чудовищных размеров

валун. Вслед за дымом из трещин выглянули язычки пламени, сначала маленькие и слабые, они постепенно вырастали, пока, наконец, не стали похожи на гигантские красные цветы, расцветшие среди дымного покрова. Пламя было таким сильным, что даже с того расстояния, на котором находился варвар, он чувствовал его опаляющее дыхание. Похоже, своими действиями Конан разбудил силы, какие ему и не снились.

«Снова я ввязался в какую-то пакость, кишки Нергала! — привычно посочувствовал себе киммериец. — Что ж, значит, судьба такова», — не менее привычно заключил он, продолжая наблюдать за происходящим.

А посмотреть было на что. Вся гора подрагивала, ее очертания изменялись, трещины, опаленные огнем, закрывались, но рядом появлялись новые, потоки талой воды сбегали по склонам, иногда низвергались водопадами и разлетались тучами сверкающих брызг. Сталкиваясь с пламенем и разогретым камнем, вода обращалась в пар, и белые облака его, кружась, уходили вверх, совершенно скрыв из виду вершину Красной горы.

Вдруг варвар услышал жуткий хохот в горе, похожий на раскаты отдаленного грома. За леденящим душу смехом послышались какие-то слова, но рев пламени и шум падающей воды не давали разобрать их.

Словно гигантская пасть, набитая камнями, пыталась выговорить фразу, но снаружи было слышно только бормотание:

— За… ммм, аз… сила…

Конан прислушался, и ему показалось: «Зачем разбудила?»

Гора уже ходила ходуном, даже ее подножие, казалось, двигалось взад и вперед в медленном и страшном танце. Дым и пар начали рассеиваться, и киммериец вдруг увидел, что в толще камня начали проступать черты гигантского лица. Холодок пробежал у него по спине.

Лицо горы двигалось, почти мгновенно изменяя свои очертания, но с каждым этим превращением оно становилось все явственней, все резче проступали скулы, нос и глаза какого-то знакомого лика, но варвар не мог вспомнить, чьего же именно.

Когда из красного монолита стали выступать огромные слоновьи уши и голый округлый череп, Конан хлопнул себя по лбу:

— Вспомнил! Это же божок, которого я видел на острове в море!

Киммериец стоял, не в силах двинуться с места, и смотрел, как исчезает сама гора, а вместо нее на снежной равнине на фоне мутного неба вырастает исполинская уродливая голова. Наконец движение камня прекратилось, и веки шириной с поле, на котором можно пасти сотню овец, начали приподниматься — все выше и выше, пока зрачки зеленых нефритовых глаз не уставились на Конана, пригвоздив его к месту.

Каменные губы дрогнули, стряхнув с себя последние остатки нерастаявшего снега, и вихрь, вырвавшийся оттуда, чуть не сбил киммерийца с ног. Варвар с трудом удержался на снегу, припав на одно колено, но тут же выпрямился.

Раздался печальный вздох, а затем губы закрылись и стали расползаться вдоль подножия горы, пока киммериец не сообразил, что каменный исполин улыбается.

— Ты молодец, варвар! — Рык, а не голос возникал где-то в глубинах земли и несся по равнине вместе с потоками горячего воздуха из гигантской пасти.

Конан распластался на земле и вцепился в наст, но это не помогало — каждое слово, произнесенное этой чудовищной головой, относило его все дальше по скользкой равнине. Чуть в стороне от него пронесся по снегу какой-то клубок, в котором Конан узнал упряжку

оленей Гермии.

Бедные животные, сцепленные упряжью, были не в силах удержаться на месте, и мешанина из их тел, постромков и остатков саней исчезла из вида, подгоняемая снежным вихрем.

Гора продолжала говорить:

— Я благодарен тебе, что ты помог остановить эту тварь. Если бы не ты, я проспал бы ее появление, и Великое Равновесие могло бы нарушиться. Возьми её! — Губы сложились в трубочку, и голова выплюнула что-то.

Продолговатый белый предмет, неразличимый с такого расстояния, вылетел из пасти и, вращаясь в воздухе, упал в снег. Варвар поднялся на ноги и, заметив место падения, побежал туда. Когда он приблизился, увидел, что на снегу лежит тело Гермии.

Конан наклонился к ней, но услышал только предсмертный шепот колдуньи:

— Напрасно…

Еще мгновение она была неподвижна, потом черты ее лица исказились, все тело стало съеживаться, изменять очертания, и перед глазами изумленного киммерийца осталась только кучка красноватого пепла. Она быстро растворялась в слегка подтаявшем снегу, пока не исчезла совсем, и только бурое пятно напоминало о существовании черноволосой колдуньи.

— Что ж, — рассудил Конан, постояв еще некоторое время, — надо рассчитывать свои силы, иначе. — Он не договорил и повернулся к каменному лицу.

Взгляд его застыл на горе, которая, казалось, как стояла тут вечно, так и будет стоять, словно ничего не произошло.

Гигантская голова исчезла, дым рассеялся, и только коричневато-красный монолит торчал посреди белой бесконечной равнины.

Варвар огляделся по сторонам. В нескольких шагах от него бились в конвульсиях олени из упряжки Гермии, а чуть поодаль варвар заметил и своих оленей, которые все еще неподвижно стояли в очерченном колдуньей круге.

Ее магия еще действовала, несмотря на то, что самой Гермии уже не было в живых.

Пора было собираться в обратный путь. Варвар направился к бившимся оленям и ударами кинжала прекратил страдания животных с переломанными ногами и свернутыми шеями.

Потом он разыскал сброшенные на бегу меховые одежды и с удовольствием натянул их на себя — холод уже давал о себе знать. Вытащить своих оленей из магического круга, и вновь запрячь их в сани, было нелегким, но уже знакомым и почти привычным делом. Конан бросил последний взгляд на Красную гору и пустился в обратный путь.

Вечерело. Заблестели высоко в небе те же звезды, которые светили ему на его далекой родине. Он поплотнее закутался в теплые меха и неожиданно для себя запел услышанную в далеком детстве грустную песню:

И где бы ты ни был, всегда над тобой

Огромное небо под нашей звездой.

Свою Киммерию покинул, забыв,

Но звезды увидев, услышишь призыв

И, глянув на север, под блеском лучей,

Знакомых и ярких, заплачешь о ней.

Ты вспомнишь, ты вспомнишь родные края,

И скажешь, и скажешь — прости, это я,

Твой сын непокорный, брожу одинокий,

Но край свой любимый я помню далекий…

Часть седьмая

ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

Глава первая

Спуск в долину был легким и приятным: по эту сторону кряжа было тепло, и не требовалась меховая одежда, которую варвар бросил на перевале. Птицы пели свои песни, зеленела молодая листва, а сочная трава вымахала ему почти до колена. Ничто не напоминало оставленную за горами бесконечную снежную равнину, продуваемую злым и колючим ветром.

«А если бы эта Гермия унесла чашу Гуйюка, — подумал Конан, — то и здесь, наверное, через два-три года стало бы так же холодно, как и там».

Эта приятная мысль добавила ему и уважения к собственной персоне. Еще бы, он предотвратил такие беды! Поэтому настроение у киммерийца было превосходным, и его не

смутило появление всадниц у самого выхода в долину.

— Стой! — Размахивая копьями, к нему мчалось несколько амазонок, видимо удивленных прибытием с той стороны огромного варвара.

Конан остановился и ждал, пока они приблизятся.

— Кто ты такой? — строго спросила женщина, несколько опередившая остальных.

Она осадила своего коня, который храпел и нетерпеливо гарцевал, чуть не касаясь варвара грудью.

— Я друг твоей королевы Акилы, — ответил варвар, схватив коня под уздцы.

Конь, почувствовав стальную руку киммерийца, замер и только косил на него глазом, не решаясь даже мотнуть головой. Варвар ответил так не просто на всякий случай.

Он предполагал, что Акила за это время могла одержать победу над своей сестрицей. Подскакавшие к тому времени остальные женщины окружили киммерийца и направили на него копья.

— Откуда ты знаешь, что Акила вернулась? — осведомилась хмурая воительница.

— Послушай, красавица, — мягко начал варвар, которому уже надоел допрос, да и тон амазонки был ему не по душе, — я иду своей дорогой и в твои дела не лезу. Для вас будет лучше, если и вы поедете своим путем.

Воительница несколько оторопела. В ее стране за подобные слова любой мог сразу поплатиться жизнью, но такого человека она видела впервые. Конан был чуть не вдвое крупнее любого представителя туземных племен, а огонь, полыхавший в его глазах цвета сапфира, взывал к осмотрительности каждого, кто осмеливался на разговор с ним.

Внушительная фигура и мощные мускулы, перекатывающиеся под смуглой кожей при самом легком движении его тела, произвели должное впечатление на воительниц, не уважавших ничего, кроме своих обычаев и физической силы.

— Ты пойдешь с нами к командиру, — произнесла женщина, но уже без прежней надменности. — И она решит, что с тобой делать.

— Ха-ха-ха! — засмеялся варвар. — Зачем? Я ведь и так знаю, что она скажет. Она разрешит тебе и им, — кивнул он на остальных воительниц, которые смотрели на него с обычными презрением и ненавистью, — а тебе в первую очередь, — повторил варвар, подмигивая ей, — переспать со мной. Но лучше будет, — он опять захохотал, — если мы займемся этим прямо сейчас, не дожидаясь ее разрешения. Идет? — Он свободной рукой погладил ногу амазонки и легонько ущипнул за нежную выпуклость живота чуть ниже пупка.

Женщина вскрикнула от неожиданности, конь под ней дернулся, но поскольку его голова была в руках варвара, словно в железных тисках, то он подбросил крупом, отчего воительница чуть не свалилась с седла.

— Не торопись, даже если согласна, — усмехнулся Конан, поддерживая ее за талию, — всему свое время.

— Пусти! — попыталась вырваться амазонка, вспыхнув то ли от гнева, то ли от возникшего против ее воли желания.

Конан со вздохом притворного сожаления позволил ей выпрямиться. Она возмущенно повела плечами и замерла в нерешительности, не зная, как поступить дальше. Ее подчиненные смотрели, потрясенные нахальством чужеземца, но не решались ничего предпринять без команды.

— Я вижу, девочки, — потешался киммериец, — что мы приходим к согласию. Осталось бросить жребий, кто из вас будет второй. — И опять громогласный хохот потряс поляну.

— Ты что себе позволяешь?! — воскликнула командир дозора, оправясь, наконец от смятения. — Сейчас от тебя… — Она взмахнула плетью, но не успела ни ударить, ни докончить свою фразу.

Варвар, чуть опередив ретивую воительницу, дернул коня за повод с такой силой, что бедное животное рухнуло на колени, а суровая всадница, перелетев через его голову, шлепнулась на землю. Не обращая на нее больше внимания, киммериец схватил за запястье ее подругу, попытавшуюся взмахнуть мечом, и выдернул ее из седла. Вскочив на освободившегося коня, он двинул его на двух оставшихся воительниц. Они попытались оказать сопротивление, но Конан легко выбил оружие сначала у одной, потом у другой.

Долгое время он нигде не мог проявить свои навыки бойца и успел соскучиться по настоящим схваткам.

— Ну что, курочки? — усмехнулся он, прищурясь. — Начнем, что ли? Вот ты мне нравишься больше всех, — указал он мечом на одной из двух своих противниц, еще оставшихся в седлах, — так, что если твоя подруга не против, первой можешь быть ты.

Девушка в ужасе шарахнулась от варвара, но он успел поймать повод ее коня и, схватив за талию, как пушинку, и перенес амазонку на своего скакуна и бросил перед собой на луку седла. Она визжала и вырывалась, но Конан, вогнав меч в ножны, занялся с ней обеими руками. Он не был насильником, и сейчас не собирался воспользоваться своим преимуществом. Он просто решил раз и навсегда отбить у этих надменных созданий желание смотреть на него как на низшее существо, да еще и пытаться командовать им. В два приема он сорвал с нее одежду и, не обращая внимания на отчаянные вопли, перешедшие в плач, впился губами в алый и свежий рот. Она что-то замычала, но он не отпускал ее и скоро почувствовал, как обмякло в его руках крепкое и упругое тело.

— Вот так-то лучше! — удовлетворенно сказал варвар, опуская ее на землю. — Беги к своим. — Он слегка шлепнул по соблазнительному округлому заду и с удовольствием наблюдал, как это красивое и стройное существо со всех ног помчалось к своим подругам, которые стояли в сторонке, не решаясь ничего предпринять.

Конан тронул своего коня и направился к женщинам. Они не отважились взяться за оружие и обреченно ждали его приближения, гладя по голове и успокаивая свою всхлипывающую подружку

— Ну, ладно, — примирительно поднял руку варвар, — я пошутил. Никто не собирается вас насиловать. Не хотите, как хотите — вам же хуже. Лучше расскажите мне, как идут дела.

Женщины, с опаской глядя на варвара, все же сообщили ему, что они воюют на стороне Акилы и что поначалу дела у них складывались неплохо, они разбили войска, верные Бризейс, в сражении под Куюпхой. Но потом эта подлая Бризейс пригласила Акилу на переговоры, а когда та согласилась, вероломно напала на нее и захватила в плен. В войске поднялась паника, Бризейс удалось отвоевать часть страны, и теперь войска Акилы здесь, на севере, готовятся отразить еще один натиск коварной королевы.

— А где же Акила? — упавшим голосом спросил киммериец, его хорошее настроение улетучилось, как утренний туман.

— Акила в плену у Бризейс. Говорят, ее держат в темнице и могут казнить в ближайшие дни, — был ответ, сопровождаемый горестным вздохом. — Тогда все пропало.

— Что ж вы, песьи головы, ударились в панику? — Конан был вне себя от ярости. — Где ваше войско?

— Недалеко отсюда наш лагерь, но мы укрепились и ждем нападения Бризейс.

— Укрепились! — заорал на них варвар, как будто именно эти девушки были виноваты в том, что происходило. — Вам не укрепляться надо, а идти вперед спасать Акилу! Где лагерь? Быстро туда!

Он вскочил на коня, махнув воительницам, чтобы следовали за ним, и они во весь опор помчались к войскам.

Лагерь и в самом деле был совсем недалеко. Варвар вскоре увидел частокол, видимо окружавший расположение войск. Они подскакали к воротам, но караульные не отворяли их, видимо не решаясь впустить киммерийца.

— Это друг Акилы! — кричали прискакавшие с Конаном девушки, но стоявшие на вышке дозорные отвечали, что не могут впустить чужака, пока не подойдет их командир.

По всей видимости, командир амазонок была занята, потому что прошло довольно много времени, а варвар успел прийти в невиданную ярость, когда ворота наконец приотворились и в щель проскользнула воительница, узнавшая киммерийца.

Он тоже узнал ее: они вместе участвовали в засаде, после которой варвар очутился у Мерида.

— Кто у вас командир? — рыкнул варвар на женщину, его раздражало, что приходилось ждать, когда надо действовать.

— Это тебя не касается, — недружелюбно ответила женщина.

— Не касается?! — Варвар буквально закипел от гнева. — Упрямые ослицы, я вам сейчас всем головы поотрываю и эту вашу крепость разнесу по бревнышку, если вы меня не пропустите! Вы что, все с ума сошли? Надо не укрепляться и ждать, пока вашей королеве отрубят голову, а идти вперед! Погибнуть или победить, а не отсиживаться!

За воротами послышался слабый шум, потом они заскрипели и стали отворяться. Варвар тронул своего коня, намереваясь пробиться вперед, но тут навстречу ему вышла со своим обычным хмурым выражением лица не кто иная, как сама Паина, ближайшая соратница его Акилы. Она была в полном боевом облачении, на шлеме блестела фигурка золотого орла.

— И ты здесь! — Киммерийца просто затрясло от ярости. — Вы и впрямь лишились последнего ума. Акиле грозит смерть, а вы тут готовитесь к осаде. Клянусь Кромом, я вырву твою печень и брошу ее псам, если мы сейчас же не выступим! Тебе не орла на шлеме носить, а хвост шакала!

Паина, в свою очередь, сжала кулаки, но, взглянув на Конана, поняла, что тот пойдет на все. Она не понаслышке знала, что варвар угроз на ветер не бросает и, если понадобится, достанет ее из-под земли и сделает то, что сказал.

Вдобавок она стыдилась того, что не бросилась спасать свою госпожу — ее отговорили командиры, не уверенные в победе. Приход Копана все решил. Времени для раздумий, в самом деле, не оставалось, и Паина, обернувшись, сказала кому-то, кого варвар не видел за створкой ворот:

— Труби сбор, и пусть все командиры придут сюда.

— Так-то. — Варвар слегка отошел от гнева, но все жене успокоился до конца, пока не увидел, как пять женщин с золотыми орлами на шлемах, выйдя из ворот, присоединились к Панне.

— Теперь слушать меня! — сказал Конан, и такова была сила его убежденности, что воительницы не сделали ни малейшей попытки возразить или хотя бы вставить слово.

Киммериец не говорил — он, словно строитель, укладывал каменные глыбы в основание крепостной стены, так веско, тяжело и гневно звучали его слова. Взгляд,

полыхавший холодным синим пламенем, словно пронзал все их существо, и воительницы против своей воли и привычек готовы были повиноваться ему беспрекословно, без раздумий и страха. Он возвышался над женщинами, спокойный и могучий, как каменный монолит, сила и уверенность, исходившая от него, не оставляли у женщин никаких сомнений — разве что невольное изумление тому, что впервые в жизни они повинуются мужчине.

— Карту мне! Мгновенно откуда-то (варвар даже не повернул головы, чтобы посмотреть, откуда) возник пергамент. — Где отряды Бризейс?

Паина ткнула пальцем в карту:

— Это здесь, недалеко от столицы.

— Теперь слушайте внимательно. — Эти слова были излишни, амазонки и так внимали ему, не в силах даже шелохнуться. — Собрать всех лучших коней, чтобы хватило на два отряда. Ты, Паина, — варвар направил на нее палец правой руки, — выберешь лучших из лучших, это будет твой отряд. Выступаем немедленно, половина коней на подмену, чтобы после полудня были у столицы.

Паина кивнула. Конан обвел взглядом остальных.

— Еще два отряда подойдут к вечеру и охватят столицу с двух сторон, тут и тут. — Он ткнул пальцем в карту и усмехнулся. — На всякий случай. Я думаю, особого сопротивления нам не окажут. Выступаем немедленно!

Лагерь зашевелился. Топот тысяч ног, звон оружия, ржание лошадей — вся эта суматоха подготовки к бою была близка и радостна киммерийцу, он чувствовал себя в родной стихии. Последнее время судьба перебрасывала его с места на место, как мячик — от колдуна к колдуну, от приключения к приключению, упрямо оберегая его от милых сердцу сражений, и даже последней схватки с Гермией, собственно говоря, и не было. Он лишь по мере своих сил способствовал чему-то, но все делалось какими-то другими силами. Но теперь, наконец, все в его руках!

Киммерийца охватило знакомое возбуждение перед опасным походом, все его мускулы были упруги и напряжены, все чувства обострены, как у хищного зверя, выходящего на охоту. Никакая сила не могла остановить его, он готов был смести и разорвать в клочья любое препятствие.

Глава вторая

Конан скакал впереди, его лицо было хмурым и сосредоточенным, губы упрямо сжаты. Временами он оборачивался, чтобы посмотреть, как идет за ним отряд воительниц. Все было в порядке, они нахлестывали коней, чтобы не отстать от предводителя. По ветру трепетали кончики синих лент, повязанных ими на головы, чтобы отличать в бою своих. Амазонкам передались сила и уверенность киммерийца, и теперь это было не просто войско, а закованный в железо и ощетинившийся оружием смерч, способный разнести в щепки любое препятствие, и горе тому, кто попадется на его пути! Уже дважды поменяли коней, и скоро должны были показаться башни столицы, но тут им повезло. Правда, варвар знал всегда: везет тому, кто этого достоин.

Вылетая галопом из-за небольшой рощицы, варвар первым увидел идущие прямо на них в походном строю войска Бризейс — королева решилась, наконец, выступить, чтобы разбить остатки отрядов изменниц. Уверенные в том, что их противник находится в лагере за день пути от них, командиры Бризейс даже не удосужились выслать вперед разведку. За беспечность они были тотчас наказаны. Увидев летящих на них во весь опор воительниц, отряды даже не успели перестроиться, и Конан со своими соратницами вломился в колонну, как пантера в стадо пугливых антилоп. Натиск и ярость нападавших были столь сильны, что противник просто не в силах был оказать мало-мальски достойное сопротивление. Варвар, рубя мечом направо и налево, промчался дальше, опрокидывая вражеские порядки и сея вокруг смерть.

Противник дрогнул и в беспорядке начал отступать, но Конан со своими амазонками продолжал преследовать его, не давая ни мгновения передышки. Паника — мать поражения — охватила войско Бризейс. Все смешалось: крики командиров, топот множества конских копыт, звон мечей, лошадиное ржание, стоны раненых, истошные вопли боли и страха, скрип тележных колес, и над всем этим господствовала громадная фигура киммерийца, один вид которого был способен довести до смертельного ужаса любого, кто оказался на его пути.

— За мной!

Увлекая передние ряды своего войска, Конан преследовал уже не отступающие, а беспорядочно бегущие толпы, не разбирающие дороги и ничего не видящие, неуправляемую массу людей, которая совсем недавно была сильным войском. В панике амазонки мчались к раскрытым воротам города, не думая уже ни о чем, кроме спасения. Части армии Бризейс еще выходили из городских ворот, когда бегущие и растерзанные остатки войска смяли их и растеклись по улицам столицы.

Киммериец, а за ним его соратницы, ворвались в город, почти не встречая сопротивления. Варвар просто отшвыривал с дороги тех, кто дерзал встать на его пути, оставляя своим воительницам возможность добивать противниц или брать их в плен. Его целью был царский дворец, куда он стремился попасть как можно быстрее.

Ворота дворца были заперты, но киммериец, не останавливая коня, встал на его спину и, когда поравнялся с дворцовой оградой, просто взлетел, как птица, на верхнюю кромку каменной стены.

Он спрыгнул в сад и бегом направился к дворцу. Две вооруженные мечами женщины попробовали преградить ему путь, но двумя взмахами клинка он избавился от них и прыгнул на крыльцо портика — парадного входа, судя по страже с алебардами. Гвардейцы даже не успели изготовиться к отпору — так стремительно и неожиданно было появление варвара. Он отшвырнул их, как котят, даже не прибегая к оружию, и ворвался во дворец. Очутившись в прохладном пустом вестибюле, киммериец на мгновение остановился, не зная, куда бежать дальше. Произведенный им шум уже привлек стражников из покоев дворца.

Конан притаился за дверью и, когда почувствовал, что створка начала движение, сначала изо всех сил рванул на себя, а затем толкнул обратно. Раздался удар, вскрик, и две воительницы рухнули на пол, не успев даже сообразить, что произошло. Конан распахнул дверь и схватил за горло третью стражницу, прежде чем она успела вскрикнуть. Он вырвал у нее саблю и, заломив ей руку за спину, приподнял ее так, что их лица оказались на одном уровне.

— Где Бризейс? — хрипло выдохнул киммериец.

Женщина даже не пыталась вырваться, ужас сковал ее при виде гиганта с

развевающимися черными волосами и горящими яростью синими глазами.

— В подвале, там. — Она откинула голову назад, показывая, куда следует идти варвару. Ни на что большее она не была способна.

— Прочь!

Киммериец швырнул ее в дверной проем и, не оглядываясь, помчался по коридорам дворца в направлении, которое указала стражница. Раза два ему попадались вооруженные женщины, но он даже не остановился, на бегу отбрасывая их в сторону ударом могучего кулака.

Наконец он увидел лестницу, ведущую вниз, и ринулся по ней, перепрыгивая через несколько ступенек. В лицо дохнуло холодом и затхлостью подземелья. Варвар достиг нижней площадки и толкнул ногой первую попавшуюся дверь.

Помещение, куда он ворвался, было просторным, с высоким потолком. Стены были из неотесанных каменных плит, почти под самым потолком — несколько зарешеченных окошек, почти не пропускавших свет солнца. По углам стояли светильники, их желтоватый свет смешивался с пламенем очага в алькове. Но Конану было не до архитектурных особенностей помещения. В глаза ему сразу бросилась совершенно нагая женщина, она висела вниз головой над бочкой с водой.

Веревка, концом которой были связаны ее ноги, была перекинута через блок и перекладину, и дальше шла к вороту. Ворот медленно крутила женщина в кожаном фартуке на голом телом. Она стояла боком к варвару, все ее внимание было отдано пытке.

Голова жертвы погрузилась в воду, и женщина забилась в своих путах. Конан не видел лица несчастной, потому что она висела спиной к нему, но по линиям ее тела, по рельефным мускулам спины, на которой отчетливо выделялись багровые полосы, по плечам и рукам, тоже хранившим, следы плети, он узнал ее,

— Акила! — закричал варвар.

Женщина, которая крутила ворот, вздрогнула, но посмотрела не на него, а чуть правее. Киммериец перехватил ее взгляд и увидел еще одного человека, которого не заметил сразу: со скамьи у стены поднималась, глядя на него округлившимися от ужаса глазами, женщина, очень похожая на его возлюбленную. Такие же серые глаза, полные яркие губы и пепельные волосы… Он понял: это — Бризейс!

— Ну, падаль, молись своим богам! — прохрипел варвар, занося руку с мечом. — Только вряд ли это тебе поможет…

Палач бросила ворот, который начал раскручиваться, и метнулась в дальний угол, но Конан, почти не глядя на нее, метнул вдогонку нож, и тот вонзился в голую спину. Не мигая, варвар смотрел на Бризейс и медленно приближался к ней. Глаза киммерийца словно пригвоздили королеву к месту, она замерла, как кролик под взглядом удава, не в силах пошевелиться.

— Допрыгалась, сука?

Варвар сделал еще один шаг. Бризейс, наконец, преодолела оцепенение и попыталась выхватить меч, но Конан был быстрее. Он не дал ей шанса сразиться с ним — краем глаза он заметил, что голова Акилы погрузилась в воду и тело судорожно выгнулось. В других обстоятельствах варвар, может быть, и позволил бы Бризейс умереть в честном бою, но сейчас было не до этого. Конан нанес два удара: первый — обманный, заставивший королеву податься вправо, а второй настоящий. Клинок, опускаясь сверху налево, поймал отблеск пламени очага, и голова королевы с глухим стуком упала на пол. Все было кончено в один

миг.

Киммериец бросился к Акиле, чья голова почти полностью погрузилась в воду. Амазонка уже билась в судорогах.

Варвар, дотянувшись кончиком меча до веревки, перерезал ее и подхватил тело. Акила почти потеряла сознание, она вся дрожала и хватала ртом воздух. Конан отнес ее к скамье и осторожно уложил на спину. Голова Акилы безжизненно откинулась, руки свесились плетьми.

«Неужели опоздал?..» — похолодел варвар.

Он похлопал Акилу по щекам, она содрогнулась и слабо застонала.

«Все в порядке, — обрадовался киммериец, — выживет, никуда не денется».

Он принялся энергично растирать ее, и это возымело действие: веки затрепетали, потом открылись глаза. Акила несколько мгновений бессмысленно смотрела в потолок, потом перевела взгляд на варвара.

— Конан? — прошептала она, не веря своим глазам.

— Я, я, — улыбнулся киммериец, — лежи, сейчас принесу что-нибудь из одежды.

— Подожди. — Акила схватила его за руку. — Разве ты не погиб?..

— Как видишь, нет, — усмехнулся варвар, — и, главное, успел вовремя вернуться.

— Где моя сестрица и эта… — королева поморщилась от боли, — эта сука Хемилья? — с трудом договорила она.

— А вот, — просто ответил варвар, подняв за волосы голову ее сестры и показав Акиле. — А ее подружка вон там отдыхает, — он махнул рукой в дальний угол. — Мертвая, — добавил он.

— Мог бы и не уточнять, — ответила Акила, которая знала способности киммерийца.

Силы постепенно к ней возвращались, но все же после пыток она была очень слаба и даже говорить ей было трудно. Конан оглянулся вокруг в поисках кувшина с вином или еще чего-нибудь подходящего к случаю, но, кроме орудий пыток, ничего не увидел. Вдруг ухо варвара уловило топот множества ног и бряцание лат: приближалась группа вооруженных людей, Это напомнило киммерийцу, что бой еще, наверное, не кончен. С мечом в руке он бросился к двери и посмотрел в щель, но, увидев бегущих по лестнице женщин с синими повязками на лбу, широко ее распахнул,

— Твои! — коротко бросил он Акиле.

В комнату вбежали несколько амазонок во главе с Паиной.

— Жива? — Она бросилась к своей госпоже.

— Жива, жива, — ответил киммериец. — Вы, амазонки, бабы крепкие. Как там наверху?

— Тысяч пять сдались в плен. Остальных, кто сопротивлялся. Но таких было немного.

— Можешь не продолжать, — усмехнулся варвар, зная исключительную жестокость амазонок. — Давай лучше перенесем ее в покои, да пошли кого-нибудь за лекарем. Надо вправить королеве суставы, да и вообще подлечить.

Глава третья

Через несколько дней Акила пришла в себя окончательно, а за это время ее приближенные во главе с Паиной навели полный порядок в столице, и уже ничто не напоминало о скоротечной битве и даже о более чем десятилетнем правлении Бризейс. За время своего царствования она так настроила против себя амазонок, что только страх мог удержать их в повиновении, и когда вероломной королевы не стало, то и оплакивать, и жалеть ее было некому.

В эти дни варвар не видел Акилу, она не звала его к себе, поэтому он расхаживал по городу, с любопытством наблюдая за тем, как воительницы убирают улицы: подметают мостовые, вставляют новые стекла взамен выбитых, разбирают обуглившиеся бревна на пепелищах — в день штурма столицы было много беспорядков.

Для амазонок зрелище свободно разгуливающего по улицам мужчины было сродни тому, как если бы сам Нергал или Бел явились в город: некоторые, увидев его, презрительно плевали; другие замирали в изумлении, решив, что у них что-то неладно с головой; те, кто уже слышал о нем или видел в бою, смотрели на киммерийца со смесью страха и восхищения; но были и те, кто поглядывал на него с затаенным в глазах огнем желания. Его гигантский рост выделял его везде, в какой бы стране он ни появился, но здесь, в толпе женщин, большинство из которых было обязано своим происхождением гирканским или туранским отцам, он возвышался, как башня. Среди девушек-воительниц попадались очень даже хорошенькие. Варвар, глядя на свежие лица и стройные девичьи тела, сожалел о том, что попользоваться ими вряд ли возможно, потому что обычаи и дисциплина в этой стране были сильны, а наказание за вольность — жестоко.

Мужчины, которые попадали сюда, доставались тем девушкам, на которых падал выбор совета. У амазонок не было таверн или кабачков, где можно было бы посидеть и выпить кувшинчик вина, поболтать или сыграть в кости.

Для Конана во дворце были отведены особые покои; с приказом выполнять любые его прихоти к нему были приставлены две девушки. На второй день своего пребывания в столице амазонок киммериец решил, что он, пожалуй, загостился, да и дела все переделаны. Он отправился в покои королевы, прошел несколько залов, где у каждой двери, как и во времена Бризейс, стояли гвардейцы. Но стражницы не решались задержать его или хотя бы задать вопрос. Они слишком хорошо помнили, как он ворвался в город, и никто не хотел будить лиха — кто знает, что на уме у этих мужчин…

Конан подошел к покоям Акилы и кивнул воительнице у двери.

— Доложи, что я здесь.

Та юркнула за дверь и через некоторое время появилась, дав знак войти.

Акила полулежала на низком диване в углу комнаты и что-то говорила Панне, которая напряженно ловила каждое слово.

— Присядь. — Королева указала варвару на низкую скамейку рядом с диваном.

Конан сел, с любопытством оглядывая комнату, в которой оказался впервые. Амазонки не отличались любовью к роскоши, и помещение скорее напоминало солдатскую казарму, чем царские покои: стены не были покрыты коврами или драпировками, голый, хоть и отесанный камень был буроватого цвета. Он сразу напомнил киммерийцу объятую дымом Красную гору. Окно было большое, с решетками из стальных прутьев, но стекла в нем были цветными, и это хоть как-то смягчало суровость обстановки. Из мебели был только длинный диван, да сбоку от него пара скамеек, на одной из которых сидела Паина, а на другой Конан.

Пол был каменным, без ковров или циновок.

«Где она спит? — удивился варвар. — На этом диване, что ли?»

Он присмотрелся внимательнее и увидел низкую дверь в соседнее помещение.

«Наверное, настоящие покои там, а это только приемная», — решил он.

Киммериец привык, что короли и правители имеют роскошные покои, где они принимают послов, пируют или собирают сановников, поэтому убогий вид этого помещения несколько удивил киммерийца. Однако, подумав немного, он решил, что в этой далекой от цивилизованного мира стране свои обычаи, да и послов, как где-нибудь в Офире, Кофе или Аквилонии, тут не бывает. Хотя бы по той простой причине, что вести переговоры здесь не с кем, да и незачем — все проблемы с соседними народами воительницы решают силой оружия.

Акила закончила разговор с Паиной и отпустила ее. Когда она проходила мимо Конана, тот от изумления едва не свалился со скамьи: в обращенных к нему глазах суровой воительницы вместо обычной надменности он увидел смешанную с уважением благодарность.

— Акила… — начал Конан, когда дверь за Паиной закрылась.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, — ответила королева. — И я знаю, что в долгу перед тобой, Конан, но…

— Какие могут быть «но», — перебил ее варвар. — Если уж на то пошло, ты сама знаешь, что после взятия города солдатам всегда дают три дня на его разграбление. Кто взял вашу столицу?

— Ты, — ответила Акила, уже понимая, к чему он клонит.

— Так неужели, — варвар присел рядом с ней, намереваясь обнять, — ты не дашь мне хотя бы эти три дня? Помнишь, как было в прошлый раз?

Она отодвинулась от киммерийца и посмотрела ему прямо в глаза. Конан увидел, что желание, скрытое в глубине души, не может пробиться сквозь решение, которое она приняла еще тогда, в Стигии, когда навсегда, как она думала, рассталась с ним.

— Но у вас же принято давать женщине мужчину на месяц, — испробовал варвар другой подход. — Таков ваш обычай.

— Да, — сказала Акила, — я могу дать тебе любую девушку, какую захочешь, и поверь, она будет счастлива. — Потаенный огонь на мгновение вспыхнул в глазах королевы. — Но мне сейчас недосуг заниматься любовью. Даже с тобой, — прибавила она со вздохом. — Слишком много дел…

— А как твои дела могут нам помешать? — беспечно, хоть и с некоторым удивлением, настаивал на своем Конан. — Делами ты будешь заниматься днем, а быть вместе мы можем и ночью.

— Ты не понимаешь, — не без раздражения ответила Акила. — Мой народ вынес много горя под пятой Бризейс. Он не поймет меня сейчас, если рядом со мной будет мужчина. Тем более, что ты знаешь, как большинство из нас к ним относится.

— Видел, — усмехнулся Конан. — Но, во-первых, ты за это время, надеюсь, поняла, что некоторые мужчины годны не только в быки-производители, — подмигнул он королеве, — а во-вторых, ты как раз и подашь им пример, как надо к нам относиться.

— Какой пример? — вспыхнула Акила. — Что, я должна переспать с тобой на центральной площади, у всех на виду?

«Интересная мысль, — подумал киммериец, — пожалуй, на моем веку ничего

подобного еще не было. Клянусь стройными бедрами Иштар, это было бы довольно забавно! Ради такого случая уж я бы постарался не ударить в грязь лицом…»

Варвар представил на мгновение, как вылупят глаза амазонки, и чуть было не рассмеялся, хотя ему было совсем не до веселья. Он смотрел на Акилу, которая была от него на расстоянии вытянутой руки и все же дальше, чем когда бы то ни было — даже более чужая, чем в тот раз, когда он впервые увидел королеву амазонок в захудалом трактире столь же захудалого британского городишки. Он с первого взгляда почувствовал влечение к этой необыкновенной женщине.

Но тогда у него была надежда, а сейчас киммериец видел, что между ними выросла стена, и не понимал, откуда она взялась и как ее разрушить. В его жизни было много женщин, но Акила особенно запала ему в душу, и столько всего было между ними, и вот теперь выходит, что она больше не желает его знать.

Сознание варвара отказывалось постигать такую несправедливость.

— Ваши обычаи не могут принести ничего, кроме вреда, — пошел Конан в последнюю атаку. — Вспомни, как живет остальной мир. Ты же, в отличие от твоих подданных, повидала его.

— Нам наплевать на остальных, — отрезала Акила. — Наши обычаи существуют много веков, и, как видишь, нас они устраивают. Думаю, именно они помогают нам выжить. В общем, как я решила (и, заметь, решила не вчера), так и будет. Говорить больше не о чем!

— Ну, что ж. — Конан поднялся со скамьи. — Если ты действительно так решила, я не буду спорить. Только все же подумай о том, что такая жизнь, как у вас, — это не жизнь. Может быть, со временем ты поймешь это, тогда позови меня. Найдешь, если будет желание.

Он повернулся и, не оглядываясь, вышел из покоев королевы. Пройдя дворцовые коридоры, он вошел в свою комнату и гаркнул на появившихся в тот же миг прислужниц:

— Коня!

Когда Конан покинул столицу амазонок, солнце уже клонилось к горизонту. Его конь мерной рысцой бежал по пыльной дороге, а киммериец, бросив поводья и предоставив скакуну держать путь, медленно обводил взглядом зеленую равнину, белеющие на фоне синего неба вершины гор и рассуждал о бренности жизни, о промысле богов и о том, что ждет его впереди.

OCR: Lord